

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

С наступающим Новым годом!

- ЭКСПОРТНАЯ СТРАТЕГИЯ США В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА
- ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ СОВЕТНИКА ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОЕДИНЁННЫХ ШТАТАХ
- КЛИМАТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И АМЕРИКАНСКОЕ ВОЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
- ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ
- БАЙДЕНОМИКА ПРОТИВ РЕЙГАНОМИКИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В АМЕРИКЕ И КРАХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА
- «13 КЛЮЧЕЙ К БЕЛОМУ ДОМУ»: ПРОГНОЗ ИСХОДА ВЫБОРОВ НА ФОНЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ
- АМЕРИКАНО-КАНАДСКИЙ АЛЬЯНС В АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ: БОРЬБА ЗА ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

12•2024

Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2024

№ 12 (660)

Декабрь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклейна (МГИМО, Москва, Россия); Н.А. Шведова (ИСКРАН, Москва, Россия); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский университет, Оттава, Канада); Дж. С. Дюран (Мемориальный университет Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в Кенесо, Кенесо, США); Н. Симотома (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония); Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Ханкук, Сеул, Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2024

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2024

© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2024

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2024

No. 12 (660)

December

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada); John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada); Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan); Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

Содержание

2024, № 12 (660)

На актуальную тему

Федоров В.И. «13 ключей к Белому дому» для Дональда Трампа: наблюдая за выборами	5
Сунь Исян. Последствия специальной военной операции для трансрегиональной безопасности и стратегические интересы США и Китая (часть 2)	20

Экономика

Лебедева Л.Ф. США в мировом товарном экспорте в начале третьего десятилетия	34
Толкачёв С.А. Американский промышленный консенсус и его враги	45
Хорошилов Е.Е. Реконфигурация атомной промышленности США и Канады	60

Военная политика

Степанова Н.В. Проблема изменения климата и опыт военного планирования в США	74
---	-----------

Политика и люди

Шведова Н.А. Камала Харрис – «новый признак сейсмического сдвига» в президентской гонке – 2024?	88
Мамедова А.О. Роль советников президента США по национальной безопасности в администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена	103

Содержание-2024	119
------------------------------	------------

Информация для авторов	127
-------------------------------------	------------

Contents

2024, No. 12 (660)

Burning Issue

Fedorov, V.I. "13 Keys to the White House" for Donald Trump: Election Observation	5
Sun Yixiang. Transregional Security Impacts of the Special Military Operation and Strategic Interests of the United States and China (Part 2)	20

Economics

Lebedeva, L.F. United States in Global Exports at the Beginning of the Third Decade	34
Tolkachev, S.A. The American Industrial Consensus and Its Enemies	45
Khoroshilov, E.E. Reconfiguration of the U.S. and Canadian Nuclear Industries	60

Military Policy

Stepanova, N.V. Climate Change and Military Planning in the United States	74
--	-----------

Politics and People

Shvedova, N.A. Kamala Harris: 'A New Sign of a Seismic Shift' in 2024 Presidential Race	88
Mamedova, A.O. National Security Advisors Under Donald Trump and Joseph Biden	103

Contents-2024	123
----------------------------	------------

УДК: 324.1

DOI: 10.31857/S2686673024120018

EDN: WPBCMO

«13 ключей к Белому дому» для Дональда Трампа: наблюдая за выборами

В.И. Федоров

Институт научной информации по общественным наукам

Российской академии наук (ИИОН РАН).

Российская Федерация, 117418, Москва, Нахимовский проспект. Д. 51/21.

Финансовый университет при Правительстве РФ.

Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект. Д.49.

ORCID: 0000-0002-4173-1358 e-mail: vifedorov@fa.ru

Резюме. С 1984 года в американской политологии успешно применяется прогностическая модель определения победителя президентских выборов – «13 ключей к Белому дому», разработанная А. Лихтманом и В. Кейлис-Бороком. Автор, опираясь на данную модель, проводит дистанционное наблюдение за выборами и предлагает собственный прогноз ожидаемого исхода президентских выборов 2024 года в США. Усиливающаяся поляризация американского избирателя рассматривается в рамках социологической и экономической теории избирательного поведения.

Ключевые слова: выборы президента США, поляризация избирателя, Дональд Трамп, Камала Харрис, Джозеф Байден, Алан Лихтман, политическое участие.

Благодарности: Проект № 124101700568-9 «Дистанционное электронное голосование в социально-политических коммуникациях: общественное наблюдение и политическое участие» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Для цитирования: Федоров В.И. «13 ключей к Белому дому» для Дональда Трампа: наблюдая за выборами. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(12): 5–19. DOI:10.31857/S2686673024120018 EDN: WPBCMO

"13 Keys to the White House" for Donald Trump: Election Observation

Vladislav I. Fedorov

Institute of Scientific Information on Social Sciences,

Russian Academy of Sciences (INION RAS).

Nakhimovsky pros. 51/21, Moscow, 117418, Russian Federation.

Financial University under the Government of the Russian Federation.

Leningradsky pros. 49, Moscow, 125993, Russian Federation.

ORCID:0000-0002-4173-1358 e-mail: vifedorov@fa.ru

Abstract: Since 1984, the predictive model for determining the winner of the presidential election, "13 Keys to the White House", developed by A. Lichtman and V. Keilis-Borok, has

been successfully used in American political science. Based on this model, the author conducts remote election monitoring and offers his own forecast of the expected outcome of the 2024 presidential elections in the United States. American voters are highly likely to vote for Donald Trump, who was predicted to become the 47th president of the United States. The increasing polarization of the American electorate is considered within the framework of the sociological and economic theory of electoral behavior.

Keywords: US presidential election, polarization of the electorate, Donald Trump, Kamala Harris, Joseph Biden, Alan Lichtman, political participation.

Acknowledgement: Funding: Project № 124101700568-9 "Remote e-voting in socio-political communications: Public observation and political participation" was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research and implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences.

For citation: Fedorov, V.I. "13 Keys to the White House" for Donald Trump: Election Observation. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2024; 54 (12): 5–19. DOI:10.31857/S2686673024120018 EDN: WPBCMO

ВВЕДЕНИЕ

Результаты выборов президента США в 2024 году займут особенное место в эlectorальной истории этой страны и окажут значительное влияние на международные отношения, в том числе и на российском треке. Уникальными характеристиками избирательной кампании стала высокая турбулентность политического процесса в США, а также усиливающаяся поляризация не только избирателей, в структуре которого уже больше трети [1] представляют национальные меньшинства, но и кандидатов, сильно отличающихся половозрастными характеристиками и выдвигаемыми программами. Единый день для голосования в США сохраняется, но его значение снижается, потому что половина избирателей голосует досрочно – по почте или на избирательных участках, оборудованных электронными машинами для голосования, в некоторых штатах применяется голосование по электронной почте. При этом американская политическая система продолжает оставаться закрытой для международного наблюдения, в 18 штатах работа международных наблюдателей на избирательных участках запрещена. Американские наблюдатели представляют две крупнейшие политические партии, поэтому они являются ангажированными. Это создаёт большие трудности в прогнозировании результатов президентских выборов.

Впервые с 1968 года инкумбент Дж. Байден отказался от выдвижения своей кандидатуры на должность президента, уступив номинацию вице-президенту К. Харрис, которая заручилась поддержкой руководства партии без публичного обсуждения её кандидатуры, что было негативно воспринято движением «Жизни чёрных имеют значение» (*Black Lives Matter*), выразившим недовольство тайными закулисными переговорами по вопросу выдвижения Харрис без общественного

обсуждения альтернативных кандидатов [2]. Впервые Д. Трамп, кандидат, проигравший предыдущие выборы получил возможность быть избранным на новый срок. Покушение на Трампа 13 июля увеличило его популярность и показало, что он стойко держит удар. Кандидатом на должность вице-президента стал сенатор от штата Огайо, автор автобиографической книги «Элегия хиллбили» Дж. Д. Вэнс. Вероятно, что симпатия «синих воротничков», проживающих в колеблющихся штатах вокруг Великих озёр, стала одним из решающих факторов победы Трампа – Вэнса.

После победы Трампа на выборах республиканцы могут на несколько электоральных циклов стать доминирующей политической силой. По мнению американского социолога Майкла Манна, автора фундаментального труда «Источники социальной власти», неолиберализм, смешанный с американским консерватизмом (милитаризм, моральные ценности, расизм, ныне существующий в скрытом виде), уже длительное время является идеологией Республиканской партии США [Манн М., 2014]. Фундаментом, объединяющим республиканцев, выступают три ключевых фактора: семейные ценности, уважение к религии и стремление к ограничению роли государства в жизни общества. В противовес государственному аппарату элиты республиканцев хотели бы усилить роль корпораций в жизни США, которые, по их мнению, могут более эффективно управлять обществом, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Однако на стороне демократов остаются развитый госаппарат, контроль за СМИ и увеличение среди избирателей меньшинств.

Аналитическая модель для кабинетного исследования «13 ключей к Белому дому» [Lichtman A.J., 2012] была создана в 1980-е годы в результате сотрудничества американского историка Алана Лихтмана и советского математика и геофизика Владимира Кейлис-Борока. Авторам метода с 1984 года удалось верно спрогнозировать победителей уже десяти избирательных кампаний. А. Лихтман выделил 13 крупных бинарных блоков общественно-политической жизни США, которые оказывают наибольшее влияние на электоральные предпочтения. Оценкой каждого из блоков служит ответ исследователя в формате суждения «правда/ложь». Причём ответ «правда» всегда интерпретируется в пользу партии-инкумбента. Данная аналитическая модель может быть полезна для лиц, принимающих решения в России.

Базовая гипотеза модели состоит в том, что выборы являются оценкой деятельности политической партии, команда которой управляет Белым домом. Свои суждения о результатах деятельности президента американские избиратели формируют в течение первых 1,5–2 лет его работы на Пенсильвания-авеню. Если работу действующего президента не одобряет большинство избирателей, то победа оппозиционной партии гарантирована независимо от того, какой кандидат был ею выдвинут. В таблице подробно описана механика прогностической модели, применимая к ситуации накануне президентских выборов 2024 года.

Таблица 1
«13 ключей к Белому дому»

Название ключа	Расшифровка ключа	Сила прогноза	Суждение
Партийный мандат	После промежуточных выборов партия власти имеет больше мест в Палате представителей, чем после предыдущих промежуточных выборов	83	Ложь
Конкуренция в правящей партии	Нет серьёзной борьбы за номинацию в правящей партии	86	Правда
Участие инкумбента	Кандидат от правящей партии – действующий президент	71	Ложь
Третья партия	Нет сильного кандидата от третьей партии или сильного независимого кандидата	69	Правда
Текущая экономическая ситуация	Экономика не находится в состоянии рецессии во время избирательной кампании	77	Правда
Долгосрочная экономическая ситуация	Рост реальных доходов на душу населения в годы правления действующего президента равен или выше по сравнению с ростом, который был во время двух предыдущих президентских сроков	74	Ложь
Изменения в политике	Действующая администрация проводит значительные изменения во внутренней политике	82	Правда
Общественные волнения	Отсутствуют масштабные общественные волнения	67	Правда
Скандал	Действующая администрация не запятнана крупным скандалом	63	Ложь
Ошибки в международной политике	Действующая администрация не допустила серьёзных ошибок во внешней и военной политике	68	Ложь
Успехи в международной политике	Действующая администрация добилась серьёзных успехов в области внешней и военной политики	79	Ложь
Харизматичность кандидата от партии-инкумбента	Кандидат правящей партии обладает харизмой или является национальным героем	80	Ложь
Харизматичность кандидата от партии-претендента	Кандидат оппозиционной партии не обладает харизмой и не является национальным героем	66	Ложь
Итого ложных суждений		8	

Составлено автором на основе прогнозного метода Алана Лихтмана.

Как работает модель? Если количество «ложных» суждений равно или меньше 5, то кандидат от правящей партии одержит победу на президентских выборах. Если «ложных» суждений 6 или больше, то кандидат от правящей партии проигрывает. Кроме определения победителя А. Лихтман и В. Кейлис-Борок предлагают формулу, которая позволяет прогнозировать уровень электоральной поддержки кандидата от партии власти:

$$P=36,75 + 1,84 \times L,$$

где L – количество суждений, признаваемых «истинными» для правящей партии.

Так как у Демократической партии всего 5 верных суждения, то её кандидат должен получить около 45,95% голосов избирателей. Прогностическая модель «13 ключей к Белому дому» отдаёт победу Д. Трампу с большим преимуществом.

Разберём все 13 ключей и объясним, почему была дана конкретная качественная оценка: правда или ложь.

Ключ №1 – партийный мандат. Большинство мест в Палате представителей (218) на день выборов у Республиканской партии, в меньшинстве – Демократическая партия (213).

Ключ №2 – конкуренция в правящей партии. У демократов не было серьёзной борьбы за номинацию после отказа Байдена участвовать в выборах. Это вызвало недовольство ряда общественных организаций и политиков. Например, в движении «Жизни чёрных имеют значение» призывали организовать праймериз и дать возможность для номинации других кандидатов. Бывший президент США Барак Обама выступал с аналогичным предложением.

Ключ №3 – участие инкумбента. Действующий президент Байден мог принять участие в выборах, но отказался из-за трёх факторов: неудачных дебатов с Трампом, плохого состояния здоровья, роста популярности Трампа из-за покушения на его жизнь.

Ключ №4 – третья партия. Независимый кандидат Роберт Ф. Кеннеди, который вышел из Демократической партии в 2023 году, отличается громкими заявлениями о грядущей революции в США, губительности вакцин от ковида-19 для здоровья человека, а также необходимости полного перехода к использованию возобновляемых источников энергии. По мнению А. Лихтмана, серьёзное значение для результатов выборов имеет электоральная поддержка третьего кандидата более 5%. Однако у Кеннеди нет шансов на такой результат, и он должен отнять голоса у кандидата от демократов.

Ключ №5 – текущая экономическая ситуация. В I квартале 2024 года ВВП вырос на 1,6% вместо прогнозируемых 2,5%. Индекс потребительских цен за 6 месяцев 2024 года составил 2,5% против 1% за шесть месяцев 2020 года [3], уровень безработицы в июне 2024 года составлял 4,1% [4].

Ключ №6 – долгосрочная экономическая ситуация. Рост реальных доходов на душу населения в годы работы демократической администрации был ниже, чем в двух предыдущих президентских сроках. ВВП США при Байдене имел тенденцию к умеренному росту, который, впрочем, был ниже на 0,4%, чем при Трампе.

В 2020 году экономика США столкнулась с серьёзным спадом из-за пандемии коронавируса COVID-19, который был преодолён ростом на 5,9% в 2021 году. В последующие годы рост ВВП был на уровне 2,5%. Согласно прогнозу ООН, в 2024–2025 годах инфляция в США составит 2,3%, а рост ВВП США – 1,6% [5].

Ключ №7 – изменения в политике. Байден проводил значительные изменения во внутренней политике, которые были сосредоточены на развитии инфраструктуры; привлечении мигрантов и облегчении их натурализации; повышении налогов до 15% для транснациональных корпораций; расширении социальных обязательств государства, включая бесплатное дошкольное и школьное образование в течение первых четырёх лет и снижении страховых взносов на медицинское обслуживание (*Affordable Care Act*); создании «зелёных» рабочих мест.

Ключ №8 – общественные волнения. Период 2020–2024 годов связан с двумя вспышками общественно недовольства, которые, впрочем, нельзя назвать масштабными по числу участников и длительности. Во-первых, в 2020–2021 годах сторонники Трампа протестовали против результатов выборов, что привело к захвату Конгресса США. Во-вторых, в годы работы демократической администрации в обществе усиливалось напряжение из-за роста количества нелегальных иммигрантов в южных штатах и особенно в Техасе [Черных М.А., 2024], власти которого в 2023 году приняли решение о продолжении строительства стены на границе с Мексикой и усилении мер по борьбе с нелегальной миграцией.

Ключ №9 – скандал. Администрация Белого дома была запятнана в «Байден-гейте», который был выражен в нарушении когнитивных способностей действующего президента, а также с аморальным поведением его сына, что можно сравнивать с «Уотергейтом» и «Моникагейтом».

Ключ №10 – ошибки в международной политике. Государственный секретарь Энтони Блинкен и директор ЦРУ Уильям Дж. Бёрнс не достигли успехов в отношениях с Россией, Китаем, Индией, допустив нарастание конфликтного потенциала в международных отношениях. Как отмечает Ричард Саква, вторая холодная война является более сложной и опасной, чем первая, потому что она ведётся, пренебрегая международной системой Устава ООН. Политический Запад из-за своих гегемонистских амбиций спровоцировал контрдвижение, меняющее характер международной политики [Саква Р., 2024].

Ключ №11 – успехи в международной политике. Администрация демократов провалила внешнюю политику, испортив отношения с Россией, Китаем и рядом стран Южной Америки, Африки и Ближнего Востока. Неразрешимые противоречия проявились относительно будущего Украины [Карпович О.Г., Гришанов А.А., 2022]. Следует отметить охлаждение отношений США с Саудовской Аравией и Турцией, которые были давними американскими партнёрами. Высока вероятность, что новый американский президент не окажет сильное влияние на российско-американские отношения [Timofeev I.N., 2024].

Ключ №12 – харизматичность кандидата от партии-инкумбента. Камала Харрис не обладает харизмой и не является национальным героем.

Ключ №13 – харизматичность кандидата от партии-претендента. Дональд Трамп не претендует на звание национального героя, но с 2016 года прошёл путь от нью-йоркского девелопера до харизматичного политика, что особенно заметно на фоне его более слабых конкурентов.

Такова авторская оценка положения дел в США, основанная на информации из открытых источников. Если ориентироваться на «13 ключей к Белому дому», то победитель был известен заранее.

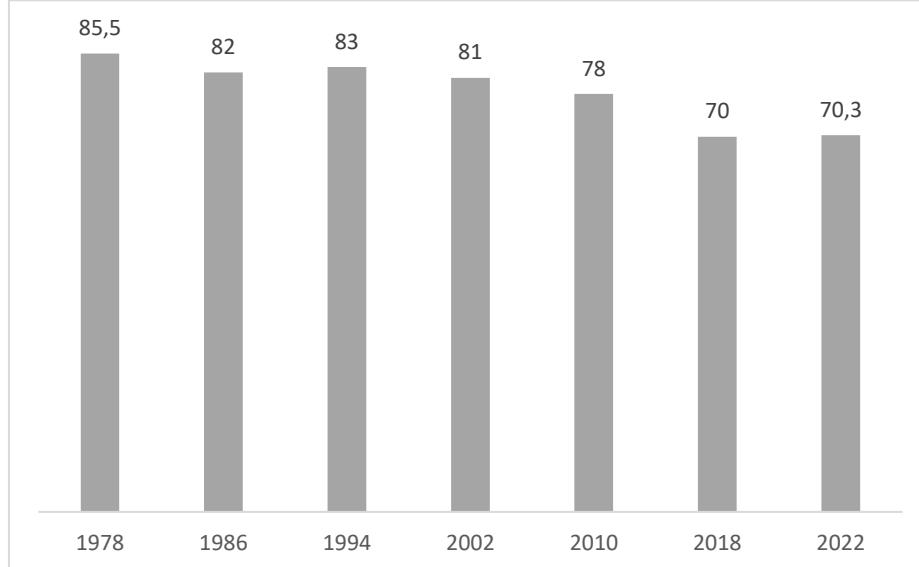
ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЭЛЕКТОРАТА

Американское общество в первой четверти XXI века испытывает серьёзный политический кризис, который может привести к глубинным трансформациям политической системы. Электоральные расколы в США усиливаются из-за устойчивого роста доли этнических меньшинств среди избирателей, что создаёт напряжение в обществе.

Численность населения США, родившегося за границей, достигла в 2022 году рекордных 46,1 млн человек. Иммигранты сегодня составляют 13,8% населения США, что примерно в три раза больше, чем в 1970 году (4,7%) [6].

По данным Бюро переписи населения США, доля зарегистрированных белых избирателей к 2022 году уменьшилась до 70,3%, чёрных – 11,6%, латиноамериканцев – 11,2%, азиатов – 4,4%, других этносов – 2,6% [7]. С 1978 года число белых избирателей в США снизилось на 15,2%.

Диаграмма
Численность зарегистрированных белых избирателей в США в 1978–2022
годы, %

Составлено автором.

Например, с 2000 года самое большое снижение доли белых избирателей произошло в Неваде – 18%, в Калифорнии – 15%, во Флориде – 13%, в Техасе – 12% [8]. Именно губернатор Техаса Грег Эбботт в 2023 году принял решение о строительстве нескольких новых участков стены на границе с Мексикой. Даже в Висконсине на границе с Канадой за последние 20 лет доля белых избирателей снизилась более чем на 5%. На президентских выборах в 2020 году с перевесом всего 20 тысяч избирателей победу в этом штате одержал Дж. Байден. Ключевыми причинами роста поляризации электората являются увеличение доли небелого населения и усиление экономического неравенства. Рассмотрим эти причины в рамках социологической и экономической теории электорального поведения.

Согласно социологической теории электорального поведения решающая роль в избирательном процессе отводится не индивиду, а социальной группе, к которой он принадлежит. Поляризация электората выражается в глубоких электоральных расколах (*cleavage*) по традиционным линиям, которые были предложены Мартином Липсетом и Стейном Рокканом в работе «Структуры расколов, партийные системы и предпочтения избирателей» [Lipset S.M., Rokkan S., 1990]. Исследователи считали, что определяющими расколами для США являются противоборство между протестантами первой волны иммиграции и представителями более поздних волн: евреями, католиками, афроамериканцами, а также противоречия между носителями английского и испанского языков.

К 2024 году складываются два новых электоральных раскола. Во-первых, это раскол по вопросу традиционного и нетрадиционного отношения к семье: запрет или разрешение однополых браков, запрет или разрешение абортов, запрет или разрешение делать детям операцию по изменению пола без разрешения родителей. Во-вторых, раскол по вопросу социального иждивенчества, подразумевающий сохранение или отмену выплат пособий по безработице. Причём эти расколы отражены на электоральной карте США: демократы более популярны в столицах штатов и крупных городах, а республиканцев больше поддерживают в средних городах и сельской местности.

В целом большинство сторонников демократов терпимы или поддерживают нетрадиционную семью и выплаты пособий, а большинство республиканцев отвергают их. Неслучайно кандидат в вице-президенты США и многодетный отец Джеймс Дэвид (Джей Ди) Вэнс заявлял в своём выступлении на съезде Республиканской партии в Милуоки, что Америка и семья для него всегда будут на первом месте [9]. Усталость значительной части американского общества от агрессивной пропаганды нетрадиционного отношения к семье дала республиканцам дополнительные шансы на победу. Институт семьи и политика в отношении её оказались в центре событий и дебатов новой президентской избирательной кампании [Шведова Н.А., 2023].

Раскол по вопросу сохранения или отмены выплат пособий по безработице приобретает особую остроту для США из-за замедления темпов экономического

роста в 2023 и 2024 годах по сравнению с 2021 годом (Ключ №6). Согласно концепции ретроспективного голосования М. Фиорины [Fiorina M., 1981], основным фактором, определяющим поведение избирателей, является ситуация в экономике страны. Если работа правительства в целом устраивает избирателей, то они поддержат политические силы, которые обладали властным ресурсом ранее. Исходя из оценки экономической ситуации индивидом, возможны два типа голосования: эгоцентрическое и социотропное. Эгоцентрическое голосование актуально для периода экономического роста, а социотропное – во время стагнации в экономике и обострения международной ситуации. При эгоцентрическом голосовании избиратель оценивает собственное экономическое положение, голосуя из узокорыстных соображений, а при социотропном индивид может проголосовать, учитывая интересы социальных групп, которые он представляет.

В случае с выборами в 2024 году американские избиратели скорее выберут социотропную стратегию голосования и не поддержат демократов, которые обладали властным ресурсом ранее. Большинство американцев не улучшили своё материальное положение за 4 года работы Дж. Байдена, а проблемы среднего класса только усилились. Слой среднего класса не растёт, а доля безработных, которые не платят налоги и получают пособия, держится на уровне 4%.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ГОЛОСОВАНИЯ ШТАТОВ

Для изучения особенностей голосования штатов на выборах президента США, эффективным математическим методом является расчёт среднеквадратического отклонения. Данный метод позволяет определить поляризацию электората и отвечает на вопрос, велики ли различия в голосовании за кандидатов по стране. Как формализованный способ, «среднее квадратичное» демонстрирует свободные от субъективного влияния исследователя уникальные черты исследуемого объекта. Теоретико-методологические основы изучения политических процессов математико-статистическими методами заложены в трудах западных учёных Д. Блэка [Black D., 1958], Э. Даунса [Downs A., 1957], Р. МакКелви [McKelvey R., 1976], К. Мэя [May K., 1952], К. Эрроу [Arrow K., 1951].

Формула расчёта среднеквадратического отклонения выглядит так:

$$(\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{N}})$$

Где σ – среднеквадратичное отклонение, \sum – сумма квадратов разностей величин, N – число переменных.

Допустим, что есть результаты выборов президента некоего государства в разрезе регионов. Видно, что результаты кандидатов в каждом из регионов неодинаковы, чтобы сформулировать суждение о поляризации голосования за кандидата на территории, нужно рассчитать значение среднеквадратического отклонения. Наша задача – выяснить типичность голосования за кандидата в конкретном регионе и определить, насколько консолидировано за него голосуют избиратели.

В выборах принимали участие три кандидата: X, Y, Z. Рассмотрим типичность голосования за каждого из них. Кандидат X получил 40% в восемнадцати регионах, а в двух 39%, в этом случае среднеквадратичное отклонение будет незначительно (0,3), потому что, везде голосовали почти одинаково. За кандидата Y в 15 регионах проголосовало 18% избирателей, а в пяти – 16%, значит среднеквадратичное отклонение составит 0,87. В шести регионах кандидат Z получил 25%, в трёх – 11%, в восьми – 6%, в трёх – 5%, таким образом, отклонение в результатах голосования значительно (8,51). Голосование за последнего кандидата наилучше поляризовано.

Проанализируем результаты президентских выборов 2020 года, в которых принимали участие два главных кандидата в разрезе регионов. Мы сравнили две переменных (2 кандидата) по 51 параметру (50 штатов и округ Колумбия). Среднее квадратичное отклонение у Дж. Байдена – 11,92, у Д. Трампа – 11,87. Обычно чем выше поляризация, тем больше голосов избирателей набирает кандидат за счёт штатов с наиболее высокой электоральной поддержкой. Так произошло в 2016 и в 2020 году с Трампом и в 2008 и в 2012 году с Обамой, но в случае с выборами 2020 года многие колеблющиеся штаты неожиданно поддержали Байдена, что стало понятно в том числе после учёта проголосовавших досрочно и по почте. Поляризация электората сохранилась на высоком уровне и продолжает тренд, начавшийся более 30 лет назад. Наилучшим образом результаты расчётов можно представить в виде таблицы, где была рассчитана поляризация с 1900 года.

Таблица 2

Поляризация электората на выборах президента США

Год	Демократы	Средне-квадратичное отклонение	Республиканцы	Средне-квадратичное отклонение
2020	Джозеф Байден	11,92	Дональд Трамп	11,87
2016	Хилари Клинтон	12,22	Дональд Трамп	11,72
2012	Барак Обама	11,75	Митт Ромни	11,65
2008	Барак Обама	10,99	Джонн МакКейн	10,90
2004	Джон Керри	10,22	Джордж Буш Мл.	10,24
2000	Альберт Гор	10,10	Джордж Буш Мл.	10,29
1996	Билл Клинтон	8,47	Роберт Долл	8,24
1992	Билл Клинтон	8,43	Джордж Буш Ст.	6,35
1988	Майкл Дукакис	7,66	Джордж Буш Ст.	7,75
1984	Уолтер Мондал	8,69	Рональд Рейган	8,56
1980	Джимми Картер	9,25	Рональд Рейган	8,91
1976	Джимми Картер	7,82	Джеральд Форд	7,24
1972	Джордж МакГоверн	8,91	Ричард Никсон	8,65
1968	Хьюберт Хамфри	11,08	Ричард Никсон	10,30
1964	Линдон Джонсон	13,60	Барри Голдуотер	11,53
1960	Джон Кеннеди	5,41	Ричард Никсон	7,11
1956	Эдлай Стивенсон	6,88	Дуайт Эйзенхауэр	9,41

1952	Эдлай Стивенсон	8,48	Дуайт Эйзенхауэр	11,28
1948	Гарри Трумэн	11,60	Томас Девей	12,63
1944	Франклин Рузвельт	11,96	Томас Девей	12,78
1940	Франклин Рузвельт	13,44	Уилки Уэнделл	13,35
1936	Франклин Рузвельт	12,57	Альфред Лэндон	11,77
1932	Франклин Рузвельт	14,27	Герберт Гувер	13,24
1928	Альфред Смит	12,38	Герберт Гувер	12,24
1924	Джон Дэвис	22,25	Калвайн Кулидж	15,96
1920	Джеймс Кокс	17,38	Уоррен Хардинг	15,92
1916	Вудро Вильсон	13,39	Чарльз Хаггс	13,97
1912	Вудро Вильсон	15,79	Уильям Тафт	10,61
1908	Уильям Брайан	15,33	Уильям Тафт	14,86
1904	Элтон Паркер	19,65	Теодор Рузвельт	18,66
1900	Уильям Брайан	14	Уильям Мак-Кинли	13,99

Составлено автором.

Для выявления долгосрочных трендов был взят период с начала XX века до президентских выборов 2020 года. Если взглянуть на весь рассматриваемый период XX-XXI веков, то мы увидим, что большинство выборов в первой половине XX века проходили со средней поляризацией 14,38 пункта, во второй половине средний уровень поляризации снизился до 9,25 пункта, а в начале XXI века вырос до 11,15 пункта.

Колебания уровня поляризации избирателей имели выраженный тренд к снижению: после скачков поляризации следовали заметные спады, причём каждый следующий скачок был меньше предыдущего. Однако с 1988 года начался восходящий тренд поляризации, которая достигла пика в 2016 году и немногого снизилась в 2020 году. В 2024 году можно констатировать рост поляризации голосования штатов на президентских выборах.

В конце 1990-х годов на выборах стали сказываться последствия социально-демографических и экономических трансформаций. В структуре корпуса избирателей на небелое население приходится более 30%, которое увеличилось за счёт притока мигрантов в годы президентства Байдена.

Выросло представительство чёрных и латиноамериканцев в среднем классе, а в бизнес-элите появились чёрные миллиардеры, испанский язык на равных конкурирует с английским, что привело к росту политической активности представителей меньшинств. Белые англосаксонские протестанты (WASP), которые прежде доминировали на выборах, постепенно вытесняются этническими меньшинствами. Все политические силы ведут активную агитацию среди небелых избирателей, и безусловная поддержка ими демократов становится неочевидной. Даже Невада с самой высокой долей испаноязычных избирателей (17%) по состоянию на 1 августа поддерживала Трампа [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо отметить, что модель «13 ключей к Белому дому» является эффективным инструментом для анализа и прогнозирования политических процессов в США. Она способна дать верный прогноз исхода президентских выборов при сохранении долгосрочных трендов американской политики. Несмотря на рост поляризации избирателей модель предсказала, что 47-м американским президентом будет избран Трамп, который придет на фоне недовольства от работы администрации Байдена, инициативы которого не претендуют на построение «Великого общества».

Два новых электоральных раскола, сложившиеся к 2024 году стали реакцией американского общества на вопрос о традиционном и нетрадиционном отношении к семье, а также вопрос социального иждивенчества. Значительная часть американцев хотела вернуть американскую мечту, выраженную в созидающей активности (*A self-made man*), которая выступает для них нормой поведения в обществе, поддерживаемой Республиканской партией, что противоречит ценностям Демократической партии, выступающей за расширение помощи государства неуспешным членам общества. Американский избиратель во время стагнации в экономике и обострения международной ситуации, оценивая в ретроспективе четырех лет свое экономическое положение, выбирает социотропное голосование. Оно учитывает не только личные интересы, но и интересы социальных групп, которые он представляет. Большинство американцев не поддержат правящую партию, при которой их экономическое положение не улучшилось.

Избирательная кампания 2024 года прошла в условиях политической турбулентности, выраженной в разногласиях среди сторонников Демократической партии по поводу выдвижения Харрис, исторически самой высокой доле этнических меньшинств в корпусе избирателей, а также усилении различий в политических ориентациях и социально-экономических характеристиках между различными слоями американского общества. Однако США выступают иллюстрацией страны, где широкое распространение получила политическая культура участия с конкуренцией сильных партий, что и является источником легитимности для выборов [Федоров, 2024].

Данная статья подготовлена в конце июля 2024 года за 100 дней до президентских выборов. Рассматриваемая прогнозная модель подтвердила свою силу, американские избиратели сделали свой выбор в пользу кандидата от оппозиционной партии, то есть Дональда Трампа.

ИСТОЧНИКИ

1. The Changing Racial and Ethnic Composition of the U.S. Electorate. *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/09/23/the-changing-racial-and-ethnic-composition-of-the-u-s-electorate/> (accessed 26.07.2024).

2. Black Lives Matter Statement on Kamala Harris Securing Enough Delegates to Become Democratic Nominee. *BLM*. Available at: <https://blacklivesmatter.com/black-lives-matter-statement-on-kamala-harris-securing-enough-delegates-to-become-democratic-nominee/> (accessed 24.07.2024).
3. United States Core CPI YoY. Available at: <https://www.tradingview.com/symbols/ECONOMICS-USCPI/> (accessed 24.07.2024).
4. The Employment Situation – June 2024. *Bureau of Labor Statistics*. Available at: <https://www.bls.gov/news.release/pdf/empstat.pdf> (accessed 24.07.2024).
5. World Economic Situation and Prospects 2024. 47 p. Available at: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP_2024_Web.pdf (accessed 24.07.2024).
6. What the data says about immigrants in the U.S. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/07/22/key-findings-about-us-immigrants/> (accessed 30.07.2024).
7. Voting and Registration in the Election of November 2022. *United States Census Bureau*. Available at: <https://www.census.gov/library/publications/2024/demo/p20-586.html> (accessed 26.07.2024).
8. The Changing Racial and Ethnic Composition of the U.S. Electorate. Available at: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/09/23/the-changing-racial-and-ethnic-composition-of-the-u-s-electorate/> (accessed 26.07.2024).
9. Read the Transcript of J.D. Vance's Convention Speech. *NYT*. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/07/17/us/politics/read-the-transcript-of-jd-vances-convention-speech.html> (accessed 26.07.2024).
10. Nevada 2024 Presidential Election Polls. Available at: <https://www.270towin.com/2024-presidential-election-polls/nevada> (accessed 02.08.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карпович О.Г., Гришанов А.А. 2022. Долгий путь – куда? *Россия в глобальной политике*. Т. 20, № 2, с. 184–198. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-2-184-198>.

Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского. Издательский дом Высшей школы экономики. 2014. 208 с.

Саква Р. 2024. Великое разрушение. *Россия в глобальной политике*. Т. 22, № 4, с. 37–53. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-37-53>.

Федоров В.И. 2024. Влияние явки избирателей на легитимность президентских выборов в мире. *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. с. 201–207. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-201-207>.

Черных М.А. 2024. Миграция в США с Юга и позиция администрации Байдена. *Международная жизнь*. № 3. с. 90–101.

Шведова Н.А. 2023. Президентская гонка – 2024: портрет в семейном интерьере. Россия и Америка в XXI веке. № 5. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760028401-8-1/>. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760028401-8>.

REFERENCES

Arrow, K. Social Choice and Individual Values. N.Y.: Wiley, 1951.

Black, D. The Theory of Committees and Elections. Cambridge Univ. Press, 1958.

Chernykh, M.A. 2023. Migratsiia v SShA s Iuga i pozitsiia administratsii Baidena [Migration to the USA from the South and the Position of the Biden Administration] (In Russ.). *International Affairs*. No. 3, P. 90–101.

Downs, A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., Harper and Row, 1957.

Fedorov, V.I. 2024. Vliianie iavki izbiratelei na legitimnost' prezidentskikh vyborov v mire [The impact of voter turnout on the legitimacy of presidential elections in the worldwide] (In Russ.). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, Vol. 24, Issue 2, P. 201–207 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-201-207>.

Fiorina, M. Retrospective Voting in American Elections. New Haven: Yale University Press, 1981.

Lichtman, A.J. Predicting the Next President: The Keys to the White House. Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2012. 212 p.

Lipset, S.M., Rokkan, S. 1990. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments. The West European Party System. Oxford, P. 91–111.

Mann, M. Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Khollom [Power in the 21st Century. Conversations with John A. Hall] (In Russ., translated from English). HSE University Publishing House., Moscow, 2014.

May, K. 1952. A Set of Independent Necessary and Sufficient Conditions for Simple Majority Decision. *Econometrica*, № 20, P. 680–684.

McKelvey, R. 1976. Intransitivities in Multidimensional Voting Models. *Journal of Economic Theory*, № 12, P. 72–78.

Karpovich, O.G., Grishanov, A.A. 2022. Dolgii put' – kuda? [Long way to where?] (In Russ.). *Russia in Global Affairs*, № 2(20), P. 184–198.

Sakwa, R. 2024. Velikoe razrushenie [Great destruction] (In Russ.). *Russia in Global Affairs*, № 22(4), P. 37–53. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-37-53>.

Shvedova, N. 2023. Prezidentskaia gonka – 2024: portret v semeinom inter'ere [Presidential race – 2024: a portrait in a family interior] (In Russ.). *Russia and America in the 21st Century*, No 5. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760028401-8-1/>. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760028401-8>.

Timofeev, I.N. 2024. Trump or Harris: No Difference for Moscow. *Russia in Global Affairs*, 22(4), P. 188–192. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-4-188-192>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ /INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФЕДОРОВ Владислав Иванович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН).

Российская Федерация 117418
Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21;
ассистент кафедры политологии
факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Российская Федерация, 125993
Москва, Ленинградский пр-т, д. 49.

Vladislav I. FEDOROV, Candidate of Sciences (Political), Senior Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAS).

51/21 Nakhimovsky prosp., Moscow
117418, Russian Federation;

Assistant of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

49 Leningradskyi prosp., Moscow
125993, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 21.08.2024 / Received 21.08.2024.

Статья поступила после рецензирования 11.09.2024 / Revised 11.09.2024.

Статья принята к публикации 13.09.2024 / Accepted 13.09.2024.

УДК 327 (510:73)

DOI: 10.31857/S2686673024120029

EDN: WPAPCW

Transregional Security Impacts of the Special Military Operation and Strategic Interests of the United States and China (Part 2)*

Sun Yixiang

School of Governance and Politics of MGIMO,

76 Prospekt Vernadskogo, 119454 Moscow, Russian Federation.

Faculty of Political Sciences of the Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russian Federation.

Institute of Chinese and Contemporary Asian Studies

of the Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovsky prospect, 117997 Moscow, Russian Federation.

E-mail: sunyixiang123@mail.ru

Abstract: The article analyzes the evolving dynamics of global strategic interests amid major international conflicts, focusing on the geopolitical consequences of the Russia-Ukraine conflict and the strategic maneuvers of key powers like the United States, NATO, China, and Russia. It explores how the U.S. has utilized the conflict to realign its global influence, strengthen NATO, and project power in the Indo-Pacific, emphasizing its intention to counter both Russian and Chinese influence. The U.S. benefits economically from Europe's growing dependency, while using the conflict to enhance military-industrial partnerships and sanctioning regimes targeting Russia and China. China's strategic realignment, in response, seeks to bolster Sino-Russian co-operation and expand influence in the Asia-Pacific through initiatives like the "Asian Mediterranean" concept, which envisions deeper Eurasian integration. The author outlines China's attempts to balance its maritime and land power dynamics while navigating heightened U.S. efforts to isolate it diplomatically and militarily. It also highlights the potential for high-tech cooperation between China and Russia as a countermeasure to Western sanctions and technological blockades.

Keywords: Russia-Ukraine conflict, U.S. strategic interests, NATO expansion, China-Russia cooperation, U.S.-China relations, Indo-Pacific strategy, geopolitical realignment, economic sanctions, Eurasian integration, Asian Mediterranean, strategic competition, multilateral security, diplomatic communication.

For citation: Sun Yixiang. Transregional Security Impacts of the Special Military Operation and Strategic Interests of the United States and China. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*.2024;54(12):20–33.DOI:10.31857/S2686673024120029 EDN: WPAPCW

* Данная статья является второй частью исследования автора. Первая часть статьи опубликована в №7 журнала за 2024 год.

Последствия специальной военной операции для трансрегиональной безопасности и стратегические интересы США и Китая (часть 2)

Сунь Исян

Факультет управления и политики МГИМО,

Российская Федерация, 119454 Москва, Проспект Вернадского, 76.

*Факультет политологии Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.*

Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, 1.

Институт Китая и современной Азии

Российской академии наук.

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, 32.

E-mail: sunyixiang123@mail.ru

Резюме: В статье анализируется динамика изменения глобальных стратегических интересов в условиях крупных международных конфликтов, особое внимание уделяется геополитическим последствиям российско-украинского конфликта и стратегическим ходам ключевых держав, таких как США, НАТО, Китай и Россия. Рассматривается, как США использовали конфликт для перестройки своего глобального влияния, укрепления НАТО и распространения своих возможностей в Индо-Тихоокеанском регионе, подчёркивая свою намерение противостоять как российскому, так и китайскому влиянию. США извлекают экономическую выгоду из растущей зависимости Европы, одновременно используя конфликт для укрепления военно-промышленного партнёрства и санкционных режимов, направленных против России и Китая.

Стратегическое переориентирование Китая, в свою очередь, направлено на укрепление китайско-российского сотрудничества и расширение влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе с помощью таких инициатив, как концепция «Азиатского Средиземноморья», предусматривающая углубление евразийской интеграции. В статье описываются попытки Китая сбалансировать тенденции развития своей морской и сухопутной мощи, ориентируясь при этом на активизацию усилий США по его дипломатической и военной изоляции. Автор также подчёркивает наличие потенциала сотрудничества в области высоких технологий между Китаем и Россией в качестве ответной меры на западные санкции и меры технологического давления.

Ключевые слова: Российско-украинский конфликт, стратегические интересы США, расширение НАТО, российско-китайское сотрудничество, американо-китайские отношения, индо-тихоокеанская стратегия, геополитическое переустройство, экономические санкции, евразийская интеграция, азиатское Средиземноморье, стратегическая конкуренция, многосторонняя безопасность, дипломатическое взаимодействие.

Для цитирования: Сунь Исян. Трансрегиональные последствия специальной военной операции для безопасности и стратегические интересы США и Китая. США & Канада: экономика, политика, культура. 2024; 54(12): 20–33. DOI: 10.31857/S2686673024120029 EDN: WPAPCW

INTRODUCTION

Faced with the enormous challenges of frequent international political conflicts and increasing social risks in conflict zones, major powers, especially superpowers with global power projection capabilities and hegemonic status challengers, dominate the movement of the international order strategic balance in chaos through their actions and decisions, and are key forces in shaping the changes and development of the balance of power. How can the United States (and NATO) use the Russia-Ukraine conflict to adjust and strengthen its global strategic layout? How can China reposition its strategic interests in the Asia Pacific region and globally? How does China Russia cooperation affect the geo-political and economic landscape of the Asia Pacific region? How to prevent the deterioration of *Sino-US* relations and rebalance the triangular relationship between China, U.S. and Russia through diplomacy and strategic communication? In this article, the author will attempt to provide a specific analysis of the aforementioned issues.

THE UNITED STATES' DIPLOMATIC PATH DEPENDENCE AND STRATEGIC INTERESTS

The U.S. has achieved or is in the process of achieving **six major strategic goals** through this round of Russia-Ukraine conflict. **First**, the SMO seriously imbalanced the security situation in Europe. The U.S. successfully used this to provoke conflicts between Russia and Europe, increased NATO countries' fear of Russia, and strengthened the U.S.' control over its European allies. After the special military operation began, the prospects for the European security pattern that the EU originally wanted to establish became increasingly bleak. The pan-European OSCE began to turn toward the U.S., and the EU's ability to lead European security affairs was further weakened.

In the foreseeable future, the EU still faces a fundamental dilemma that can only be mitigated but not fully resolved: in its new confrontational security order, the EU's strategic dependence on the U.S. has increased, while the United States' long-term alliance commitment to the EU is full of uncertainty. At the same time, this has also seriously hindered China's "One Belt One Road" European trade channel.

Second, the outbreak of the conflict caused European funds to flow to the U.S., which was conducive to the recovery of the U.S. economy and the revitalization of the manufacturing industry. Since 2022, the euro's exchange rate against the U.S. dollar has continued to decline, falling below parity for the first time in 20 years, exacerbating inflation risks in the euro area. Eurozone core inflation rose to 5.6% in February from 5.3% in January [1]. After Germany announced it would stop certification of "Nord Stream-2" and European countries reduced imports of oil and natural gas from Russia, in March 2022, Europe and the U.S. signed a natural gas export agreement to significantly increase U.S. natural gas exports to Europe. In addition, the tight energy supply caused by the Russia-Ukraine conflict has increased corporate production costs, resulting in the loss of manufacturing jobs, further exacerbating Europe's "deindustrializa-

tion" trend. In the long term, the decline in manufacturing competitiveness will endanger Europe's social stability and economic development momentum.

The energy crisis, inflation and manufacturing crisis have put the EU under multiple pressures. While the EU is assisting Ukraine, it also has to deal with internal economic problems, which makes it overwhelmed and exhausted, which greatly affects the subsequent development of its strategic independence.

Third, the conflict provided an excuse for the U.S. to provide military assistance to Ukraine, strengthen the deployment of troops in Europe, and require Germany to increase military spending. Germany officially decided to purchase American F-35 fighter jets, and the U.S. military-industrial complex received a large number of orders from it. Throughout 2022, the share price of Lockheed Martin, the "leader" of the US military industry, rose by 37%, the share price of Northrop Grumman rose by 40%, and the share price of Raytheon Technologies rose by nearly 17% [4].

Fourth, after the Biden administration's repeated claims that Russia was about to use military force against Ukraine were confirmed, some countries' credibility in U.S. intelligence increased. Focusing on the issue of sanctions against Russia and China, the United States has engaged in "sanctions diplomacy" around the world and put together a new sanctions system targeting "revisionist countries" such as China, Russia and Iran.

Fifth, the U.S. uses the conflict to promote "club-like globalization" and accelerate the construction of an "economic warfare" system against its strategic opponents. After taking office, the Biden administration has made greater efforts to promote the supply chain reshaping strategy, attempting to carry out "coordinated decoupling" from China with allies and partners, and build an economic system with so-called democratic countries as the main body. The conflict will further aggravate this situation. The U.S. and European countries have imposed unprecedented economic and financial sanctions on Russia and launched a comprehensive "economic war" against Russia with the intention of driving Russia out of the world economic system. Economic and financial sanctions have become a crucial "virtual front" in the Russia-Ukraine conflict. The global supply chain has been artificially divided, and economic globalization and multinational companies have been "weaponized" in the process. Under the combined influence of the Russia-Ukraine conflict and the continuation of the epidemic, supply chain security issues have received greater attention from all countries, and the role of value barriers in global economic relations has become more prominent.

Sixth, the conflict provides an opportunity for NATO to move towards the "Indo-Pacific". The U.S. has demonstrated its strategic determination to remain anchored in the Indo-Pacific region despite the SMO and has used the strategy of "binding China and Russia" to increase countries' awareness of the "China threat" in the Asia-Pacific region. Shortly after the conflict occurred, Biden held a Quad virtual summit with the leaders of Australia, India and Japan on March 3 to discuss the conflict and its impact on this region. The joint statement issued by the leaders of the four countries stated that the incident in Ukraine must not be allowed to happen again in the Indo-Pacific region [1]. Campbell, coordinator of Indo-Pacific affairs at the White House National Security

Council, said that the United States has been deeply involved in two "theaters" at the same time in the past, including during World War II and the Cold War; under the Russia-Ukraine conflict, the United States will show Continue to focus on "determination" in the Indo-Pacific region [2].

NATO and its member states have learned from the conflict the growing geopolitical interdependence between the transatlantic region and the "Indo-Pacific" region and realized that China's strategic rise has a non-negligible impact on global military competition, technological innovation and economic growth, and has also placed itself more in the so-called "central position" in maintaining the security order in Europe and even the "Indo-Pacific" region. It not only continuously provides assistance to Ukraine to fight Russia, but also increasingly wants to intervene in Indo-Pacific affairs [Simón. 2023]. At the Shangri-La Dialogue in 2023, former U.S. Army Lieutenant General Ben Hodges pointed out that Russia's military actions against Ukraine were the result of a failure of deterrence. In the Indo-Pacific region, since there is no collective defense organization like NATO, the importance of NATO's cooperation with countries in the region to check and balance China has become increasingly apparent [3]. After the conflict broke out, several countries in the Indo-Pacific region that have close relations with the West, including Japan, South Korea, Australia, New Zealand, etc., have chosen sides to support sanctions against Russia and assistance to Ukraine. The conflict has also made these countries more wary of China [Hornung, Channer. 2022].

The SMO not only made NATO's presence widely accepted in Europe, but also attracted new member states. European countries, led by the U.S. and its leading NATO, have provided Ukraine with important military support and anti-strike capabilities. At the same time, the U.S. and other NATO countries have used the SMO to once again emphasize China's security threats in this region and are trying to take precautions and step up their deployment in the Indo-Pacific. The "Strategic Concept" [5] and joint statement [6] issued at the NATO Summit in Madrid in 2022 both proposed that China has challenged NATO's interests, security and values. The 2023 NATO summit in Vilnius, the capital of Lithuania, once again regarded China as a challenger to NATO's interests, security and values [7].

Former NATO Secretary-General Stoltenberg said in his opening remarks at the summit that "NATO is a regional alliance between Europe and North America, but the challenges we face are global and our security is interrelated. What happens in the Euro-Atlantic region matters to the Indo-Pacific region, and what happens in the Indo-Pacific region matters to the Euro-Atlantic region" [8]. His speech emphasized the interconnectedness of global security and aimed to find excuses for NATO's globalization, especially the so-called "rationality" and "necessity" for NATO to move towards the Indo-Pacific. The U.S. is the soul guide of NATO in the Indo-Pacific, and NATO follows the footsteps towards. After the "Indo-Pacific Strategy" was launched, NATO immediately responded. The "Strategic Concept" document issued in June 2022 mentioned that "the Indo-Pacific region is very important to NATO because developments in the region may directly affect the security of the Euro-Atlantic region. 'We will strengthen cooperation

with new and old partners in the Indo-Pacific Dialogue and cooperation to address trans-regional challenges and common security interests'." [5]. Of particular note is the recent trend of the U.S. in easing arms export restrictions and dispatching military advisers to Taiwan, China.

As the U.S. and other NATO countries advance toward the Indo-Pacific, an important starting point is shared values. In the process of NATO's expansion into this region, the premise for NATO to establish partnerships with countries in the region is that both parties agree on each other's common values. The reason for cooperation with regional partners is because they "share democratic values and face similar security challenges" [Regional Perspectives Report. 2023]. Australia, Japan, South Korea and New Zealand have also emphasized common values in their respective documents. Although these countries all recognize China's important presence in the region, they are also emphasizing the importance of cooperating with the U.S. and NATO to maintain regional security. The intervention of the U.S. and its leading NATO in Asia-Pacific affairs requires active response from countries in the region. Japan, Australia, South Korea, and Singapore are also trying to realize their own interests in the region through cooperation with the United States and NATO. The demands of both sides reached a consensus after treating China as a common threat. The U.S. used this to increase its political influence in the Asia-Pacific region, project NATO's military deterrence directly to China's periphery, and form an encirclement around China, thereby restricting China's further rise and maintaining U.S. dominance in the Asia-Pacific region.

Overall, the "Indo-Pacificization" of the United States and NATO is an important chess game promoted by the U.S. in the Indo-Pacific. After the conflict broke out, the U.S. and NATO tightened their deployment in the region and are building a huge multilateral network to both restrict China's influence and maintain its "leadership" in this region. The purpose of the U.S. is to rely on multilateral connections with partners, use NATO as its security structure, and integrate the Indo-Pacific region into a complex multi-level linkage system centered on it to contain the rise of China. In the careful deployment of the U.S., China was deliberately isolated, it must rely on greater wisdom and broader cooperation to crack this chess game.

OPPORTUNITIES BROUGHT TO CHINA BY THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Background to China's Strategic Realignment

Asia during the Cold War consisted of three security complexes: South Asia, Northeast Asia, and Southeast Asia. These three in turn form a loosely connected Asian supercomplex. Although Northeast Asia and Southeast Asia have been severely penetrated by global-level security postures, they have still formed a strong local security posture. Especially due to the existence of two global-level powers in East Asia, countries in Northeast Asia and Southeast Asia have begun to increasingly merge into a single regional security complex. Especially with the rapid rise of China and China's expansion

of inter-regional participation, the prospects for the Asian super complex have become clearer. However, as the two crucial variables that determine the future of Asia's security, China and the United States, there are still variables in their respective development and interaction. Therefore, deepening China-Russia relations in the grand triangle relationship is a realistic requirement under the current situation.

Robert S. Ross, professor of political science at Boston University, fellow at the Fairbank Center for Chinese Studies at Harvard University, and one of the most important experts on China's foreign and defense policy and US-China relations, pointed out in his article "The Geography of Peace: East Asia in the 21st Century" published in the journal "International Security" in 1999 that peace in East Asia is maintained by the balance of power, China is the land power in the region, and the United States is the maritime power in the region [Ross. 1999]. Although the U.S. is separated from Asia by the vast Pacific Ocean, it has never stopped interfering in Asian affairs. Not only that, the U.S. also regards itself as an important presence in this region. After entering the 21st century, with the rise of China, the balance of power between China and the U.S. has undergone dramatic changes. China is building offensive capabilities at sea and gradually moving from a land power to a maritime power. China's core strategic interests in the context of the Russia-Ukraine conflict are to ensure the area denial capability against the U.S.' sea power in the Pacific, including three key parts: South China Sea security, Taiwan security issues, and Indo-Pacific security. It can be said that the strategic interests of the U.S. in the Asian super complex are also China's strategic concerns.

China's strategic interests are more material and realistic, while the strategic interests pursued by the U.S. in this historical process are more based on conceptual and conceptual goals. Politically, China and Russia jointly oppose the global hegemony of the U.S., and their positions are close to each other. Due to the economic sanctions imposed by the U.S. and Western countries, Russia's strength has been weakened and it relies more on China. While economic cooperation between China and Russia has been strengthened, China has actually helped Russia relieve the economic and political pressure from the West [Wishnick. 2023]. The U.S. and some Western countries are very dissatisfied with the cooperation between China and Russia, and the strengthened cooperation between China and Russia has made them even more worried. China's position on the Russia-Ukraine conflict is inconsistent with that of the U.S. and Europe. As a result, the U.S. has become more wary of China and even believes that future confrontation between the U.S. and China is more possible [de Lisle, Cozen. 2022]. In this context, the conflict between Russia and Ukraine has led to the U.S.' reassessment of the security situation in the Indo-Pacific region, and the geopolitical landscape of the Indo-Pacific region is changing significantly [Galic et al. 2022].

"The Asian Mediterranean" – A New Future for Eurasia

Sino-Russian cooperation will demonstrate its strong and profound penetration in key areas and core areas of global transformation. "Asian Mediterranean" is such an

important concept that can reflect the current height and forward-looking nature of China-Russia cooperation. At the end of the 20th century, French economist Francois Gipouloux once proposed the concept of "Asia's Mediterranean". He believes that the developing Western Pacific region, specifically the vast coastal countries and regions of the Western Pacific, from the Sea of Japan to Malacca, can not only promote cooperation among countries through long-term economic prosperity and development, but also contribute to humanity in various fields such as politics, society, and civilization-building, just like the European Mediterranean [Gipouloux. 2009].

The objective basis for promoting the concept of "Asian Mediterranean" is: **first**, after the Russia-Ukraine conflict, Russia's strategic arrangement of shifting its economic center of gravity eastwards has provided new factors and very important opportunities for the regionalization of the Asia-Pacific region. At the same time, the long-term growth trend of Asia is favored by the whole world. The bulk materials Asia will need in the long term such as energy, food, environment, agricultural products, clean water, etc. will also need a vast market environment to be developed, and Russia is undoubtedly one of the most convenient sources. There are huge opportunities and space for complementary cooperation between Russia and Western Pacific countries.

Second, while China and the U.S. are in tense confrontation in current world, there is also a vast middle ground, including most middle-ground countries that still have to take care of both ends in terms of security and economy. In recent years, China's diplomatic advancement in the Asia-Pacific region has shown that if it is well planned, it may also gain opportunities to cooperate with countries that are already aligned with the U.S. Containing the situation in which some countries in the Asia-Pacific region cooperate with the U.S. and are hostile to China needs to be dealt with from the perspective of politics and regional security, meanwhile it is also completely necessary to use economic leverage to solve the problem. Even objectively speaking, the stability of Sino-US relations also has expectations and needs for such a new regional construction.

Third, not only does cooperation between Russia and the Asia-Pacific region need to be strengthened, but also, with changes in climate conditions, the opening of the Arctic shipping lanes has made it possible for the Western Pacific region to communicate with Europe through the Northern Passage of Eurasia. Although special military operation complicates the international situation, the transfer of the Russian economy to the east, the development and opening of Far East Siberia, and the gradual opening of the Northern Sea Route provide a rare strategic opportunity to promote Eurasian cooperation in the long term.

Fourth, a very important change after 2021 is the regional cooperation framework established by the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement (**RCEP**). This regional sector, led by ASEAN and actively assisted by China in its cooperation, has many years of experience in developing cooperative relations with northern partners. Over the past few years, Russia has also developed in-depth relations with ASEAN countries. No matter in economics, politics, science and technology, defense and other aspects, attention-grabbing progress has been made. In the current low ebb

of globalization, there is a need for regional construction like the "Asian Mediterranean" to re-energize the impetus for globalization based on regional cooperation. Especially in the context of the emergence of different regional cooperation mechanisms, proposing the concept of "Asian Mediterranean" will help advance the Regional Comprehensive Economic Partnership (**RCEP**) process.

In other words, if an effective economic cooperation zone can be built between Russia in the north and ASEAN in the south, it goes without saying that for China, which is located between the north and the south, it will be able to improve the surrounding geopolitical environment to a considerable extent, there will be a greater foundation and space for further promoting multi-faceted cooperation. Therefore, the "Asian Mediterranean" is an alternative long-term starting point for us to re-evaluate the strategic status of cooperation with Russia based on the overall situation of global transformation and management of Eurasia.

Fifth, in the future, China's internal and external economic cycle will gradually evolve from being dominated by the European and American markets in the past 40 years to finding a strategic fulcrum in the mainland, Eurasia and the western Pacific while striving to maintain its market share in Europe and the United States, so as to balance and supplement the lack of European and American markets. The original intention of the "One Belt, One Road" initiative is to seek strategic breakthroughs in the westward direction of Eurasia. Although the Belt and Road Initiative has been promoted in other aspects over the years, there is still room for significant improvement in the integration of Russia and the Belt and Road strategy. China and Russia can not only develop deeper into the Eurasian continent, but also play an important role in promoting development cooperation between Russia and countries in the Western Pacific region. Further economic development and security guarantees in China's eastern coastal areas also require "Asian Mediterranean"-style cooperation to provide opportunities. Whether it is the acquisition of the Tumen River outlet, whether it is the development of the Bohai Bay southward to the entire coastal space of China, or whether it is the stability of both sides of the Taiwan Strait and the South China Sea, the participation of Russian factors will be an inevitable trend. Formally, this starts with the economy; but as this situation develops, there may be security opportunities and stable space for the entire region.

In terms of geo-security, due to the overlapping existence of various security complexes, the final resolution of the conflict will greatly affect the future direction of other higher-level security complexes. If a security mechanism between Russia, Ukraine and even Europe does not emerge, it will be difficult to predict the future of other regional security complexes. As a result, China can play a constructive and indispensable role in resolving the Russia-Ukraine conflict, not only to increase the effectiveness of the new security mechanism, but more importantly to leave a diplomatic legacy in the process that will help address or better address the problems and challenges within the security complex in which it operates. From a more pessimistic perspective, if the prolongation of the special military operation is inevitable and the conflict between Russia and

Ukraine cannot be resolved, China will also weaken the comprehensive strength of the United States and its allies through independent diplomacy in the process, create conditions for external changes in the Asia-Pacific super-security complex, and use its advantages of staying away from war and economic stability to strive for greater national interests in the international arena. With the advent of the post-Cold War era and the eastward shift of the global economic center of gravity and power center, China's comprehensive rise will become a new political focus in the Asia-Pacific region.

At the same time, this conflict also reminds us of that non-traditional security issues such as terrorist attacks and technological blockades have an increasing impact on international relations and cannot be ignored. As the only industrial power in the world with full industrial chain capabilities, China faces urgent challenges not only from its surrounding security environment, but also from the stable operation of the global market. For example, the sanctions system of the U.S. and its allies has had an important impact on the global semiconductor industry. Ukraine is a major supplier of semiconductor raw gases such as neon, argon, krypton and xenon, supplying nearly 70% of the world's neon gas, while Russia is one of the major suppliers of palladium, a key element in sensor and memory manufacturing. Taiwan's IT industry has the world's leading technology. Taiwan Semiconductor Manufacturing Co., Ltd. (TSMC) is Asia's largest company by market capitalization and the world's largest wafer foundry, with mass production capabilities for producing 3-nanometer chips. Today, when technology leads the development of the world, chip manufacturing capabilities play an important role. The U.S. not only requires TSMC to hand over core confidential business data, but also coerces TSMC to set up factories in the U.S. Japan also hopes that it will set up factories in Japan with the purpose of transferring production capacity from Taiwan.

Therefore, due to the restrictions of the sanction's regime, there are broad prospects for cooperation between China and Russia in the field of cutting-edge technologies. There is a high degree of complementarity between the economies of the two countries for now, also shows that the two countries should conduct joint research and development in key areas / projects. It is conducive to reducing costs and breaking the monopoly of the United States in related fields, occupy a favorable position in the future global market.

As Russia continues to carry out military operations in Ukraine, the U.S., Japan, South Korea, the European Union, Australia, Taiwan, and other countries or regions have successively introduced new export controls to suppress Russia, including restrictions on the export of semiconductor technology and equipment. Immediately afterwards, many semiconductor and technology giants around the world announced that they would cut off supply to Russia, and some high-end technology products, materials and patents facing the Chinese market were also strictly controlled. These production materials are indispensable for manufacturing high-end production equipment and military equipment. In the future, comprehensive cooperation between China and Russia in the field of high-tech R&D and application will become a new growth point for the common development of China and Russia.

CONCLUSION AND RECOMMENDATIONS

The United States and other Western countries **will continue to increase sanctions against Russia, and the possibility of the war extending to some NATO member states cannot be ruled out, and the risk of a nuclear conflict also needs to be taken seriously.** The U.S., Russia and China have different expectations for the international order. The U.S. uses its own hegemonic interests and absolute security as its standards, Russia is trying to change its unfavorable situation in international relations, and China is moving towards building a community with a shared future for mankind. Deepening Sino-Russian cooperation is a practical requirement for stabilizing the China-U.S.-Russia strategic triangle relationship.

The core strategic interests pursued by the U.S. are to maintain its status as a superpower and its superior power in Europe and Asia. In the game of great power competition, it pays more attention to relative gains. Its definition of interests is basically in line with the realist theoretical model and can be called "interests defined by competition or conflict." In addition, **ideology** is also an important strategic interest pursued by the United States. Today, the U.S. strategic community is extremely pessimistic about the future development of the international landscape and is full of anxiety amid uncertainty. In the face of the rise of other great powers, the prospect that the United States fears most is that the hegemonic superiority of Western civilization, especially the capitalist system, can no longer control the world, triggering a fundamental and irreversible shaking of the world's worship and trust in the hegemonic system, ideology, and values represented by the U.S. Correspondingly, a brand new, more attractive and persuasive political influence and institutional influence are rapidly rising, and may bring an end to the global political prestige that the Western system has long controlled. Because of this, some elites in the U.S. and the West are anxious about the rising influence of other major powers, believing that the political warfare carried out by competing powers is damaging the foundation of the West.

China needs to adhere to bottom-line thinking, make every effort to take precautions, and improve all aspects of preparations for the U.S. to increase pressure on China through the Russia-Ukraine conflict in the next stage. In particular, it must pay attention to establishing a "barrier" for Chinese companies and related institutions to respond to U.S. and Western sanctions, ensure the safety of China's overseas assets. It should be noted that the U.S. has many new ways and strategies to deal with the Russia-Ukraine conflict. It is an important exercise in proxy war and "fighting from behind" in the 21st century and deserves in-depth study. For example, how the U.S. uses its advantages in intelligence and electronic warfare to implement precise military intervention; how it uses "cognitive warfare" to isolate Russia; and how it weaves a multilateral network around economic, financial, and technological sanctions against Russia.

In addition, **multiple measures need to be taken to stabilize the security situation in Asia and ensure the overall stability of China's surrounding areas.** As the Russia-Ukraine conflict becomes protracted, various difficulties faced by Europe will further

deepen, such as the rise in energy prices and the intensification of military expenditure burden. China should deepen strategic communication with France, Germany, Poland, etc., consolidate the "stability anchor" of China-EU relations, support Europe in exploring the path of "strategic independence," and gradually build a balanced, effective, and sustainable European security architecture. As Europe faces economic difficulties, the importance of China-EU cooperation has become even more prominent. Both sides should try to improve relations on issues such as the China-EU Comprehensive Investment Agreement. In the context of fierce conflicts in Eurasia, maintaining peace and stability in the Asia-Pacific region has become even more urgent. Judging from factors such as ASEAN's postponement of the US-ASEAN special summit and India's non-participation in sanctions against Russia, countries in the Asia-Pacific region will not follow the Biden administration. China needs to use the greatest common denominator of "peace and stability" to build the consensus of Asia-Pacific countries, and use "cooperative development" under the multiple difficulties of the global economy to win the support of Asia-Pacific countries. China can enhance strategic dialogue with Japan, India, Australia and other countries, and work with relevant political forces in South Korea, the Philippines and other countries in a timely manner to minimize the impact of government changes on relations with it. China should more firmly support ASEAN in playing a role in Asia-Pacific affairs, promote constructive discussions on the regional security architecture in conjunction with China's "Global Security Initiative", and effectively curb the intensification of the arms race in this region.

About the Sino-Russian cooperation and the new Eurasian space, "Asian Mediterranean" is an important concept that reflects the current height and forward-looking nature of China-Russia cooperation and will create a new situation in the development of the Asia-Pacific. The cooperation, competition, and conflicts surrounding the **Indo-Pacific region and the Asia-Pacific super complex will determine the evolution of the post-conflict international landscape.**

Finally, strengthen high-level contacts and strategic communication between China and the United States to prevent the slide into a "new cold war".

Non-traditional diplomatic behavior is an important signal that Sino-US relations are in a state of tension (see Figure 6.1). In recent years, whether in the United States or in the West, there has been constant talk that China and the United States are about to enter or have already entered a "new cold war." The Russia-Ukraine conflict and the accelerated advancement of the U.S. Indo-Pacific strategy have undoubtedly further aggravated the concerns of the international community. To prevent Sino-US relations from slipping into a "new cold war" and further towards competition, and confrontation, it is necessary to strengthen Sino-US high-level contacts and business and academic exchanges, especially face-to-face dialogue and exchanges between leaders **and domestic interest groups**, to eliminate misunderstandings and reduce misjudgments. View Sino-US relations from an overall and long-term perspective, rationally view and handle the differences and disagreements between China and the United States, strengthen strategic risk management and control, strengthen strategic guidance for Sino-US relations,

and avoid historical confrontation between hegemons and emerging powers, then find a new path for **peaceful coexistence and common development**.

ИСТОЧНИКИ

1. Joint Readout of Quad Leaders Call. *The White House*, March 3, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/03/03/joint-readout-of-quad-leaders-call/>.

2. Brunnstrom, D., Martina, M. U.S. can Focus on Two Theaters-Indo-Pacific and War in Europe, Official says. *Reuters*, March 1, 2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/china/us-can-focus-two-theaters-indo-pacific-war-europe-official-says-2022-02-28/>.

3. How the war in Ukraine is impacting security in the Indo-Pacific. *Breaking Defense*. June 14, 2022. Available at: <https://breakingdefense.com/2023/06/how-the-war-in-ukraine-impacts-asian-security/>.

4. The United States continues to send weapons to Ukraine, Military Enterprises Make lots of "War Money". Available at: <https://new.qq.com/rain/a/20230224A0940200>.

5. NATO 2022 Strategic Concept, NATO, June 29, 2022, p.5-10. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf

6. Madrid Summit Declaration: Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Madrid, NATO, June 29, 2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm

7. Vilnius Summit Communiqué: Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius, NATO, July 11, 2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm

8. Opening remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the meeting of the North Atlantic Council at the level of Heads of State and Government, with Sweden, Indo-Pacific Partners, and the EU, NATO, July 12, 2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_217091.htm?selectedLocale=en.

REFERENCES

de Lisle, J., Cozen, S.A. (2022). Russia's War on Ukraine: Implications for China and Indo-Pacific Regional Security. *University of Pennsylvania*. Available at: <https://global.upenn.edu/sites/default/files/perry-world-house/delisleukrain-ethoughtpiece.pdf>

Galic, M., Harding, B., Salikuddin, T., Singh, V. Amid Ukraine War, U.S. Signals the Indo-Pacific is a Vital Priority, *United States Institute of Peace*, June 9, 2022. Available at: <https://www.usip.org/publications/2022/06/amid-ukraine-war-us-signals-indo-pacific-vital-priority>.

Gipouloux, F. (2009). La Méditerranée asiatique: Villes portuaires et réseaux marchands en Chine, au Japon et en Asie du Sud-Est, XVIe -XXIe siècle. CNRS Éditions.

Hornung, J.W., Channer, H. (2022, May 26). Russia's Invasion of Ukraine May Harden U.S. Indo-Pacific Allies. *RAND Corporation*. Available at: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2022/05/russias-invasion-of-ukraine-may-harden-us-indo-pacific.html>

Regional Perspectives Report on the Indo-Pacific: Strategic Foresight Analysis, *The NATO Allied Command Transformation Headquarters*, May 2023. Available at: <https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/05/region-perspectives-2022-07-v2-1.pdf>

Ross, R.S. (1999). The Geography of the Peace: East Asia in the Twenty-First Century. *International Security*, 23(4), pp.81–118.

Simón, L. NATO's China and Indo-Pacific conundrum, November 22, 2023, *NATO Review*. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2023/11/22/natos-china-and-indo-pacific-conundrum/index.html>

Wishnick, E. (2023, January 30). Ukraine's ripple effect on Russia's Indo-Pacific horizon. *Danish Institute for International Studies*. Available at: <https://www.diis.dk/en/research/ukraines-ripple-effect-on-russias-indo-pacific-horizon>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сунь Исян, магистрант Факультета
управления и политики МГИМО.

Российская Федерация, 119454

Москва, Проспект Вернадского, д. 76;

Факультета политологии МГУ

Российская Федерация, 119991

Москва, Ленинские горы, д. 1;

Стажёр Института Китая и современ-
ной Азии Российской академии наук.

Российская Федерация, 117997

Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

SUN Yixiang, master's student of School
of Governance and Politics of MGIMO,

76 Prospekt Vernadskogo, 119454 Mos-
cow, Russian Federation;

Faculty of Political Sciences of MSU.

1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Rus-
sian Federation;

Intern at the Institute of Chinese and
Contemporary Asian Studies of the Rus-
sian Academy of Sciences.

32 Nakhimovsky prospect, 117997 Mos-
cow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 06.05.2024 / Received 06.05.2024.

Поступила после рецензирования 20.05.2024 / Revised 20.05.2024.

Статья принята к публикации 10.06.2024 / Accepted 10.06.2024.

УДК: 339.5

JEL: F10

DOI: 10.31857/S2686673024120035

EDN: WOYUDE

США в мировом товарном экспорте в начале третьего десятилетия

Л.Ф. Лебедева

Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова-Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Scopus Author ID: 56808936800 РИНЦ ID: 625626

ORCID: 0000-0002-4464-2916

e-mail: l.lebedeva@iskran.ru

Резюме: Динамика международной торговли товарами в начале третьего десятилетия характеризовалась неравномерностью, усилением неопределенности перспектив. Она находилась под влиянием новых вызовов – одновременно как текущих, в том числе эпидемиологических, так и долгосрочных, связанных с изменениями экономических, технологических и политических реалий. В условиях финансово-экономических, военно-политических рисков влияния этих факторов на развитие международных экономических отношений актуализируется оценка перераспределения позиций стран в мире, форматов их экономического взаимодействия, изменений торговых потоков. В данной статье рассмотрены позиции Соединённых Штатов в мировом товарном экспорте; подходы Вашингтонской администрации к экспортным ограничениям в период формирования нового мирового порядка.

Ключевые слова: международная торговля, США, торговый баланс, экспортный контроль.

Для цитирования: Лебедева Л.Ф. США в мировом товарном экспорте в начале третьего десятилетия. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(12): 34–44. DOI:10.31857/S2686673024120035 EDN: WOYUDE

United States in Global Exports at the Beginning of the Third Decade

Liudmila F. Lebedeva

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 56808936800 РИНЦ ID: 625626

ORCID: 0000-0002-4464-2916 e-mail: l.lebedeva@iskran.ru

Abstract: The article contributes to the discussion of the United States' role in the international trade developments, focusing on its position in global merchandise exports under new geo-

political and economic conditions, as well as the export policy of Washington's administration. It highlights the latest trends in international trade, including America's trade balance.

While trade growth after the COVID-19 pandemic has been positive (both merchandise trade and services have exceeded pre-pandemic levels), this trend and its outlook remain unstable due to a number of risks including sanctions, geopolitical tensions. The transformation of the United States' position in global exports at the beginning of the third decade occurring amid the formation of a new world order. While tensions between United States and China as the world's two largest trade partners remain, the United States is actively diversifying its trade partnerships. The effects of the U.S. export policy at the beginning of the third decade are not only short term but also long term, posing new challenges to international relations.

Keywords: international trade, US, trade balance, export control.

For citation: Lebedeva, L.F. United States in Global Exports at the Beginning of the Third Decade. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (12): 34–44.

DOI:10.31857/S2686673024120035 EDN: WOYUDE

ВВЕДЕНИЕ

Процесс трансформации международных экономических отношений носит долгосрочный характер, охватывая в том числе их форматы, направления торговых потоков. В условиях нарастающих объемов российско-китайской торговли, углубления экономического взаимодействия России со странами БРИКС, другими торговыми партнерами формируется новая система взаимосвязей, включая торговое и инвестиционное сотрудничество. В то же время, будучи ключевым игроком в международной торговле, Соединённые Штаты на фоне «напряжённости» в китайско-американских отношениях, впечатляющего роста доли Китая в мировом товарном экспорте, при долгосрочном снижении данного показателя у США [Феномен Трампа, 2020: 27, 28], диверсифицируют торговые потоки в рамках концепции «дружеских взаимосвязей» (*friendshoring*). Америка используют широкий набор инструментов регулирования, направленных на «сдерживание» технологического и экономического развития «соперников», меняя таким образом характер их взаимосвязей с другими странами, оказывая влияние на всю систему международных экономических отношений.

ПОЗИЦИИ В МИРОВОМ ЭКСПОРТЕ

Динамика мировой торговли в начале третьего десятилетия характеризовалась нестабильностью под влиянием последствий эпидемии коронавируса, геополитической напряжённости, появления новых рисков в силу военных конфликтов. После значительного увеличения товарного экспорта в мире в 2021 году в следующем году его рост замедлился и составил 2,3% – меньше, чем в среднем за период 2010–2022 годов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика мирового товарного экспорта, изменения в %

Страны и регионы	2022 год	2021 год	2010–2022 годы
Мир	2,3	8,4	2,5
Северная Америка	4,2	6,5	2,5
Канада	1,0	1,1	2,3
США	4,1	8,1	1,9
Мексика	8,3	6,4	5,0
Южная и Центральная Америка, Карибы	1,9	5,8	1,2
Бразилия	4,7	3,7	2,8
Европа	2,7	8,1	1,7
ЕС	2,9	8,4	1,8
Африка	0,7	3,5	0,3
Ближний Восток	9,9	- 2,4	2,4
Азия	0,6	13,1	4,0
Китай	- 2,0	17,3	4,9
Индия	0,6	22,9	4,0
Япония	1,9	11,9	1,2

The volume of world merchandise trade by selected region. World Trade Statistical Review. (2023). WTO. Available at: <https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2023/> (accessed 06.04.2024).

Как показано в таблице 1, в период 2010–2022 годов средний рост товарного экспорта США был ниже мирового, однако в 2022 году его увеличение (4,1%) превысило изменение мирового показателя (2,3 %), опережая аналогичные показатели в целом по Европе и Азии. В то же время продолжался процесс сокращения доли Соединённых Штатов в мировом товарном экспорте, который носит долгосрочный характер. Со второй половины прошлого века до 2023 года этот показатель снизился с 21,6% (в 1948 году) до 9,8% в 2003 году и продолжил уменьшаться, достигнув 8,5% в 2022 году (табл. 2).

Таблица 2

Доля в мировом товарном экспорте, %

Годы	США	Европа	Азия	Китай
1948	21,6	35,1	14,0	0,9
1953	14,6	39,4	13,4	1,2
1963	14,3	47,8	12,5	1,3
1973	12,2	50,9	14,9	1,0
1983	11,2	43,5	19,1	1,2
1993	12,6	45,3	26,0	2,5
2003	9,8	46,2	26,1	5,9
2022	8,5	35,8	35,1	14,8

World Trade Statistical Review. (2023). WTO. Available at: <https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2023/> (accessed 06.04.2024).

По данным Всемирной торговой организации (ВТО), в 2022 году лидирующие позиции в мировом товарном экспорте сохранил Китай, при продолжающемся снижении данного показателя у Соединённых Штатов – второе место по стоимостному объёму товарного экспорта [1]. Наращивание экспорта товаров на 4,1% в 2022 году сопровождалось увеличением товарного импорта в США на 6,0% и ростом дефицита по торговле товарами до 1,18 трлн долл. (при 1,08 трлн долл. в 2021 году); при последующем его снижении, по оценке на 2023 год, до 1,06 трлн долл. В целом дефицит торгового баланса США по товарам и услугам, по данным Бюро экономического анализа Соединённых Штатов, в 2023 году снизился на 177,8 млрд долл., в сравнении с предыдущим годом (951,2 млрд долл.), составив 773,4 млрд долл.; при увеличении экспорта до 3 053,4 млрд и снижении импорта до 3 826,8 млрд долл. [2]. По ряду позиций наблюдалось сокращение товарного экспорта, в том числе промышленных поставок и материалов, природного газа, нефтепродуктов, др.; в то время как экспорт услуг увеличился на 74,2 млрд долл. в 2023 году.

На фоне увеличения дефицита торгового баланса США по товарам с Мексикой в прошлом году отмечено уменьшение дефицита торгового баланса США с Китаем – в основном за счёт сокращения импорта из КНР. Трансформация китайско-американских торгово-экономических отношений происходит в условиях формирования новой конфигурации взаимодействия субъектов мирового хозяйства и становления новых центров финансово-экономического влияния. Последствия соперничества США и Китая носят длительный характер и весьма ощутимы в мировой экономике и политике.

В распределении американского экспорта по странам мира Китай в 2023 году остаётся (как и в 2020 году) на третьем месте (147,8 млрд долл.) после Канады (354,4 млрд) и Мексики (322,7 млрд). Объём товарного экспорта в Россию, по данным Управления международной торговли Министерства торговли США (*International trade Administration, the United States Department of Commerce*), составил в 2023 году 600 млн долл. (0,03% общего объёма товарного экспорта Соединённых Штатов) [3], сократившись с 6,4 млрд долл. в 2021 году и с 1,7 млрд долл. в 2022 году. По сравнению с 2013 годом объём экспорта американских товаров в Россию упал в 18,5 раза.

Транспортное оборудование сохраняет первенство в американском экспорте, достигнув в 2023 году 291,5 млрд долл. (табл. 3).

Таблица 3

США: главные статьи экспорта продукции, млрд долл.

Статьи экспорта	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2019 г.	2023 г.
Транспортное оборудование	258,3	275,6	278,5	287,3	291,5
Химикаты	199,5	193,8	192,8	208,8	282,4
Компьютеры и продукция электроники	204,6	204,7	208,2	211,4	231,5
Нефть и газ	17,6	20,4	45,4	95,3	184,7
Продукция машиностроения (за исключением электромашиностроения)	150,1	139,1	134,0	136,9	166,4

US trade partner countries and regions. International trade Administration, the United States Department of Commerce. 2024. Available at: <https://www.trade.gov/data-tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions> (accessed 21.05.2024).

ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ

Система экспортного контроля, рассматриваемая в Соединённых Штатах как исключительно важный механизм обеспечения национальной безопасности и укрепления конкурентных позиций страны в мире, и предусматривает получение специальных разрешений на вывоз определённых видов товаров и технологий. Она насчитывает десятилетия (закон «О контроле над экспортом» 1979 года) и постоянно совершенствуется. В конце второго десятилетия нынешнего века важным элементом ограничительной политики, направленной на усиления контроля над экспортом, реэкспортом технологий и товарной продукции из Соединённых Штатов, стал закон «О реформе экспортного контроля» (*Export Control Reform Act of 2018*), принятый в 2018 году и вступивший в силу в 2020 году.

В Докладе Бюро промышленности и безопасности США (*Bureau of Industry and Security*) за 2023 год, подчёркивается «критически» важное значение «защиты передовых технологий» и, соответственно, усиления мер экспортного контроля [4]. Изменения в структуре торговых потоков между Соединёнными Штатами и другими странами происходят в условиях возрастания роли научно-технологического фактора. На современном этапе конкурентной борьбы, когда «под воздействием динамично развивающегося научно-технологического прогресса сегодня набирает обороты структурная перестройка мировой экономики, связанная с изменением её технологического базиса» [Ленчук, 2021: 73], особое значение приобретают ограничения, вводимые в данной сфере со стороны Соединённых Штатов. В частности, речь идёт о запретах на закупки деталей и компонентов, таких как чипы и оборудование для микросхем искусственного интеллекта, в целях «торможения прогресса Китая в области развития суперкомпьютеров и искусственного интеллекта» [5]. В то же время китайская сторона решила запретить приобретение чипов у «Микрон Технолоджи» (*Micron*

Technology) [6] – известного американского производителя полупроводниковой продукции – для которого китайский рынок имеет важное значение.

Только «за первые восемь месяцев прошлого года экспорт полупроводников из США в Китай, в сравнении с таким же периодом 2022 года, уменьшился на 50,7%» [7]. К началу третьего десятилетия, по данным ЮНКТАД [8], США занимали первое место в общем рейтинге разработки и внедрения технологий, который охватывает позиции стран в создании, использовании передовых технологий, уделяя особое внимание механизмам ограничения доступности технологий для иностранных юридических и физических лиц.

В конце второго – начале третьего десятилетий в США активизировались меры по сдерживанию технологического развития «ключевых соперников» (прежде всего Китая, России), что нашло отражение в специально принятых документах, в частности «Конкурентная стратегия в отношении Китая и России» [9]. «В текущем и предстоящих десятилетиях позиции в сфере критических, зарождающихся технологий, их доведения до практического использования в оборонной и гражданской сферах будут одним из ключевых факторов, определяющих роль и место страны на мировой арене» [10]. Разработка ограничений для доступа иностранных юридических и физических лиц к американским критическим, перспективным, только нарождающимся технологиям – в зоне возрастающего внимания в Соединённых Штатах; что нашло отражение в «национальной стратегии для критических и зарождающихся технологий» [11]. Приоритеты защиты новых технологий рассматриваются в том числе и в докладе Центра национальной компьютерной безопасности США (*National Computer Security Center, NCSC*) о «защите критических и зарождающихся технологий США от иностранных угроз» [12].

Такой подход к выстраиванию торгово-экономического взаимодействия, в сочетании с продолжающимися (и усиливающимися) санкциями со стороны Соединённых Штатов, стал важным фактором трансформации международных торговых отношений; и вряд ли стоит ожидать изменения данного подхода после президентских выборов в ноябре 2024 года независимо от их исхода.

Стоит напомнить, что в период предыдущей президентской администрации Дональда Трампа была усовершенствована законодательная база для ограничительной политики. Федеральный закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» [13], который накладывал дополнительные ограничения на Иран, КНДР, Россию, был одобрен Конгрессом США и подписан 2 августа 2017 года бывшим в то время президентом США Дональдом Трампом. При этом в заявлении президента Дональда Трампа в связи с подписанием данного закона указывалось, что он отдаёт «предпочтение жёстким мерам для наказания и сдерживания <...> именно поэтому с момента вступления в должность <...> ввёл в действие новые жёсткие санкции в отношении Ирана и Северной Кореи, а также расширил существующие санкции в отношении России» [14]. На законодатель-

ном уровне были также утверждены ограничения, принятые в Соединённых Штатах в годы предыдущих президентских администраций.

В период президентства Д. Трампа использование Соединёнными Штатами санкций и тарифных ограничений на импорт сопровождалось ужесточением регулирования экспорта, в том числе обновлением законодательных основ экспортного контроля поставок товаров, передачи технологий. Принятие и подписание Дональдом Трампом закона «О реформе экспортного контроля» (2018) стало ещё одним шагом по усилению торговых ограничений. Несмотря на различия позиций в Конгрессе по целому ряду важнейших финансово-экономических, социальных вопросов; относительно использования экспортного контроля в качестве инструмента обеспечения национальных интересов, было достигнуто согласие. В соответствии с этим законом произошло усиление мер контроля, в частности, в сфере экспорта определённых видов программного обеспечения. Исключительно значимой статьёй принятых правил является контроль в области защиты «зарождающихся» и «фундаментальных» технологий, которые представляют критически важное значение для национальной безопасности Соединённых Штатов.

В рассматриваемый период особое внимание уделялось оценке и мерам противодействия, например, приобретению китайской стороной инновационных прорывных технологий. «Согласно Закону о реформе экспортного контроля, Президенту Соединённых Штатов было предоставлено право давать распоряжение на расследования по выявлению зарождающихся и фундаментальных технологий, потенциал которых ещё не реализован, и они не включены в соответствующие списки, но могут представлять критически важное значение для национальной безопасности США» [Лебедева 2021: 21-22]. Как и другие предпринимаемые меры, эти положения экспортного контроля нацелены на «торможение» технологического развития «ключевых соперников» посредством ограничения их доступа к американским технологиям. Особое значение указанного законодательного акта о реформе экспортного контроля состоит в закреплении основ регулирования «критических» (*critical*) и «зарождающихся» (*emerging*) технологий, внимание к которым возрастает.

С приходом в Белый дом Джозефа Байдена ограничительная политика была продолжена. Во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности» [15] было заявлено, что Россия стремится усилить своё влияние в мире, а стратегическим соперником Соединённых Штатов определён Китай с учётом его экономического и технологического потенциалов, представляющих угрозу для США. В ряде документов, в том числе Министерства финансов США [16], санкции были представлены в качестве механизма воздействия на «соперников», действия которых являются «угрозой» безопасности, национальным интересам Соединённых Штатов. В указанном докладе Министерства финансов особо выделено значение санкций как составляющего элемента внешней политики США.

Таким образом, для Соединённых Штатах в начале третьего десятилетия характерно сочетание укрепления научно-технологического потенциала страны с наращиванием государственной поддержки новейших разработок и ограничениями на экспорт их результатов. Так, Согласно закону «Об инновациях и конкуренции» (*The United States Innovation and Competition Act of 2021*) на исследования в сфере новейших технологий (в том числе в области искусственного интеллекта, робототехники, коммуникационных и иных технологий), их коммерциализацию, обучающие программы было предусмотрено дополнительно 170 млрд долл. Одновременно используется запрет на поставки в Китай микросхем, компонентов, а также оборудования для их производства.

Особое внимание в рассматриваемый период уделено полупроводникам, о чём свидетельствует одобренный Конгрессом и подписанный 9 августа 2022 года президентом Дж. Байденом закон «О полупроводниках и науке» (*The CHIPS and Science Act, 2022*). Он предполагает финансовую поддержку, в том числе исследовательских проектов и производства полупроводниковых компонентов, путём как прямого финансирования, так и через стимулирующую систему льгот, кредитных гарантий, налогового режима, поощрения профессионального обучения в данной области.

Рассматривая политику экспортного контроля США, в том числе в отношении поставок в Китай, в условиях трансформации мирохозяйственных процессов, представляется важным отметить принятие 28 июня прошлого года Парламентом Китая (Постоянным Комитетом Всекитайского собрания народных представителей) закона о международных отношениях Китая [17] (*The Foreign Relations Law of the People's Republic of China, 2023*), вступившего в силу 1 июля 2023 года. Как указывается в данном законе, он принят «для осуществления международных отношений в целях защиты суверенитета, национальной безопасности и интересов развития Китая...» (ст. 1); Китай «привержен поддержке многосторонней торговой системы, выступает против односторонних действий и протекционизма и работает над построением открытой глобальной экономики» (ст. 26). При этом статья 33 предусматривает, что «Китайская Народная Республика имеет право принимать, в случае необходимости, меры для противодействия или принятия ограничительных мер в отношении действий, которые угрожают ее суверенитету, национальной безопасности и интересам развития». Таким образом, данный закон создаёт законодательную основу для «ответных мер» Китая в условиях новых геополитических и экономических вызовов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование нового мирового порядка, будучи исключительно сложным, длительным процессом; на современном этапе глобального соперничества актуализирует всестороннюю оценку позиций стран в меняющемся экономическом и политическом пространстве, в том числе в международной торговле. Ускоре-

ние изменений мирохозяйственных связей, направлений и форматов взаимодействия между странами происходит в условиях усиления роли научно-технологической сферы для укрепления экономического потенциала, позиций в мире; при особом значении оценки надежности, предсказуемости партнёров. Возрастающее внимание в Соединённых Штатах, наряду с созданием и внедрением передовых технологий, уделяется их защите в контексте обеспечения национальной безопасности страны; мерам по ограничению доступа к ним зарубежных юридических и физических лиц. Усиление экспортного контроля США происходит в условиях сохранения значительного американского дефицита по торговле товарами на фоне продолжающегося снижения доли Соединённых Штатов в мировом товарном экспорте.

ИСТОЧНИКИ

1. World Trade Statistical Review. (2023). WTO. Available at: https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2023/07/wtsr_ (accessed 16.04.2024).
2. BEA International Trade. 2024. Available at: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment> (accessed 20.04.2024).
3. US trade partner countries and regions. International trade Administration, *the United States Department of Commerce*. 2024. Available at: <https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-us-trade-partner-countries-and-regions> (accessed 26.04.2024).
4. Export Enforcement. Available at: <https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/enforcement/3433-bis-export-enforcement-year-in-review-2023-final/file> (accessed 21.05.2024).
5. U.S. Tightens China's Access to Advanced Chips for Artificial Intelligence (2023). New York Times, October 17. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/10/17/business/economy/ai-chips-china-restrictions.html> (accessed 21.05.2024).
6. China bans Micron's products from key infrastructure over security risk. Available at: <https://www.ft.com/content/e6a8e034-cbc2-4267-9b41-b7670db7d130> (accessed 21.05.2024).
7. US-China Economic and Security Review. Report 2023. Available at: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/2023-11/> (accessed 28.04.2024).
8. Technology and Innovation Report (2021). United Nations Conference on Trade and Development. Geneva. Available at: <https://unctad.org> (accessed 20.04.2024).
9. Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia (2020). May 11. Available at: <https://www.newparadigmsforum.com/p2567> (accessed 20.04.2024).
10. Znachenie novyh tehnologiy. Available at: https://ozlib.com/1123770/ekonomika/znachenie_novyh_tehnologiy_ (accessed 20.04.2024).

11. National strategy for critical and emerging technologies (2020). October. Washington DC.
12. Protecting Critical and Emerging us Technologies from Foreign Threats (2021) NCSC. Available at: <https://www.hsdl.org/c/abstract/?docid=859993> (accessed 22.04.2024).
13. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act - CAATSA. CAATSA HR 3364, Pub.L. 115-44.
14. Заявление Президента Дональда Трампа в связи с подписанием закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций», 02.08.2017. Available at: <https://ru.usembassy.gov/ru/statement-president-donald-j-trump-signing-countering-americas-adversaries-sanctions-act-ru/> (accessed 22.04.2024).
15. Interim National Security Strategic Guidance. (2021). Washington DC.
16. Treasury 2021. Sanctions Review. (2021). Washington DC. Available at: <https://home.treasury.gov/system/files/136/Treasury-2021-sanctions-review> (accessed 24.04.2024).
17. The Foreign Relations Law of the People's Republic of China, 2023. *China Justice Observer*. Available at: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/the-law-on-foreign-relations-of-china-20230629> (accessed 30.05.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лебедева Л.Ф. (2021). Внешнеторговые ограничения США в условиях нестабильной динамики международной торговли. *Международная торговля и торговая политика*. №1. С. 18–26. DOI: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2021-1-18-26>.

Ленчук Е.Б. (2021). Россия в мировом процессе научно-технологического развития. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. No 4. С. 72–91.

Феномен Трампа (2020). Ред. А.В. Кузнецов. М.: ИНИОН. С. 17–33.

REFERENCES

Lebedeva, L.F. (2021). Vneshnetorgovye ograniceniia SShA v usloviakh nestabil'noi dinamiki mezhdunarodnoi torgovli [Foreign Trade Restrictions under unstable dynamics of international trade]. *International Trade and Trade Policy*, no 1, pp. 18–26 <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2021-1-18-26> (in Russian).

Lenchuk, E.B. (2021). Rossiia v mirovom protsesse nauchno-tehnologicheskogo razvitiia [Russia in the Global Process of Scientific and Technological Development]. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. No. 4, pp. 72–91 (in Russian).

Fenomen Trampa [Trump's Phenomenon]. (2020). Moscow, INION, pp. 17–33 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕБЕДЕВА Людмила Фёдоровна,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады имени Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069
Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Liudmila F. LEBEDEVA, Doctor of Sciences (Economics), Professor, honored scientist of the Russian Federation, Chief researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny pereulok, Moscow
121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 22.06.2024 / Received 22.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 3.07.2024 / Revised 3.07.2024.

Статья принята к публикации 5.07.2024 / Accepted 5.07.2024.

УДК 338.28, 330.341.1, 339.98

JEL: E65, F52, F63, O25, O38, O51

DOI: 10.31857/S2686673024120047

EDN: WOTHBU

Американский промышленный консенсус и его враги

С.А. Толкачёв

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Российская Федерация 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.

ResearcherID: V-1768-2017 Scopus AuthorID: 57206728325 РИНЦ ID: 452576

ORCID: 0000-0003-3766-2246 e-mail: tsa2000@mail.ru

Резюме: Статья анализирует фундаментальный сдвиг философии экономической политики США, осуществлённый администрацией президента Дж. Байдена в ходе реализации так называемой «байденомики». Показано, что экономическая политика Байдена, несмотря на острые противоречия с политикой Д. Трампа, продолжает курс предыдущего президента США на протекционизм и защиту американской промышленности. Байденомика воплощает окончательный разрыв с фундаментальными основами рейганомики и «Вашингтонским консенсусом», которые более 40 лет определяли глобальный экономический порядок. Экономическая идеология протекционизма и промышленной политики набирает всё большее сторонников среди представителей научного и политического истеблишмента США, даже в рядах бывших адептов неолиберализма. Проанализированы аргументы противников байденомики в лице представителей неолиберальной идеологии, усматривающих опасность американского межпартийного консенсуса по вопросу промышленной политики. Суть их критики сводится к фундаментальному неприятию очевидного краха глобализации и формированию новой модели глобального миропорядка, требующей иной ценностной экономической парадигмы.

Ключевые слова: США, неолиберализм, байденомика, промышленная политика, протекционизм, неравенство, реиндустриализация, «вашингтонский консенсус», свободная торговля.

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2024 года.

Для цитирования: Толкачёв С.А. Американский промышленный консенсус и его враги. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(12): 45–59.

DOI: 10.31857/S2686673024120047

EDN: WOTHBU

The American Industrial Consensus and Its Enemies

Sergei A. Tolkachev

Financial University under the Government of the Russian Federation.

49 Leningradsky Prospekt, 125993 Moscow, Russian Federation.

ResearcherID: V-1768-2017 Scopus AuthorID: 57206728325 РИНЦ ID: 452576

ORCID: 0000-0003-3766-2246 email: tsa2000@mail.ru

Abstract: The article analyses a fundamental shift in the philosophy of U.S. economic policy implemented by the administration of President Biden in the so-called "Bidenomics". It is shown that Biden's economic policy, despite sharp contradictions with the policy of D. Trump, continues the course of the previous U.S. president on protectionism and the safeguarding of American industry. Bidenomics embodies a final break with the fundamental principles of Reaganomics and the "Washington Consensus", which for more than 40 years defined the global economic order. The economic ideology of protectionism and industrial policy is gaining more and more adherents among representatives of the U.S. scientific and political establishment, even among former proponents of neoliberalism. The arguments of Bidenomics opponents, represented by advocates of neoliberal ideology who see danger in the bipartisan consensus on the issue of industrial policy, are analysed. The essence of their criticism boils down to fundamental rejection of the apparent collapse of globalisation and the formation of a new model of the global world order, which requires a different value-based economic paradigm.

Keywords: USA, neoliberalism, bidenomics, industrial policy, protectionism, inequality, re-industrialisation, Washington Consensus, free trade.

Acknowledgments: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of *Financial University* 2024.

For citation: Tolkachev, S.A. The American Industrial Consensus and Its Enemies. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2024; 54 (12): 45–59.
DOI: 10.31857/S2686673024120047 EDN: WOTHBU

ВВЕДЕНИЕ

К моменту выхода данной статьи, видимо, уже будут известны результаты президентских выборов в США 2024 года. Однако независимо от исхода этих выборов актуальность темы статьи не будет утрачена. Тематика статьи гораздо глубже особенностей межпартийного и межэлитного соперничества в борьбе за власть, она касается глубинного разворота философии экономической политики США, не зависящей даже от традиционных различий в экономических позициях республиканской и демократической партий. Мы намерены показать, что несмотря на ожесточённую борьбу между господствующими фракциями республиканцев и демократов, в их коренных взглядах на экономику гораздо больше общего, чем различий. Главная объединяющая линия – курс на реиндустрIALIZацию Америки, протекционизм и промышленную политику. А вот противостоят им в каждой партии другие фракции, а также интеллектуальные центры, не разделяющие «новоиндустриальную» повестку и пытающиеся сохранить «проглобалистическую» доктрину с привычными установками на свободу торговли и движения капитала.

БАЙДЕНОМИКА КАК РАДИКАЛЬНЫЙ ОТХОД ОТ ОСТАТКОВ РЕЙГАНОМИКИ

Чтобы оценить итоги экономической политики 2021–2024 годов администрации Байдена – Харрис, важно понять, что она представляет собой окончательный

разрыв с неолиберальным магистральным направлением, заложенным в период президентства Р. Рейгана. В российском политico-экономическом сообществе закрепилась неоднозначная трактовка рейганомики. Почему-то основные черты экономической политики Р. Рейгана – снижение налогов и сокращение объёмов государственного регулирования – устойчиво характеризуют как неолиберальный курс, хотя в то время, в начале 1980-х годов, Дж.К. Гэлбрэйт совершенно справедливо называл рейганомику реваншем консерваторов над настоящими американскими либералами кейнсианско-рузвельтианского толка [Гэлбрэйт, 1982]. Примитивная и смехотворная, с точки зрения Гэлбрэйта, «старая добрая» консервативная идеология, вера в свободный рынок как средство решения проблем сложнейшего современного социума является регрессом по отношению к настоящему либерализму.

Неолиберальную окраску рейганомика заслужила благодаря, прежде всего, идеям либерализации мировых товарных и финансовых рынков. Старинная консервативная доктрина свободной рыночной конкуренции слилась с доктриной либерализации финансовых рынков и породила «неолиберальную неоконсервативную» рейганомику, получившую гигантскую популярность в мире, в первую очередь, благодаря развалу СССР и всего социалистического блока стран, то есть за совпавшие с её экономическими итогами революционными geopolитическими преобразованиями в мире.

Одним из малоизвестных в России экономических мемов рейганомики является миф о «просачивании сверху вниз» (*trickle-down effect*) как средстве активизации экономики. Незамысловатая его суть заключается в том, что снижение налогов на богатых, что и было проведено в ходе рейганомики, высвобождает средства для инвестирования «сверху вниз» в новые проекты, выгоду от которых получают все остальные слои общества, включая беднейшие.

Рейгановская налоговая реформа действительно значительно сократила налоги. Максимальная ставка подоходного налога снизилась с 70% для тех, кто получал 108 тыс. долл. и более; до 28% – для всех, чей доход составлял 18,5 тыс. долл. и более. Рейган также снизил ставку корпоративного налога с 46% до 40%. «Общий объём снижения налогов в расчёте на период 1981–1986 годов был определён в размере 750 млрд долл.; из них 560 млрд должно было пойти на снижение налогов на доходы физических лиц и 153 млрд – на налоговые льготы для корпоративного сектора, главным образом в виде сумм ускоренной амортизации» [Васильев В.С., Соколов М.М., 2018]. Однако, как было установлено в многочисленных последующих исследованиях, вместо чудодейственного «просачивания вниз» рейганомика усилила глубокое экономическое и социальное неравенство. Рыночная власть крупных корпораций усилилась, средний класс стал уменьшаться. Глобализация привела к исчезновению десятков тысяч американских предприятий.

Весьма интересно, что в период пропагандистской раскрутки мифа о «просачивании» предвыборным штабом Р. Рейгана на этапе республиканских праймериз, не кто иной как будущий вице-президент президента Рейгана аристократ-

мультимиллионер Джордж Буш-старший, назвал это мошенничеством и «экономикой вуду» [1].

Президент Дж. Байден оказался верен доктринальным установкам лучших президентов-демократов в части выравнивания чрезмерного социального неравенства. В выступлении на совместном заседании Конгресса 28 апреля 2021 года он жёстко критиковал доктрину «просачивания вниз»: «Экономика просачивания сверху вниз никогда не работала, и пришло время развивать экономику снизу и посередине» [2]. Он стал первым президентом-демократом после Линтона Джонсона, провозгласившим принцип «просачивания снизу вверх». Л. Джонсон в речи 15 января 1964 года провозгласил доктрину «Великого общества»: «Мы собираемся взять все деньги, которые, по нашему мнению, тратятся напрасно, взять их у «имущих» и отдать их «неимущим», которым это так нужно» [3].

Но нельзя не отметить, что отход администрации Байдена от остатков рейганомики произошёл в период фундаментального изменения экономического мышления в самих либеральных кругах Запада. Всё большая часть западного политico-экономического сообщества дрейфует от правых «неоконсервативных неолиберальных» взглядов в сторону более центристских умеренно либеральных идей, основоположниками которых в США были отцы-основатели доктрины экономической независимости США, третий президент Т. Джефферсон, выступавший за интересы бедных слоёв населения, и министр финансов А. Гамильтон, обосновавший идеи протекционизма [4].

Важным индикатором такого фундаментального доктринального сдвига западного политикума послужил выход в декабре 2020 года, сразу после победы Байдена, доклада престижнейшей Лондонской школы экономических и политических наук (ЛШЭ, *LSE*, именно такая знаменитая аббревиатура сохраняется даже после изменения официального названия этого знаменитого автономного факультета Лондонского университета) под названием «Экономические последствия масштабных сокращений налогов на богатых» [5]. Кстати, доклад подготовлен в рамках подразделения ЛШЭ – Международного института неравенства, созданного только в 2019 году (год появления первых публикаций), что также свидетельствует о недавнем и поспешном транзите такого влиятельного центра либеральной мысли, как ЛШЭ, в сторону центристского кейнсианско-рузвельтианского направления.

Авторы доклада Дэвид Хоуп и Джюлиан Лимберг исследовали данные 18 стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за период 1965–2015 годов с целью выявления воздействия снижения налоговой нагрузки на богатых на неравенство доходов, экономический рост и уровень безработицы. Исследование установило, что влияние значительного снижения налогов на богатых на реальный подушевой ВВП близко к нулю и статистически незначимо. Причём это характерно как для краткосрочного, так и для среднего временного промежутка. Безработица в первые годы после изменения налоговой политики слегка увеличивается, а в среднесрочной перспективе возвращается к

прежним значениям. И, разумеется, снижение налогов приводит к значительному увеличению неравенства доходов, и этот эффект со временем усиливается. В среднем каждое крупное снижение налогов приводит к увеличению на 0,8 процентных пункта доли богатейшего 1% национального дохода до уплаты налогов. Эффект сохраняется как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе.

Но ещё более показательным является солидаризация авторов данного доклада с таким известным и радикальным теоретиком борьбы с неравенством, как Т. Пикетти [Piketty, 2014], который обосновал тезис о том, что более низкие налоги на самые высокие доходы побуждают богатых к более агрессивному институциональному поведению, направленному на дальнейшее увеличение собственных доходов, и увеличению ущерба низкооплачиваемым слоям. Фактически данный тезис Пикетти близок уже к марксистской политэкономической концепции, и не отрицательное отношение к нему со стороны эталонного института либеральной экономической мысли говорит о серьёзных подвижках экономического мировоззрения и действительном прощании с ортодоксальным неолиберализмом ведущих представителей властного истеблишмента Запада.

БАЙДЕНОМИКА – ЭТО НАСТОЯЩАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

Несмотря на то что экономическая политика администрации Дж. Байдена с самых первых её отчётливых шагов не оставляла возможностей усомниться в приверженности её авторов к идеологии «большого правительства» и государственного активизма, козырная карта байденомики как комплексной и целенаправленной политики изменения будущего была сформулирована лишь под старт президентской избирательной кампании, в июне 2023 года. 28 июня 2023 года президент Дж. Байден впервые презентовал «байденомику», как «три фундаментальных изменения» в экономической политике: «разумные инвестиции в Америку», «обучение и расширение возможностей американских рабочих для роста среднего класса» и «содействие конкуренции для снижения затрат, чтобы помочь малому бизнесу» [6].

Однако данные обтекаемые очертания экономических действий, которые могли бы соответствовать взглядам представителей очень разных спектров политico-экономического сообщества – от социалистов («помощь рабочим») до ультралибералов («развитие конкуренции»), – не могли замаскировать уже сложившийся контур настоящей байденомики. Она стала не просто стандартной рекламной маркировкой именных особенностей экономической политики первого президента США, но свидетельством эпохального разворота гигантской социально-политической машины США от неолиберализма рейганомики 1980-х годов в сторону кейнсианско-рузвельтианской доктрины «Нового курса» и идеологии большого и «заботливого» правительства.

Ещё свою избирательную кампанию кандидат в президенты Дж. Байден проводил под лозунгом «Построить лучше, чем было» (*Build Back Better*), предлагая сотни

миллиардов долларов новых расходов на повышение экономической конкурентоспособности США и обещая внешнюю политику «для среднего класса». В 2021 году закон с социальными расходами на сумму 1,8 трлн долл., с увеличением налогов на богатых, которое должно было обеспечить неинфляционное финансирование, не смог собрать в Конгрессе большинство голосов в свою поддержку [7].

Одним из первых действий Байдена на посту президента стал указ, направленный на ужесточение уже существовавшего закона «Покупай американское», который требует от федерального правительства приобретать товары и услуги у американских компаний.

Все основные законы, воплощающие промышленную политику администрации Дж. Байдена, принятые в 2021–2022 годы, включая важнейшие законы «О снижении инфляции» (IRA) и «О микросхемах и науке» (CHIPS Act), рассмотрены нами в предыдущих публикациях [Толкачёв, 2023]. Поэтому здесь сосредоточимся на последних дополнительных аспектах промышленной байденомики.

Экономическая политика Трампа запомнилась двумя вещами: снижением налогов на богатых (принёсшим неоднозначные результаты) [Васильев, 2019] и экстремальным повышением ввозных налоговых пошлин [8]. Долгое время Д. Трамп укорял Дж. Байдена в нерешительности в защите американских производителей во внешнеторговой политике. Но в мае 2024 года администрация Байдена приняла нокаутирующее решение в стиле Трампа о введении запретительных пошлин на ввоз ряда китайских товаров на общую сумму 18 млрд долл. Тариф на импорт электромобилей увеличился в четыре раза и достиг 100%, а тариф на полупроводники вырос с 25% до 50%. Целью акции было поощрение Китая к «устранению несправедливой торговой практики в отношении передачи технологий, интеллектуальной собственности и инноваций». Помимо электромобилей и полупроводников, Вашингтон примерно утроил тарифы на некоторые изделия из стали и алюминия, а также на литий-ионные аккумуляторы для электромобилей и их части. Ставка тарифа на природный графит и некоторые другие важные минералы выросла с нуля до 25%, а на солнечные элементы удвоился, до 50% [9].

Как справедливо отмечает обозреватель журнала «Атлантик», «Этим решением Байден запускает политику, начатую администрацией Трампа, и знаменует решительный отказ от экономической ортодоксии, которая доминировала в американской политике на протяжении почти полувека. Лидеры обеих ведущих партий теперь отвернулись от неограниченной свободной торговли, что было бы немыслимо менее десяти лет назад» [10].

Кстати, Трамп, комментируя этот шаг демократической администрации, выказался в своей обычной эмоциональной манере: от «Наконец-то он меня послушал, надо было это сделать гораздо раньше», до «Я-то установлю пошлину в 200% на любой электромобиль, поступающий к нам из китайских заводов» [11], фактически поддержав тарифный порыв своего конкурента.

Таким образом, новый консенсус демократов и республиканцев в вопросах импорта и протекционизма опирается не на неоклассический экономикс с

универсалиями свободной торговли, а на старинный вариант меркантилистской «политической экономии» с её представлениями о конкурентном устройстве мировой экономики. Возврат к «конкурентной парадигме» проявляется в том, что экономическая политика строится не на основе текущей коммерческой эффективности как это было в период глобализации, а учитывает комплексные долгосрочные эффекты социально-экономического характера, такие как усиление промышленного потенциала страны-конкурента, закрытие заводов, потеря средств к существованию и разрушение сообществ в своей стране.

Иными словами, политико-экономический подход нового протекционистского консенсуса предполагает защиту отечественных неконкурентоспособных производств от международной конкуренции ради сохранения совокупного социально-экономического потенциала национальной экономики. В этом плане заметно расширяется количество отраслей и заводов, получающих статус «стратегических» и соответствующую комплексную государственную поддержку. Д. Трамп во время своего президентства вовсю опирался на такую риторику, а Дж. Байден полностью её воспринял, пустившись вслед за Трампом защищать американских сталелитейщиков, когда 14 мая 2024 года, объявляя о введении пошлин на китайские товары, выступил полностью в стиле своего предшественника: «Ещё в 2000 году, когда дешёвая сталь из Китая начала наводнить рынок, американские сталелитейные города в Пенсильвании и Огайо сильно пострадали. Работу потеряли около 18 тысяч сталеваров. Я не позволю этому повториться» [12].

Новый консенсус экономического национализма фактически провозгласил советник по национальной безопасности Джейк Салливан, когда в начале мая 2023 года выступил в Брукингском институте с речью, носившей без преувеличения исторический характер, ибо им было заявлено, ни много ни мало, о «новом Вашингтонском консенсусе». Дерзость воспроизведения термина «Вашингтонский консенсус» – фразы, появившейся в самом конце 1980-х годов и описывающей зарождающуюся двухпартийную веру в глобализацию, дерегулирование и мудрость рынков, – объясняется тем, что Салливан заявил о крахе старой парадигмы и необходимости формирования новой. Обрисовав четыре фундаментальных вызова, стоящих перед Америкой, – опустошенная благодаря слепой вере в рынок промышленная база; адаптация к новой среде, определяемой геополитической конкуренцией; ускоряющийся климатический кризис и необходимость энергетического перехода; растущее неравенство в рамках прежней системы свободной торговли – он поставил в центр своей речи большую идею новой промышленной стратегии и новой роли государства в управлении экономикой. «Современная американская промышленная стратегия определяет конкретные сектора, которые являются основополагающими для экономического роста, стратегическими с точки зрения национальной безопасности, где частная промышленность сама по себе не готова делать инвестиции, необходимые для защиты наших национальных амбиций» [13].

В число сторонников государственного активизма и противников свободной торговли переходят и те видные экономисты, которые ещё недавно придерживались противоположных взглядов. Джанет Йеллен, видный представитель неолиберализма в американском истеблишменте, бывший глава ФРС и нынешний министр финансов в администрации Байдена, комментируя в интервью американо-китайские торговые отношения, заявила: «Люди вроде меня выросли с убеждением: если люди присыпают вам дешёвые товары, вы должны отправить благодарственное письмо. Так гласит наша стандартная экономическая теория. Я бы никогда больше не сказала: «Отправьте благодарственное письмо» [14]. Так Йеллен продемонстрировала прямой отказ от той торговой политики, которой придерживалась администрация У. Клинтона и она сама, будучи председателем Совета экономических консультантов в этой администрации.

Экономист и нобелевский лауреат 2018 года Пол Ромер подверг критике теорию свободной торговли в феврале 2024 года в интервью «Блумберг ньюс» (*Bloomberg News*), заявив, что движущей силой экономического роста является распространение таких идей, как технологические инновации, а не дешёвый импорт, который приводит к потере рабочих мест, росту издержек на адаптацию и социальным разногласиям [15]. Нобелевский лауреат 2015 года Ангус Дитон в эссе для МВФ с характерным названием «Переосмысливая мою экономическую теорию» ставит под сомнение не только влияние глобализации на богатые западные страны, но и её важность для сокращения бедности в отсталых странах: «Я гораздо более скептически отношусь к преимуществам свободной торговли для американских рабочих и даже скептически отношусь к заявлению, которое я и другие делали в прошлом, о том, что глобализация ответственна за огромное сокращение глобальной бедности за последние 30 лет. Я также больше не защищаю идею о том, что вред, нанесённый работающим американцам глобализацией, был разумной платой за глобальное сокращение бедности» [16].

ПОПУЛЯРНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Байденомика отождествляется с промышленной политикой, а популярность последней постепенно заменяет неолиберализм как ортодоксальную линию американской администрации. Например, в статье с показательным названием «Возвращение промышленной политики», опубликованной в официозном органе американского истеблишмента – Совете по международным отношениям, авторы обосновывают необходимость и закономерность возврата администрации Дж. Байдена к промышленной политике такими аргументами, как ответ на угрожающие промышленные успехи Китая, кризис глобальной логистики, борьба с ухудшением климата путём перехода к новым промышленным низкоуглеродным технологиям [17].

Идеология протекционизма и возврата промышленной политики получает в интеллектуальных кругах США дополнительное обоснование, выходящее за

рамки привычного мировоззрения национального эгоизма. Так в докладе «Переосмысливая международные правила субсидирования», подготовленном для Совета по международным отношениям, признаётся, что в международной торговле происходит «парадигмальный сдвиг» к практике массового использования субсидий, и США возглавляют этот сдвиг после объявленного субсидирования на 805 млрд долл. различных программ, от возрождения американского производства чипов до инвестиций в сохранение климата и обновление инфраструктуры [18].

Основная мысль доклада состоит в поиске разумного компромисса между необходимостью возрождения промышленной политики и избежанием её опасных последствий в виде торможения инноваций, тиражирования неэффективных затрат, роста корпоративной власти и укрепления «кумовского капитализма». Но при этом авторы пытаются придать «парадигмальному сдвигу» некий неоглобализационный характер, соединить несовместимое – национальный экономический национализм и универсальные правила глобализма. Они грезят иллюзиями создать «хорошие» прозрачные правила субсидирования, мечтают о том, что мировые производители введут «ограничения на общий объём промышленных субсидий, которые они будут предоставлять, наряду с чётко определёнными исключениями. Чтобы обеспечить соблюдение таких правил субсидирования, политикам следует расширить меры наказания за их нарушение. Обновлённый режим субсидирования может в значительной степени предотвратить дорогостоящую и раскольническую войну субсидий и одновременно стимулировать необходимые инвестиции в технологии борьбы с изменением климата и устойчивость цепочек поставок» [18].

Однако желание определённых кругов американского истеблишмента вести «войну субсидий» «по правилам» далеко от реальности. Другие развитые страны с упоением включились в «гонку субсидий», спровоцированную США. 2 трлн долл. субсидий и льгот, предусмотренных в основных программах промышленной политики США на ближайшие 10 лет, вынудили другие промышленно развитые страны ответить в том же ключе. 18 апреля 2023 года Европейский Союз утвердил закон «О микросхемах и науке» стоимостью 43 млрд евро, который открывает двери для государственного финансирования европейских компаний, пострадавших от американских дискриминационных решений [19].

15 марта 2023 года Южная Корея обнародовала инвестиционный план на сумму 550 трлн вон (413 млрд долл. США), ориентированный на государственно-частное партнёрство в производстве чипов, аккумуляторов, электромобилей и разработке биотехнологий в инвестиционном плане до 2026 года, включая создание хабов, в которых будут размещены мегазаводы по производству микросхем, конструкторские бюро и поставщики материалов для укрепления собственной цепочки поставок. Данный план станет первым стимулом для корпорации «Самсунг» (Samsung), которая планирует потратить около 300 трлн вон (229 млрд долл.) в течение следующих двух десятилетий на строительство нового комплекса по производству чипов на окраине Сеула [20].

Повальное «увлечение» промышленной политикой наблюдается во всём мире. Практически каждая страна в той или иной степени применяет инструменты вмешательства в рынок. В недавней статье с участием всемирно известного адвоката промышленной политики профессора Гарварда Дэни Родрика, отмечено более 1500 случаев вмешательств правительств в промышленную политику в 2022 году, по сравнению с 34 в 2010 году. К таким мерам относятся налоговые льготы на исследования и разработки, прямые субсидии компаниям и кредиты ниже рыночной стоимости, предоставляемые государственными учреждениями [21].

Без сомнения, именно впечатляющий рост Китая как мировой державы в значительной степени обусловил возвращение популярности промышленной политики. В докладе washingtonского Центра стратегических и международных исследований* утверждается, что расходы на промышленную политику в рамках государственной экономики Китая, даже при использовании консервативной методики, составили не менее 1,73% ВВП за 2019 год. Это эквивалентно 248 млрд долл. по номинальному курсу или 407 млрд долл. по курсу паритета покупательной способности. Это больше расходов Китая на оборону в 2019 году, которые Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI) оценил в 240 млрд долл. по номинальному курсу. Альтернативные данные и допущения, в том числе в отношении китайских кредитов ниже рыночного уровня, субсидий частным компаниям, не входящим в листинг, государственных фондов целевого капитала и чистой кредиторской задолженности государственных предприятий, привели бы к более значительным совокупным оценкам. Южная Корея, находящаяся на втором месте, выделяет на промышленную политику около 0,7% ВВП, за ней следуют Франция (0,55%) и Япония (0,5%). Для США этот показатель до вступления Байдена в должность составлял 0,4%. Китай – единственная экономика, которая сохранила или даже усилила вертикальную промышленную политику по мере приближения к рубежу передовых инновационных разработок [22].

ГЛОБАЛИСТЫ НЕ СДАЮТСЯ

Представители неолиберальной экономической идеологии сохраняют значительное влияние в академической и медийной среде и выстраивают мощную «оборону» против идейного натиска растущего числа сторонников государственного активизма и промышленной политики. Тем более что набор используемых неолибералами контраргументов далеко не нов и поконится на грандиозном идеином наследии теоретиков свободной торговли.

* Деятельность организации *Center for Strategic and International Studies* (CSIS – Центр стратегических и международных исследований) в июле 2024 года признана Генеральной прокуратурой Российской Федерации нежелательной в России.

Традиционно активно используются аргументы неэффективности государственных расходов на поддержку тех отраслей, которые неконкурентоспособны на мировом рынке и потому, заслуженно обречены на вымирание. Промышленная политика байденомики награждается эпитетами недальновидной и «тупой», разрушающей всю систему мировой торговли из-за встречной эскалации пошлин торговых партнёров.

При этом трезвомыслящие носители идей фритредерства не отрицают полностью аргументы стратегического характера, используемые в байденомике, но задаются вопросом: насколько широко можно применять данные меры государственной поддержки? Так, Клайв Крук, экономический обозреватель «Блумберга», ранее работавший в лондонских очагах неолиберализма – «Экономист» и «Файнэншл таймс» – комментирует решение администрации Байдена установить запретительные пошлины на импорт китайских электромобилей: «Хорошо оплачиваемые профсоюзные рабочие места, которые неустанно защищает Байден, трудно поддерживать в такой высокооплачиваемой экономике, как США, потому что получаемое в результате производство, скорее всего, окажется неконкурентоспособным на международном уровне. <...> Хорошо оплачиваемые работники, производящие дешёвые электромобили, – это сложная комбинация» [23].

Майкл Стрейн, директор по исследованиям экономической политики в Американском институте предпринимательства, одном из ведущих центров либертарианской экономики, в статье с показательным названием «Консенсус Трампа и Байдена по экономике вреден для бизнеса» подчёркивает, что несмотря на огромные различия в экономических взглядах двух конкурентов, их объединяет более широкая платформа – отказ от идеологии свободной торговли в пользу протекционизма, приверженность государственному регулированию вместо частной рыночной инициативы, отсутствие озабоченности проблемами фискальной несбалансированности американских государственных финансов [24].

Подтверждение консенсуса Трампа и Байдена неолибералы видят в кейсе блокирования демократической администрацией сделки по приобретению американской сталелитейной компании «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» (US Steel) японской «Ниппон стил» (Nippon Steel), достигнутому в декабре 2023 года на сумму 14,1 млрд долл. Минфин США заблокировал эту сделку в марте 2024 года по соображениям «национальной безопасности», а Дж. Байден поддержал мнение профсоюзов американской компании, которые также выступили против поглощения [25].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неоиндустриальная повестка для США является доминирующей и претендует на широкий общественный консенсус даже среди конкурирующих за власть финансово-промышленных группировок и их фронтменов в лице Д. Трампа и Дж. Байдена. Новоиспечённый экономический «национализм» США,

пришедший на смену неолиберальной ортодоксии, может облечься в различающиеся эмоциональные «одежды», транслируемые каждым претендентом на пост президента страны, но конечная цель «промышленного консенсуса» фактически одинакова. Америка намерена осуществить промышленную «перезагрузку», одновременно переформатировав всю сложившуюся в эпоху глобализма систему международных экономических отношений.

Окончательная вёрстка статьи была завершена уже после известия о победе на президентских выборах Д. Трампа, который в ходе предвыборной кампании не менее активно использовал риторику защиты американской промышленности. И данный факт лишь подтверждает основной вывод статьи о глубинном двухпартийном консенсусе американской экономической политики в вопросе национального промышленного суверенитета.

ИСТОЧНИКИ

1. Hartmann, Th. 40-year con of trickle-down reaganomics: why republican's toxic class warfare spreads poverty. *Milwaukee Independent*. Jul 14, 2021. Available at: <https://www.milwaukeeindependent.com/thom-hartmann/40-year-con-trickle-reaganomics-republicans-toxic-class-warfare-spreads-poverty/> (accessed 24.06.2024).
2. Biden, J. Address Before a Joint Session of the Congress. *The American Presidency Project*. April 28, 2021. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-3> (accessed 24.06.2024).
3. Bartlett, B. It Took the Democrats Half a Century to Rediscover Trickle-Up Economics. *The New Republic*. May 7, 2021. Available at: <https://newrepublic.com/article/162334/trickle-up-economics-biden-lbj-democrats> (accessed 24.06.2024).
4. Harold Meyerson. It's Hamiltonian! It's Jeffersonian! It's Bidenomics! *The American Prospect*. July 3, 2023. Available at: <https://prospect.org/economy/2023-07-03-hamiltonian-jeffersonian-bidenomics/> (accessed 24.06.2024).
5. Hope, R.D., Limberg, J. The Economic Consequences of Major Tax Cuts for the Rich. Working Paper 55, December 2020. Available at: https://eprints.lse.ac.uk/107919/1/Hope_economic_consequences_of_major_tax_cuts_published.pdf (accessed 24.06.2024).
6. Bachtell, J. Is "Bidenomics" a break from neoliberalism? *People's World*. August 10, 2023. Available at: <https://peoplesworld.org/article/is-bidenomics-a-break-from-neoliberalism/> (accessed 24.06.2024).
7. «Ухудшит ли план «лучшее восстановление» инфляцию?» Available at: <https://portalfamososbr.com/ru/pages/12742-would-the-build-back-better-plan-make-inflation-worse> (accessed: 24.06.2024).
8. Толкачёв С.А. Восемь «трамповских ударов». *Капитал страны*, 9 августа 2023. Available at: https://kapital-rus.ru/articles/article/vosem_trampovskih_udarov/ (accessed 24.06.2024).
9. US to Raise Tariffs on \$18 Billion of China Imports Including Chips. *Industry Week*. May 14, 2024. Available at: <https://www.industryweek.com/the>

economy/trade/news/55039633/us-to-raise-tariffs-on-18-billion-of-china-imports-including-chips (accessed 24.06.2024).

10. Karma, R. Reaganomics Is on Its Last Legs. *The Atlantic*, May 18, 2024. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/05/tariffs-free-trade-dead/678417/> (accessed 24.06.2024).

11. Biden Levies Sweeping Tariffs on China, Intensifying Trade Fight with Trump. *The Wall Street Journal*. Updated May 14, 2024. Available at: <https://www.wsj.com/politics/elections/biden-trump-tariffs-d405cbca> (accessed 24.06.2024).

12. Remarks by President Biden on His Actions to Protect American Workers and Businesses from China's Unfair Trade Practices. *The White House*. May 14, 2024. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/14/remarks-by-president-biden-remarks-by-president-biden-on-his-actions-to-protect-american-workers-and-businesses-from-chinas-unfair-trade-practices/> (accessed 24.06.2024).

13. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution. *The White House*. April 27, 2024. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (accessed 24.06.2024).

14. Duehren, A. "Janet Yellen Missed the First China Shock, Can She Stop the Second?" *Wall Street Journal*, April 3, 2024. Available at: <https://www.wsj.com/politics/policy/janet-yellen-missed-the-first-china-shock-can-she-stop-the-second-b27d28e5> (accessed 24.06.2024).

15. Curran, E. Nobel Laureate Paul Romer Says Free Trade Hurts the Vulnerable, *Bloomberg News*, Feb. 22, 2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-22/nobel-laureate-paul-romer-says-free-trade-hurts-the-vulnerable> (accessed 24.06.2024).

16. Deaton, A. Rethinking My Economics, *IMF Finance and Development*, March 2024. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2024/03/Symposium-Rethinking-Economics-Angus-Deaton> (accessed 24.06.2024).

17. Siripurapu, A., Berman, N. Is Industrial Policy Making a Comeback? *Council on Foreign Relations*. Last updated September 18, 2023. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/industrial-policy-making-comeback> (accessed 24.06.2024).

18. Hillman, J., Manak, I. Rethinking International Rules on Subsidies. *Council on Foreign Relations*. Council Special Report No. 96 September 2023, p.1. Available at: <https://www.cfr.org/report/rethinking-international-rules-subsidies> (accessed 24.06.2024).

19. Deutsch, J. EU Advances €43 Billion Plan to Make More Semiconductors. *Bloomberg*. April 18, 2023. Available at:

<https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-18/eu-negotiators-strike-political-deal-on-43-billion-chips-act> (accessed 24.06.2024).

20. Sohee Kim, Sam Kim. Samsung Joins Korea's \$400 Billion Bid to Lead in Key Tech. *Bloomberg*. March 15, 2023. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-15/samsung-drives-400-billion-south-korea-plan-to-propel-key-tech> (accessed 24.06.2024).

21. Juhász, R., Lane, N, Rodrik, D. The New Economics of Industrial Policy. *Annual Review of Economics*, 2024. Vol. 16. Available at: <https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-economics-081023-024638> (accessed 24.06.2024).

22. DiPippo, G, Mazzocco, I., Kennedy, S. Estimating Chinese Industrial Policy Spending in Comparative Perspective. A Joint Report of the CSIS Economics Program & Trustee Chair in Chinese Business and Economics. May 2022. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/220523_DiPippo_Red_Ink.pdf?VersionId=LH8ILLKWz4o.bjrwNS7csuX_C04FyEre (accessed 24.06.2024).

23. Crook, C. Bidenomics Makes Dumb EV Tariffs Necessary. *Bloomberg*, May 20, 2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-05-20/bidenomics-makes-dumb-ev-tariffs-necessary> (accessed 24.06.2024).

24. Strain, M. The Financial Times. The Trump-Biden consensus on the economy is bad for business. January 30, 2024. Available at: <https://www.ft.com/content/3cb2c4fd-58eb-4e25-9750-99c5566d0fdf> (accessed 24.06.2024).

25. Strain, M. Protectionism is running amok in the US. *The Financial Times*. March 18, 2024. Available at: <https://www.ft.com/content/cdd09fb9-21ee-45c9-9406-578d4a78b476> (accessed 24.06.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.С. Налоговая реформа Д. Трампа: противоречивые эффекты. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019. № 11. С. 35-54. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032120680007285-7>.

Васильев В.С., Соколов М.М. Налоговые реформы Р. Рейгана и Д. Трампа: эволюция приоритетов. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2018. № 8. С. 5-25. DOI: <https://doi.org/10.31857/S03212068000356-5>.

Гэлбрейт Дж. К. Наступление консерваторов. *Мировая экономика и международные отношения*. 1982. № 5. С. 64-77.

Толкачёв С.А. Промышленная политика «байденомики» в период смены технологического и мирохозяйственного укладов. *Экономическое возрождение России*. 2023. № 4. С. 21-41. DOI: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-4-78-21-41>.

Толкачёв С.А. Фундаментальные векторы реиндустириализации и промышленной политики администрации Дж. Байдена: итоги первой половины президентского срока. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. № 4. С. 16-33. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673023040028>.

REFERENCES

Galbraith, J.K. Nastuplenie konservatorov [The offensive of conservatives]. (In Russ.). *World Economy and International Relations*. 1982, №5, p.64-77.

Piketty, Th., Saez, E., Stantcheva, S. Optimal Taxation of Top Labor Incomes: A Tale of Three Elasticities. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2014, 6 (1): 230-71. DOI: <https://doi.org/10.1257/pol.6.1.230>.

Tolkachev, S.A. Fundamental'nye vektry reindustrializatsii i promyshlennoi politiki administratsii Dzh. Baidena: itogi pervoi poloviny prezidentskogo sroka [Fundamental Vectors of Reindustrialization and Industrial Policy in the Biden Administration: First Half Presidential Term Results] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(4): 16-33. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673023040028>.

Tolkachev, S.A. Promyshlennaia politika «baidenomiki» v period smeny tekhnologicheskogo i mirokhoziaistvennogo ukladov [Industrial Policy of “Bidenomics” During the Period of Changing Technological and World Economic Orders]. (In Russ.). *The Economic Revival of Russia*. 2023; 78(4): 21-41. DOI: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-4-78-21-41>.

Vasiliev, V.S. Nalogovaia reforma D. Trampa: protivorechivye effekty [D. Trump's Tax Reform of 2017: Contradictory Effects]. (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2019; 49(11): 35-54. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032120680007285-7>.

Vasiliev, V.S. Sokolov, M.M. Nalogovye reformy R. Reigana i D. Trampa: evoliutsiia prioritetov [Tax Reforms of R. Reagan and D. Trump: Evolution of Priorities] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2018; 48(8): 5-25. DOI: <https://doi.org/10.31857/S03212068000035>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТОЛКАЧЁВ Сергей Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация 125993 Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

Sergei A. TOLKACHEV, Doctor of Sciences (Economics), professor, Economic Theory Department, Financial University under the Government of the Russian Federation. 49 Leningradsky Prospekt, 125993 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 21.06.2024 / Received 21.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 4.07.2024 / Revised 4.07.2024.

Статья принята к публикации 5.07.2024 / Accepted 5.07.2024.

УДК 339.9, 621.039.003

JEL: L94; Q48

DOI: 10.31857/S2686673024120054

EDN: WOIKGA

Реконфигурация атомной промышленности США и Канады

Е.Е. Хорошилов

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

РИНЦ ID: 467600 ORCID: 0000-0002-3738-9035 email: eu.khoroshilov@iskran.ru

Резюме. Атомная энергетика переживает в настоящее время ренессанс благодаря своим конкурентным преимуществам на глобальном рынке источников энергии и незаменимости в контексте энергетического перехода и «климатической» повестки глобальных элит. США и Канада входят в число ведущих игроков рынка ядерных технологий. Они располагают запасами урана, технологиями его добычи, конверсии, обогащения, производства ядерного топлива, строительства атомных электростанций, а также развитой собственной атомной генерацией. На долю этих двух стран приходится около трети мировой выработки атомной энергии. Однако в последние годы Соединённые Штаты и Канада постепенно утрачивали позиции во многих сегментах глобального рынка ядерной энергетики. В настоящее время происходит реконфигурация североамериканской атомной промышленности. В значительной мере уже выкристаллизовалась новая институциональная структура американо-канадского альянса на мировом рынке атомных технологий, в основе которой оказались концерн «Камеко» – «Вестингауз Электрик», сформировавшийся под эгидой инвестиционной группы «Брукфилд», и «экосистема» КАНДУ. Для США главный приоритет в сфере ядерной энергетики на сегодняшний день – это увеличение мощностей по обогащению урана и преодоление зависимости в этой сфере от России. Кроме того, Вашингтон и Оттава нацелены на усиление своих позиций за рубежом, как в сфере строительства новых АЭС, так и в области поставок ядерного топлива и добычи урана. Они также работают над развитием собственной атомной генерации и разрабатывают малые модульные реакторы. На внешнем контуре институционализация американо-канадского альянса в сфере атомной энергетики неизбежно ведёт к попыткам США и Канады осуществить передел мировых рынков атомно-энергетических технологий, ядерного топлива и уранового сырья, вытеснить с них Российскую Федерацию, сократить экспортные доходы российской атомной отрасли и притормозить её развитие.

Ключевые слова. Атомная энергетика, ядерная энергетика, АЭС, ядерное топливо, уран, США, Канада, «Вестингауз», КАНДУ.

Для цитирования: Хорошилов Е.Е. Реконфигурация атомной промышленности США и Канады. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(12): 60–73. DOI: 10.31857/S2686673024120054 EDN: WOIKGA

Reconfiguration of the U.S. and Canadian Nuclear Industries

Evgeny E. Khoroshilov

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

РИНЦ ID: 467600 ORCID: 0000-0002-3738-9035 e-mail: eu.khoroshilov@iskran.ru

Abstract. Nuclear energy industry is currently undergoing a renaissance due to its competitiveness in the global energy market and its indispensability in the context of the energy transition and the "climate" agenda of global elites. The USA and Canada are among the leading players in the global nuclear technologies market. They possess uranium reserves and technologies for uranium extraction, conversion, enrichment, nuclear fuel production, and nuclear power plants construction. They also rely on their own well-developed nuclear power sectors, which together account for about a third of the world's nuclear power generation.

However, in recent years, the United States and Canada have gradually lost ground in many segments of the global nuclear energy market. A reconfiguration of the North American nuclear industry is currently underway. To a large extent, the new institutional structure of the American-Canadian alliance in the global nuclear technology market has already crystallized around Cameco – Westinghouse Electric consortium, formed under the auspices of the investment group Brookfield, and the CANDU ecosystem.

For the United States, the main priority in the field of nuclear energy today is increasing uranium enrichment capacity and overcoming dependence on Russia in this area. In addition, Washington and Ottawa aim to strengthen their positions abroad, both in the construction of new reactors and in the supply of nuclear fuel and uranium mining. They are also working on expanding their own nuclear generation capacities and developing small modular reactors.

On the international stage, the institutionalization of the American-Canadian alliance in the field of nuclear energy makes it inevitable that the United States and Canada will attempt to regain market share in atomic energy technologies, nuclear fuel, and uranium raw materials. They will also work to undermine the Russian Federation's position in these markets, reduce its export revenues, and slow down the development of its nuclear energy industry.

Keywords. Nuclear energy, nuclear power plants, nuclear fuel, uranium, USA, Canada, Westinghouse, CANDU.

For citation: Khoroshilov, E.E. Reconfiguration of the U.S. and Canadian Nuclear Industries. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2024; 54 (12): 60–73. DOI: 10.31857/S2686673024120054 EDN: WOIKGA

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 году одним из важнейших событий для мирового рынка атомно-энергетических технологий стало давно ожидавшееся решение США ввести запрет на импорт обогащённого урана из Российской Федерации. В этой новости

примечательно всё. И то, что Соединённые Штаты, намереваясь нанести стратегическое поражение России, продолжают закупать у нашей страны важнейшее стратегическое сырьё приблизительно на 1,2 млрд долл. в год [3], причём эти поставки бьют рекорды [4]. И то, что Россия является надёжным поставщиком важнейшего стратегического сырья для страны, ведущей против нас на Украине прокси-войну. И, конечно, то, что США пока ещё настолько зависят от импорта этого стратегического сырья, что запрет содержит лазейку для его официального обхода.

То же внимание, которое уделяется данному вопросу по обе стороны Атлантики, является ещё одним свидетельством растущего в последние годы значения ядерной энергетики, особенно в свете того, что уже довольно давно в Соединённых Штатах «на уровне власти доминирование России и Китая в экспорте продуктов и услуг атомной промышленности представляется угрозой» [Бунина А.А. 2021: 75].

Ещё буквально десять лет назад казалось, что на развитии ядерной энергетики поставлен крест, о каком-либо значимом увеличении её доли в мировом энергобалансе не может быть и речи. Случившаяся в 2011 году авария на первом энергоблоке японской атомной электростанции (АЭС) «Фукусима-дайити» (*Fukushima Daiichi*) привела к пересмотру многих проектов в этой сфере. Некоторые страны, такие как Германия, решили отказаться от ядерной энергетики в принципе, остановив существующие атомные энергоблоки.

Положение дел хорошо иллюстрирует динамика биржевых цен на октаоксид триурана (U_3O_8) в Нью-Йорке. В январе 2011 года они достигли локального пика в 73 долл. за фунт [27]. На фоне инцидента на АЭС «Фукусима-дайити» началось их быстрое снижение вплоть до минимума в 18 долл. в конце 2016 года. Однако после последовавшей пятилетней стагнации октаоксид триурана стал стремительно дорожать. В первом полугодии 2024 года его стоимость иногда поднималась выше 90 долл. за фунт, а в конце июня составила около 85 долл. Чем обусловлена такая ценовая конъюнктура?

Если кратко, то к началу 2020-х годов мировые лоббисты атомной отрасли сломили сопротивление ультразелёных активистов, и атомная энергия была признана незаменимым инструментом в контексте энергетического перехода и «климатической» повестки глобальных элит. В настоящее время более 20 государств планируют увеличить совокупную мощность своих АЭС или создать собственную ядерную энергетику с нуля. В стадии строительства в разных странах находятся 58 новых реакторов [27]. По некоторым оценкам, к 2050 году совокупная мощность атомных электростанций в мире может возрасти в 3 раза [27]. Таким образом, можно говорить о том, что мировая атомная энергетика переживает настоящий ренессанс. Естественно, США и Канада не могли остаться в стороне от этих процессов.

США И КАНАДА НА МИРОВОМ РЫНКЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

США пока остаются «абсолютной доминантой на рынке» и крупнейшим производителем атомной энергии в мире [Пацала С.В., Горошко Н.В. 2022: 26]. В свою очередь, Канада занимает 6-е место в мире по совокупной выработке АЭС (табл. 1). На долю этих двух стран приходится 30% всех мировых мощностей атомных станций и 34% мирового производства атомной энергии. Доля АЭС в совокупном производстве электроэнергии составляет 19% в США и 14% в Канаде. В США на сегодняшний день действует 94 ядерных энергетических реактора [23], в Канаде – 19 [22].

Таблица 1
Страны – лидеры в сфере атомной энергетики в 2023 году

№№	Страна	Выработка атомной энергии, ТВт·ч	Установленная мощность АЭС, ГВ	Доля АЭС в электрогенерации, %
1	США	779	95,8	19
2	Китай	407	53,2	5
3	Франция	324	61,4	65
4	Россия	204	27,7	18
5	Южная Корея	172	25,8	31
6	Канада	83	13,7	14
7	Япония	78	11,0	6
8	Испания	54	7,1	20
9	Швеция	47	6,9	29
10	Индия	45	6,3	3
	Весь мир	2552	364,5	нет данных

International Atomic Energy Agency. Power Reactor Information System. World Statistics. Nuclear Share of Electricity Generation in 2023. Available at: <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/NuclearShareofElectricityGeneration.aspx> (accessed 07.11.2024).

Характерно, что уже многие годы национальная атомная энергетика ни в Соединённых Штатах, ни в Канаде практически не развивалась. В США за прошедшие 30 лет было запущено только два атомных энергоблока – в 2023 и 2024 годах [23]. В Канаде последний новый энергетический реактор начал работу в 1993 году – то есть три десятилетия назад [22]. Более того, в США и Канаде в настоящее время не строится ни одного нового атомного энергоблока, все соответствующие планы пока находятся на разных стадиях подготовки и согласования.

При этом и США, и Канада располагают своими собственными технологиями строительства атомных электростанций. Америка на этом рынке представлены компанией «Вестингауз Электрик» (Westinghouse Electric Company) и американо-

японским совместным предприятием «Джи-И Хитачи Нуклеар Энерджи» (GE Hitachi Nuclear Energy).

Канада развивает собственную технологию – Канадский дейтерийно-урановый (*Canada Deuterium Uranium, CANDU*) тяжеловодный реактор. Её особенность – использование топлива, получаемого из необогащённого природного урана.

И США, и Канада имеют опыт строительства электростанций за рубежом. «Вестингауз Электрик» построила энергетические реакторы в более чем десятке стран, в частности, в Бельгии, Бразилии, Китае, Италии, Словении, Южной Корее, Испании, Швеции, Швейцарии, Великобритании и на Филиппинах, в то время как технологии «Джи-И Хитачи» используются в Японии и на Тайване [24]. Канада экспортировала свою технологию в шесть стран: Аргентину, Китай, Индию, Пакистан, Румынию и Южную Корею [21].

Что касается ядерного топлива, то Канада производит его для тяжеловодных ядерных реакторов, контролируя почти 55% этого сегмента мирового рынка [30]. Производственные мощности корпорации «Камеко» (Cameco Corporation) расположены в Порт-Хоупе, провинция Онтарио, а фирмы «Би-Даблью-Экс-Ти Кэнада» (BWXT Canada Limited) – в пригороде Торонто Питерборо [17]. Первичную переработку урана «Камеко» осуществляется на заводе в Блейнд-Ривер, Онтарио, а конверсию – в Порт-Хоупе [18]. Диоксид урана с предприятия в Порт-Хоупе далее используется в Канаде для производства топлива для Канадских дейтерийно-уранных реакторов (КАНДУ), а гексафторид урана экспортируется в другие страны как сырьё для выпуска топлива для легководных реакторов [19].

В свою очередь в США действуют три предприятия по производству ядерного топлива для реакторов на лёгкой воде: «Фраматом» (Framatome Incorporated) в Ри-членде, штат Вашингтон, «Глобал нуклеар фьюэл Америкас» (Global Nuclear Fuel Americas, LLC) в Уилмингтоне, штат Делавэр, и «Вестингауз Электрик» в Колумбии, штат Южная Каролина [30]. На них приходится до трети соответствующих совокупных мировых мощностей [30]. Расположенный в штате Иллинойс завод «Хониуэлл Метрополис» (Honeywell Metropolis Works, HMW), единственное американское предприятие по конверсии урана, приостановил работу в 2017 году из-за переизбытка предложения и снижения спроса на мировых рынках, но в 2021 году было принято решение о возобновлении на нём производства с 2023 года [34].

В сфере обогащения урана доля США в мировых мощностях упала с 20% в начале 2010-х годов до 8% в настоящее время вследствие неудачной приватизации в 1970-х годах и постепенной утраты конкурентоспособности [16]. Сегодня в Соединённых Штатах действует только одна обогатительная фабрика – компании «Юренко» (Urenco) в штате Нью-Мексико [32]. Для сравнения, доля России на этом рынке – более 45% [32], причём наша страна является фактически монополистом по производству высокопробного низкообогащённого урана (*high-assay low-enriched uranium, HALEU*), а это наиболее перспективный вид ядерного

топлива на данном этапе. Канада предприятиями по обогащению урана на сегодняшний день не располагает.

Наконец, технологиями производства и установки центрифуг в промышленных масштабах обладают только шесть стран – одна из них США в лице компании «Сентрусс Энерджи» (*Centrus Energy Incorporated*) [16].

По добыче уранового сырья Канада занимает 2-е место в мире, уступая только Казахстану, а Соединённые Штаты – 12-е место [33]. При этом если канадская квота мировой добычи за последние 10 лет изменилась незначительно – с 15,7% в 2013 году до 15,0% в 2022 году, то американская сократилась в 15 раз, с 3,0% до 0,2%. В абсолютных значениях добыча урана в Канаде за указанный период упала на 21%, с 9,3 тыс. до 7,4 тыс. т, а в США – в 24 раза, с 1,8 тыс. до 75 тонн [33].

Следует отметить, что канадская транснациональная корпорация «Камеко» занимает по добыче урана 2-е место в мире, уступая только «Казатампруму» из Республики Казахстан [33]. В 2022 году «Камеко» добыла 5,7 тыс. тонн урана, что составило 11,5% мирового производства [33]. Характерно, что канадский бизнес активен в добыче урана и разведке урановых месторождений за рубежом. В частности, в Казахстане та же «Камеко» владеет 40%-ной долей месторождения «Инкай» с годовой добычей в 3,8 тыс. тонн [13].

США и Канада располагают собственными значительными залежами уранового сырья. На Канаду приходится около 10% мировых запасов, а на США – 1% [31]. По этому показателю они занимают 3-е и 15-е места в мире соответственно. Кроме того, специализированный канадский инвестиционный фонд «Спротт Физикал Юрэйниум Траст» (*Sprott Physical Uranium Trust*) за последние три года скупил почти 30 тыс. тонн урана на общую сумму в 6 млрд долл. [26].

Таким образом, США и Канада располагают запасами урана, технологиями его добычи, конверсии, обогащения, производства ядерного топлива, строительства атомных электростанций, а также развитой собственной атомной генерацией. При этом в последние годы они постепенно утрачивали позиции во многих сегментах глобального рынка ядерной энергетики, уступая, в первую очередь, России и Китаю. Кроме того, Соединённые Штаты попали в зависимость от импорта российского обогащённого урана. На Российскую Федерацию приходится четверть этого рынка США [28].

АМЕРИКАНСКИЕ И КАНАДСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В СФЕРЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Обострение геополитических противоречий и выход в начале 2022 года на новый уровень противостояния с Российской Федерацией, с одной стороны, поставили Вашингтон перед необходимостью решить важную с точки зрения национальной безопасности проблему обеспечения атомной энергетики топливом из дружественных источников. С другой стороны, для США и Канады открылось окно возможностей для экспансии на зарубежные рынки атомно-энергетических

технологий, где в обычных условиях конкурентоспособность американского и канадского бизнеса не всегда высока.

Главный приоритет в сфере ядерной энергетики для США на сегодняшний день – увеличение мощностей по обогащению урана и преодоление зависимости в этой сфере от России, для чего Вашингтон предпринимает самые активные усилия. На сегодня США свои потребности в обогащённом уране закрывают максимум на 30% [7]. Для исправления ситуации Белый дом в начале 2024 года решил выделить из федерального бюджета 2,7 млрд долл. на закупку обогащённого урана [6]. Кроме того, в Соединённых Штатах наращиваются усилия по возрождению уранодобывающей промышленности, а в Канаде – по разработке новых урановых месторождений.

Второй приоритет для Вашингтона и Оттавы в сфере ядерной энергетики – это усиление позиций американских и канадских игроков за рубежом, как в сфере строительства новых АЭС, так и в области поставок ядерного топлива и добычи урана. Попытки вытеснения российского государственного концерна «Росатом» с зарубежных рынков – неотъемлемая и наиважнейшая составляющая усилий США и Канады в этом направлении. Не следует забывать в этой связи, что в конце апреля этого года страны Большой семёрки приняли заявление, где подтвердили обязательство «сократить зависимость от поставок из России товаров гражданского назначения, связанных с ядерной энергетикой», а также «оказываться содействие созданию [альтернативной] цепочки поставок ядерного топлива, не подпадающей под влияние России, включая помочь странам, стремящимся диверсифицировать поставки» [5].

Одновременно североамериканский бизнес увеличивает активность по поиску и развитию урановых проектов за рубежом, в том числе, чтобы ограничить доступ к новым источникам уранового сырья для Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Третий приоритет – это развитие собственной атомной генерации. Официально это объясняется необходимостью сокращения выбросов парниковых газов и вредных веществ в атмосферу. Так, Министерство энергетики (*Department of Energy*) США в 2023 году объявило, что стране нужно построить к 2050 году 200 ГВт новой атомной генерации стоимостью более 700 млрд долл. [1]. Правда, по мнению ряда экспертов, это недостижимая цель ни в части мощности, ни в части стоимости, которая занижена американским ведомством в разы [1]. В свою очередь, канадской провинции Онтарио, на которую приходится львиная доля атомной генерации Канады, к 2050 году может потребоваться почти 18 ГВт новых мощностей АЭС [25].

В настоящее время и в США, и в Канаде необходимость увеличения мощностей атомной генерации находится в стадии обсуждения. Практическое воплощение этих планов осложняется огромной стоимостью новых блоков и непредвиденными техническими сложностями при реализации проектов. Уже отмечалось, что за последние 30 лет в Канаде не было построено ни одного нового реактора, а

в США ввели в строй только два реактора – третью и четвёртую очереди АЭС «Вогл» (*Vogtle*). Задержка сроков ввода этих блоков достигла семи лет, а стоимость выросла с проектных 14 млрд до более чем 30 млрд долл. [8].

И, наконец, *четвёртый приоритет* – разработка малых модульных реакторов (*small modular reactors, SMRs*) и строительство на их основе менее капиталоёмких по сравнению с традиционными АЭС генерирующих мощностей. В этой перспективной сфере атомной энергетики США и Канада отстают не только от России, но и от Китая [14].

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНО-КАНАДСКОГО АЛЬЯНСА В СФЕРЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Партнёрство США и Канады в сфере атомной энергетики имеет длительную историю. Ещё «в начале 1944 года в соответствии с решениями, принятыми на конференции в Квебеке в августе 1943 года премьер-министром Черчиллем и президентом Рузвельтом, перед Монреальской лабораторией была поставлена задача разработать систему реакторов на тяжёлой воде» в сотрудничестве с американскими и британскими учёными [Bain Alastair S., et al. 1997: 4]. С 1950-х годов дочерняя канадская фирма американской ТНК «Дженерал Электрик» (*General Electric Company*) совместно с государственной атомно-энергетической корпорацией Канады «Атомик Энерджи оф Кэнада» (*Atomic Energy of Canada Limited*) и провинциальной гидроэнергетической компанией «Онтарио Хайдро» (*Ontario Hydro*) участвовала в разработке технологии КАНДУ и строительстве первых таких реакторов [Brooks Gord L. 1993: 2]. Кроме того, Соединённые Штаты – традиционный рынок для канадского уранового сырья. В 2022 году на Канаду приходилось 27% американского импорта урана, в то время как на Казахстан – 25%, Россию – 12%, Узбекистан – 11%, на Австралию – 9% [28].

Интересно, что в середине 2000-х годов основным партнёром США в сфере ядерной энергетики стала Япония. В 2006 году 100% акций главного американского игрока на рынке атомных технологий «Вестингауз Электрик» приобрёл японский концерн *Toshiba Corporation*. Годом позже было образовано совместное предприятие в сфере атомной энергетики между «Дженерал электрик» и японским концерном «Хитачи» (*Hitachi, Limited*). Последний альянс существует до сих пор, а вот судьба отраслевого гиганта «Вестингауз Электрик» под японским контролем оказалась печальной. Вместо ожидаемых прибылей он начал приносить своим новым владельцам убытки и в 2017 году был признан несостоятельным [29].

Банкротство «Вестингауз Электрик» запустило процесс углубления интеграции атомных индустрий США и Канады. В 2018 году атомный бизнес «Вестингауз Электрик» был приобретён консорциумом во главе с канадской инвестиционной фирмой «Брукфилд» (*Brookfield Corporation*) за 4,6 млрд долл. [10]. Первоначально могло показаться, что для канадской стороны это исключительно финансовая

инвестиция. Однако в 2023 году «Брукфилд» продала 49% акций «Вестингауз Электрик» за 2,1 млрд долл. ведущей канадской уранодобывающей ТНК «Камеко» [12]. Таким образом, был сформирован концерн, добывающий и перерабатывающий уран, производящий ядерное топливо и строящий ядерные реакторы. Немаловажно, что новый концерн может полагаться на огромный лоббистский ресурс «материнской» группы «Брукфилд». Это одна из крупнейших глобальных инвестиционных фирм с активами под управлением, оцениваемыми в более чем 900 млрд долл. [9]. Среди прочего она обладает большим опытом инвестиций в инфраструктурные проекты по всему миру, в том числе в сфере так называемой «чистой» энергетики, и располагает широкими связями в правительственные и деловых кругах США, Канады и других стран.

Строительство реакторов КАНДУ и дальнейшее развитие данной технологии так же происходит на базе тесного взаимодействия Канады и США. Как уже отмечалось выше, американский бизнес был вовлечен в этот проект с самого начала. В 2011 году лицензию на технологию КАНДУ приобрела крупнейшая канадская частная инжиниринговая ТНК «Эс-эн-си Лавалэн Груп» (*SNC-Lavalin Group Incorporated*) [20], недавно изменившая своё название на «Эткинс Реализ Груп» (*Atkins Réalis Group Incorporated*) и известная, в том числе, многочисленными коррупционными скандалами, в одном из которых оказался замешан премьер-министр Канады Дж. Трюдо.

По утверждению «Эткинс Реализ», большинство комплектующих для реакторов КАНДУ – до 85% – может быть произведено в Канаде [15]. Топливо для этих реакторов выпускается также в Канаде – из необогащенного урана, добываемого в провинции Саскачеван. При этом важный элемент «экосистемы» КАНДУ и один из основных поставщиков оборудования для реакторов этого типа – американская корпорация «Би-Даблью-Экс Текнолоджиз» (*BWX Technologies, Incorporated*), заметный игрок на рынке атомных технологий, в том числе военного назначения, и крупный государственный подрядчик. «Би-дабл-ю-экс текнолоджиз» пришла в Канаду в 2016 году, выкупив канадское подразделение уже упоминавшегося американо-японского совместного предприятия «Джи-И Хитачи Нуклеар Энерджи» и переименовав его в «Би-Даблью-Экс-Ти Кэнада» [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время атомная промышленность США и Канады переживает период реконфигурации. В значительной мере уже выкристаллизовалась новая институциональная структура американо-канадского альянса на мировом рынке атомных технологий, в основе которой оказались концерн «Камеко» – «Вестингауз Электрик», сформированный под эгидой инвестиционной группы «Брукфилд», и «экосистема» КАНДУ. Кроме того, с помощью государственных бюджетных ассигнований и привлечения частного бизнеса, в том числе из стран-сателлитов, Соединённые Штаты надеются в значительной мере локализовать на своей территории

обогащение урана. Заметное оживление наблюдается и в североамериканской уранодобывающей отрасли. Наконец, как в США, так и в Канаде рассматриваются планы увеличения мощностей собственной атомной генерации.

На внешнем контуре институционализация американо-канадского альянса в сфере атомной энергетики неизбежно ведёт к попыткам США и Канады осуществить передел мировых рынков атомно-энергетических технологий, ядерного топлива и уранового сырья. Вашингтон и Оттава будут настойчиво пробовать изменить баланс на них в свою пользу, воспользовавшись новыми, динамично меняющимися геополитическими реалиями, возможной синергией между ТНК двух стран и интенсификацией сотрудничества крупного американо-канадского капитала с государством на «атомном» направлении.

При этом потеснить российских атомщиков на внешних рынках – один из главных приоритетов США и Канады в сфере ядерной энергетики. Правительства этих двух стран не скрывают своих намерений сократить соответствующие экспортные доходы Российской Федерации и затормозить развитие российской атомной отрасли в целом. Кроме того, возможность «привязать» третьи страны к своей атомной промышленности рассматривается Вашингтоном и Оттавой в качестве важного «актива» в контексте современного геополитического противостояния.

Естественно, речь не идёт о какой-либо честной конкуренции. «Используя своё лидирующее положение в мировой политике и экономике, Соединённые Штаты намерены обеспечить повышение международной конкурентоспособности национальной атомной энергетики политическими методами, включая прямое давление на руководство зависимых от них стран и одновременно прибегая к политике санкций по отношению к России и Китаю», – подчёркивали эксперты Российского института стратегических исследований ещё в 2021 году [Лукьянович Н.В., Прокофьев И.В. 2021: 132]. Действительно, в феврале этого года США заявили о намерении увеличивать санкционное давление на «Росатом» [2]. В целом можно ожидать использования Вашингтоном и Оттавой всех доступных им инструментов явного и скрытого давления и агентурно-коррупционных связей в третьих странах для «перехвата» российских контрактов в сфере ядерной энергетики, срыва уже реализуемых Россией за рубежом атомных проектов и подрыва российских переговорных позиций при обсуждении новых договоров с заинтересованными иностранными сторонами.

ИСТОЧНИКИ

1. Атом американской мечты. *Коммерсантъ*, 05.04.2023. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5914387> (accessed 29.06.2024).
2. В США намерены и далее применять санкции против Росатома. ТАСС, 14.02.2024. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/19989173> (accessed 29.06.2024).
3. Конгресс США одобрил запрет импорта обогащенного урана из России. ТАСС, 01.05.2024. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/20688819> (accessed 29.06.2024).

4. Сенат США одобрил запрет поставок обогащенного урана из России. *Ведомости*, 02.05.2024. Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/05/02/1034985-senat-ssha-odobril-zapret-postavok-obogaschennogo-urana-iz-rossii> (accessed 29.06.2024).

5. Страны G7 намерены снизить зависимость от России в области атомной энергии. ТАСС, 30.04.2024: Available at: <https://tass.ru/ekonomika/20685877> (accessed 29.06.2024).

6. США хотят направить \$2,7 млрд на закупки урана для сокращения зависимости от РФ - проект бюджета. *Интерфакс*, 12.03.2024. Available at: <https://www.interfax.ru/world/949924> (accessed 29.06.2024).

7. Эксперт прокомментировал законопроект США о запрете импорта урана из России. *РИА Новости*, 01.05.2024. Available at: <https://ria.ru/20240501/uran-1943279927.html> (accessed 29.06.2024).

8. A US Nuclear Revival – and Net Zero – Depends on Westinghouse. *Bloomberg*, 03.12.2023. Available at: [https://www.bloomberg.com/opinion/features/2023-12-03/westinghouse-is-key-to-a-us-nuclear-revival-and-netzero-climate-goals](https://www.bloomberg.com/opinion/features/2023-12-03/westinghouse-is-key-to-a-us-nuclear-revival-and-net-zero-climate-goals) (accessed 29.06.2024).

9. Brookfield Corporation. 2023 Annual Report. Available at: https://www.brookfield.com/sites/default/files/2024-03/2023_BN_Annual_Report_0.pdf (accessed 29.06.2024).

10. Brookfield to Acquire Westinghouse Electric Company. Westinghouse Electric Company, 04.01.2018. Available at: <https://info.westinghousenuclear.com/news/BROOKFIELD-TO-ACQUIRE-WESTINGHOUSE-ELECTRIC-COMPANY> (accessed 29.06.2024).

11. BWX Technologies, Inc. History. Available at: <https://www.bwxt.com/about/history> (accessed 29.06.2024).

12. Cameco and Brookfield Complete Acquisition of Westinghouse Electric Company. Cameco Corporation, 07.11.2023. Available at: <https://www.cameco.com/media/news/cameco-and-brookfield-complete-acquisition-of-westinghouse-electric-company> (accessed 29.06.2024).

13. Cameco Corp. 2023 Annual Report. Available at: <https://www.cameco.com/sites/default/files/documents/cameco-2023-annual-report.pdf> (accessed 29.06.2024).

14. Can Small Nuclear Reactors Help Solve Climate Change? *Bloomberg*, 30.01.2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-01-30/can-small-nuclear-reactors-help-solve-climate-change> (accessed 29.06.2024).

15. Canada must turn to the next generation of Canadian technology – the CANDU MONARK – to power its future. *The Globe & Mail*, 01.03.2024. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/business/adv/article-canada-must-turn-to-the-next-generation-of-canadian-technology-the/> (accessed 29.06.2024).

16. Enerdata. L'approvisionnement en enrichissement de l'uranium. Available at: <https://www.enerdata.fr/publications/executive-briefing/uranium-enrichment.html> (accessed 29.06.2024).
17. Government of Canada. Canadian Nuclear Safety Commission. Nuclear facilities in Canada. Available at: <https://www.cnsccsn.gc.ca/eng/resources/nuclear-facilities/> (accessed 29.06.2024).
18. Government of Canada. Canadian Nuclear Safety Commission. Uranium Processing and Fuel Fabrication. Available at: <https://www.cnsccsn.gc.ca/eng/uranium/processing/> (accessed 29.06.2024).
19. Government of Canada. Canadian Nuclear Safety Commission. Uranium Processing and Fuel Fabrication. Nuclear Facilities: Uranium Processing and Fuel Fabrication. Nuclear facility – Port Hope Conversion Facility. Available at: <https://www.cnsccsn.gc.ca/eng/uranium/processing/nuclear-facilities/port-hope-uranium-conversion/> (accessed 29.06.2024).
20. Government of Canada. Government of Canada and SNC-Lavalin Group, 29.06.2011. Available at: <https://www.canada.ca/en/news/archive/2011/06/government-canada-snc-lavalin-group.html> (accessed 29.06.2024).
21. Government of Canada. Uranium and nuclear power facts. Available at: <https://natural-resources.canada.ca/our-natural-resources/minerals-mining/mining-data-statistics-and-analysis/minerals-metals-facts/uranium-and-nuclear-power-facts/20070> (accessed 29.06.2024).
22. International Atomic Energy Agency. Power Reactor Information System. Country Statistics. Canada. Available at: <https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/CountryDetails.aspx?current=CA> (accessed 29.06.2024).
23. International Atomic Energy Agency. Power Reactor Information System. Country Statistics. United States of America. Available at: <https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/CountryDetails.aspx?current=US> (accessed 29.06.2024).
24. International Atomic Energy Agency. Power Reactor Information System. The Database on Nuclear Power Reactors. Available at: <https://pris.iaea.org/PRIS/home.aspx> (accessed 29.06.2024).
25. Nuclear life extensions steer Ontario towards zero carbon future. *Reuters*, 22.02.2024. Available at: <https://www.reuters.com/business/energy/nuclear-life-extensions-steer-ontario-towards-zero-carbon-future-2024-02-22/> (accessed 29.06.2024).
26. Sprott. Sprott Physical Uranium Trust. Available at: <https://sprott.com/investment-strategies/physical-commodity-funds/uranium/> (accessed 29.06.2024).
27. Trading Economics. Uranium. Available at: <https://tradingeconomics.com/commodity/uranium> (accessed on 29.06.2024).
28. U.S. Energy Information Administration. Nuclear Explained. Where our uranium comes from. Available at: <https://www.eia.gov/energyexplained/nuclear/where-our-uranium-comes-from.php> (accessed 29.06.2024).

29. Westinghouse emerges from Chapter 11. *World Nuclear News*, 02.08.2018. Available at: <https://world-nuclear-news.org/Articles/Westinghouse-sale-to-Brookfield-completed> (accessed 29.06.2024).

30. World Nuclear Association. Nuclear Fuel and its Fabrication. Available at: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/conversion-enrichment-and-fabrication/fuel-fabrication> (accessed 29.06.2024).

31. World Nuclear Association. Nuclear Fuel Cycle. Supply of Uranium. Available at: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/uranium-resources/supply-of-uranium> (accessed 29.06.2024).

32. World Nuclear Association. Nuclear Fuel Cycle. Uranium Enrichment. Available at: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/conversion-enrichment-and-fabrication/uranium-enrichment> (accessed 29.06.2024).

33. World Nuclear Association. Nuclear Fuel Cycle. World Uranium Mining Production. Available at: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production> (accessed 29.06.2024).

34. World Nuclear Association. US Nuclear Fuel Cycle. Available at: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-t-z/usa-nuclear-fuel-cycle> (accessed 29.06.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бунина А.А. Соперничество и сотрудничество России и США в атомной энергетике. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021. № 51 (9). С. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300016434-7>.

Лукьянович Н.В., Прокофьев И.В. Актуальные проблемы и перспективы развития атомной энергетики США. *Проблемы национальной стратегии*. 2021. № 6 (69). С. 115–134. DOI: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_6_115.

Пацала С.В., Горошко Н.В. Географическая структура мирового рынка атомной электроэнергии: потребление, мощности, генерация. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2022. № 2 (66). С. 20–27. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2022_2_20.

REFERENCES

Bain, A., et al. Canada Enters the Nuclear Age: A Technical History of Atomic Energy of Canada Limited as Seen from Its Research Laboratories. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1997. 448 PP.

Brooks, G. A Short History of the CANDU Nuclear Power System. Paper prepared for the Ontario Hydro Demand/Supply Plan Hearing. *Government of Canada Publication*, 1993 January. Available at: https://publications.gc.ca/collections/collection_2011/eacl-aecl/CC1-3-2011-eng.pdf (accessed 29.06.2024).

Bunina, A.A. Sopernichestvo i sotrudnichestvo Rossii i SShA v atomnoi energetike [US-Russia Rivalry and Cooperation in the Nuclear Energy Industry] (In Russ.). *USA &*

Canada: Economics, Politics, Culture. 2021. № 51 (9). PP. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300016434-7>.

Luckjanovich, N.V., Prokofiev, I.V. Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiia atomnoi energetiki SShA Current Issues and Prospects for the U.S. Nuclear Energy Development. *National Strategy Issues.* 2021. № 6 (69). PP. 115–134. DOI: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_6_115.

Patsala, S.V., Goroshkov, N.V. Geographical Structure of the World Nuclear Market Electricity: Consumption, Power, Generation. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences.* 2022. № 2 (66). PP. 20–27. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2022_2_20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХОРОШИЛОВ Евгений Евгеньевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Evgeny Ev. KHOROSHILOV, Candidate of Sciences (Economics), Leading researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.06.2024 / Received 30.06.2024

Поступила после рецензирования 15.07.2024 / Revised 15.07.2024.

Статья принята к публикации 17.07.2024 / Accepted 17.07.2024.

УДК 355.45; 551.583

DOI: 10.31857/S2686673024120064

EDN: WOCZZQ

Проблема изменения климата и опыт военного планирования в США

Н.В. Степанова

Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Scopus Author ID: 57211409957 РИНЦ ID: 767996

ORCID: 0000-0001-9594-4431 e-mail: n.stepanova@iskran.ru

Резюме. В статье рассматривается эволюция подходов военного планирования США в контексте климатических угроз, оказывающих влияние как на национальную, так и международную безопасность. Автор анализирует эволюцию восприятия климатических явлений как рисков, начиная с политики администрации Барака Обамы до администрации Джозефа Байдена. В документе отмечается, что изменение климата рассматривается не только как прямая угроза военным объектам, но и как фактор, способный усугубить социальную и политическую напряжённость, вызвать миграционные кризисы и региональные конфликты. Одним из ключевых моментов является интеграция климатических рисков в стратегическое планирование Министерства обороны США, что находит отражение в ряде директив и стратегий, таких как План адаптации к климату и Анализ климатических рисков. Особое внимание уделяется разработке геопространственного инструмента DCAT (*DoD Climate Assessment Tool*), который позволяет оценивать уязвимость военных объектов перед климатическими изменениями. В статье также рассматриваются законодательные инициативы Конгресса США, направленные на поддержку усилий Министерства обороны по смягчению последствий изменения климата и повышению устойчивости военной инфраструктуры. Приводятся примеры конкретных мер, направленных на снижение выбросов парниковых газов, развитие чистой энергетики и повышение энергоэффективности. Отдельное внимание уделено Арктической стратегии США, где изменение климата рассматривается как ключевой фактор, влияющий на безопасность в регионе. В документах неоднократно подчёркивается важность межведомственного сотрудничества и стратегического планирования в условиях изменяющегося климата в целях минимизации рисков для военной готовности и национальных интересов США.

Ключевые слова: США, стратегия национальной безопасности, изменение климата, секьюритизация, угроза, военное планирование, уязвимость, боеготовность.

Для цитирования: Степанова Н.В. Проблема изменения климата и опыт военного планирования в США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(12): 74–87. DOI: 10.31857/S2686673024120064

EDN: WOCZZQ

Climate Change and Military Planning in the United States

Nataliya V. Stepanova

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57211409957 РИНЦ ID: 767996

ORCID: 0000-0001-9594-4431 e-mail: n.stepanova@iskran.ru

Abstract. The article examines changes in U.S. military planning approaches in the context of climate threats, focusing on the impact of climate change on national and international security. The author analyzes the evolution of the perception of climate phenomena as a risk, starting with the policies of the Barack Obama administration and including the current measures of the Joe Biden administration. The paper notes that climate change is seen not only as a direct threat to military installations, but also as a factor that can exacerbate social and political tensions, cause migration crises and regional conflicts. One of the key points is the integration of climate risks into the strategic planning of the U.S. Department of Defense, which is reflected in a number of directives and strategies, such as the Climate Adaptation Plan and the Climate Risk Analysis. Particular attention is given to the development of the DCAT geospatial tool that assesses the vulnerability of military installations to climate change. The article also examines legislative initiatives in the U.S. Congress to support DOD's efforts to mitigate climate change and increase the resilience of military infrastructure. Examples of specific measures aimed at reducing greenhouse gas emissions, developing clean energy, and improving energy efficiency are provided. Special attention is paid to the U.S. Arctic Strategy, which recognizes climate change as a key driver affecting the strategic environment in the region. Strategic documents repeatedly emphasize the importance of interagency cooperation and strategic planning in a changing climate to minimize risks to U.S. military readiness and national interests.

Keywords: USA, national security strategy, climate change, securitization, threat, military planning, vulnerability, military readiness.

For citation: Stepanova, N.V. Climate Change and Military Planning in the United States. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2024; 54 (12): 74–87.

DOI: 10.31857/S2686673024120064

EDN: WOCZZQ

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день среди экспертов в сфере национальной безопасности США сложился консенсус относительно того, что изменение климата представляет собой серьёзную проблему, а также может выступать в роли мультиплексора угроз (термин введён бывшим заместителем министра обороны по экологической безопасности Шерри Гудман). По мнению администрации Дж. Байдена, проблема изменения климата является экзистенциальной угрозой национальной безопасности Соединённых Штатов. Эта позиция отражена во множестве официальных документов и неоднократно озвучивалась президентом США в публичных выступлениях [1]. В своём выступлении на Саммите лидеров по вопросам климата в апреле 2021 года министр обороны Ллойд Остин подчеркнул, что ни одна страна не может обеспечить долгосрочную безопасность, не обращаясь к проблеме изменения климата [2]. Этапы эволюции климатического дискурса рассматриваются во многих трудах зарубежных учёных, а также в ряде публикаций

российских исследователей [Маслова Е.А., 2022; Арбатова Н.К., 2022; Ровинская Т.Л., 2018]. Данное исследование ставит перед собой задачу выявить особенности интеграции проблемы изменения климата в военное планирование США.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИОРИТИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

В Стратегии национальной безопасности 2015 года, выпущенной в годы второй администрации Б. Обамы, полномасштабно обозначился процесс закрепления изменения климата в качестве проблемы национальной и международной безопасности и его трансформации в угрозу, то есть секьюритизация. Впервые изменение климата упоминается среди восьми стратегических рисков для национальных интересов США наряду с непосредственной атакой на территорию страны или её критическую инфраструктуру и распространением оружия массового уничтожения.

В годы президентства Д. Трампа проблема изменения климата практически канула в Лету: многие проекты и инициативы предшествующей администрации были приостановлены либо вовсе упразднены*. Во многом это связано с тем, что политическая база избирателей Республиканской партии видит идеологическое противоречие между тратой ресурсов на борьбу с изменением климата и экономическим развитием США, а также обеспечением энергетической безопасности государства [Scotti, 2020: 27]. Примечательно, что подобная дихотомия присуща и Министерству обороны (МО) США: с одной стороны, ведомство является крупнейшим институциональным потребителем энергии и источником выбросов парниковых газов, с другой – военное сообщество на протяжении последних десятилетий активно продвигает научные исследования в области глобального потепления и интеграцию климатической повестки в оперативное планирование [Brzoska, 2015: 176].

С приходом к власти демократической администрации Дж. Байдена началась кропотливая работа не только по адаптации деятельности Министерства обороны к климатическим изменениям, но и к включению данного вопроса в процесс принятия решений и стратегическое планирование. Комплексное восприятие климата как мультипликатора угроз просматривается в Стратегии национальной безопасности 2022 года. Климатические изменения могут оказать непосредственное влияние на энергетическую и продовольственную безопасность, миграционные кризисы, региональные конфликты, стратегическое противостояние с Китаем, инфраструктурные проекты и другие аспекты [4]. Национальная оборонная стратегия 2022 года указывает на трансграничный характер вызовов

* Наиболее болезненным, с точки зрения глобальных усилий в деле продвижения климатической повестки, стало решение Д. Трампа о выходе США из Парижского соглашения, которое, однако, было отменено Дж. Байденом в день собственной инаугурации.

со стороны изменения климата [5: III]. Создавая новые направления стратегического взаимодействия, особенно в Арктическом регионе, оно увеличивает требования к американским вооружённым силам по реагированию на стихийные бедствия, поддержке гражданских властей, оказывает влияние на взаимоотношения с союзниками и партнёрами [5: 6].

В связи с этим одним из приоритетов министерства заявлено наращивание устойчивых вооружённых сил и оборонной экосистемы в целом. Работа министерства должна быть направлена не только на противодействие климатическим явлениям и быстрое восстановление после них, но и на изучение их возможного воздействия на боеготовность и включение этих факторов в оценку угроз. Министерство намерено снизить потребление энергии и внедрять технологии чистой энергетики. В одном из заключительных разделов документа говорится о рисках, связанных с возможными просчётомами развития обстановки в сфере безопасности, которые могут выразиться в подрыве оперативных возможностей и боеготовности вооружённых сил США из-за последствий изменения климата.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА

Конгресс США играет ключевую роль в осуществлении мониторинга и оказании законодательной и финансовой поддержки действиям Министерства обороны США в отношении изменения климата. В частности, Конгресс контролирует выполнение Министерством обороны упомянутых выше планов по адаптации к изменениям климата. Законодатели также могут проводить оценки климатических рисков для безопасности, боеготовности и инфраструктуры вооружённых сил США.

Как уже было сказано, при администрации Д. Трампа политика по борьбе с изменением климата была направлена на откат назад предыдущих проектов. Однако это практически не затронуло законодательные инициативы в сфере военного планирования, что является одним из подтверждений конфликта двух ветвей власти в то время. К примеру, в законе «Об ассигнованиях на национальную оборону» на 2018 фин. год отмечалось, что изменение климата представляет прямую угрозу национальной безопасности США и уже оказывает влияние на стабильность в тех районах, где действуют американские вооружённые силы, а также на перспективы будущих конфликтов. Отмечалась важность учёта изменений климата при планировании и оценке угроз, ресурсов и готовности вооружённых сил. В связи с этим утверждалось, что военные объекты, подведомственные Министерству обороны, должны быть готовы к смягчению последствий ущерба от климатических изменений [6: 1358]. Также говорилось о том, что «повышение уровня моря на три фута будет угрожать деятельности более чем 128 военных объектов США, и возможно, что многие из этих баз могут быть затоплены в бли-

жайшие годы» [6: 1358]. В разделе 335 закона указывается, что Министерство обороны США должно представить отчёт о воздействии изменений климата на свои объекты. Конгресс потребовал от министерства определить 10 наиболее уязвимых к климатическим изменениям объектов для каждого вида вооружённых сил (сухопутные войска, военно-воздушные силы, военно-морской флот, морская пехота). Отчёт должен был включать такие факторы, как воздействие на инфраструктуру, угрозы затопления и разрушения, вызванные повышением уровня моря, экстремальными погодными условиями и другими факторами, связанными с климатом [6: 1359].

Согласно закону «Об ассигнованиях на национальную оборону» на 2019 фин. год, военное строительство должно было учитывать прогнозы изменений окружающей среды (включая изменения климата, хотя напрямую этот термин не упоминается), предоставленные такими учреждениями, как Национальная академия наук и Национальная служба по изучению глобальных изменений. Эти данные должны быть использованы при проектировании новых объектов и модификации существующих [7: 628]. В законе также вводилось определение «устойчивость военной инфраструктуры» (*military installation resilience*), под которой понималась способность военных объектов адаптироваться к экстремальным погодным условиям или к изменениям окружающей среды, которые могут оказать негативное воздействие на военные объекты или важные ресурсы [7:628].

В свою очередь, в редакции закона на 2020 фин. год предусматривалось создание Совета по климатической безопасности при Управлении директора национальной разведки. Совет был создан для того, чтобы помочь аналитикам разведданных в изучении вопросов, связанных с климатической безопасностью и её влиянием на национальную безопасность. Совет также должен способствовать координации между разведывательными сообществами и федеральными ведомствами для анализа вопросов изменения климата и климатической безопасности [8: 2126]. Кроме того, министр обороны обязывался проводить консультации с различными федеральными ведомствами для определения уязвимости тех или иных военных объектов к экстремальным погодным условиям с целью разработки инструментов для оценки рисков и внедрения планов адаптации [8: 1310–1311].

Закон «Об ассигнованиях на национальную оборону» на 2022 фин. год примечателен тем, что в нём содержатся сразу несколько конкретных мер, направленных на снижение уязвимости к последствиям изменения климата, – этой цели посвящён целый раздел документа. Во-первых, речь идёт об Инициативе по устойчивости инфраструктуры к изменениям климата (*Climate Resilience Infrastructure Initiative, CRII*), в рамках которой Министерству обороны поручалось разработать планы по обеспечению устойчивости инфраструктуры, которые позволят обезопасить военные объекты от воздействия экстремальных погодных условий. Это включает в себя подготовку к быстрому восстановлению и модернизации существующей инфраструктуры на случай стихийных бедствий, таких как

наводнения, ураганы и лесные пожары [9: 1637–1638]. Кроме того, была предложена пилотная программа по отслеживанию выбросов на военных объектах в режиме реального времени, направленная на повышение их энергоэффективности. Министерство обороны обязывалось представить план по сокращению выбросов парниковых газов и ежегодно информировать Конгресс о достигнутых результатах в этой области [9: 1636].

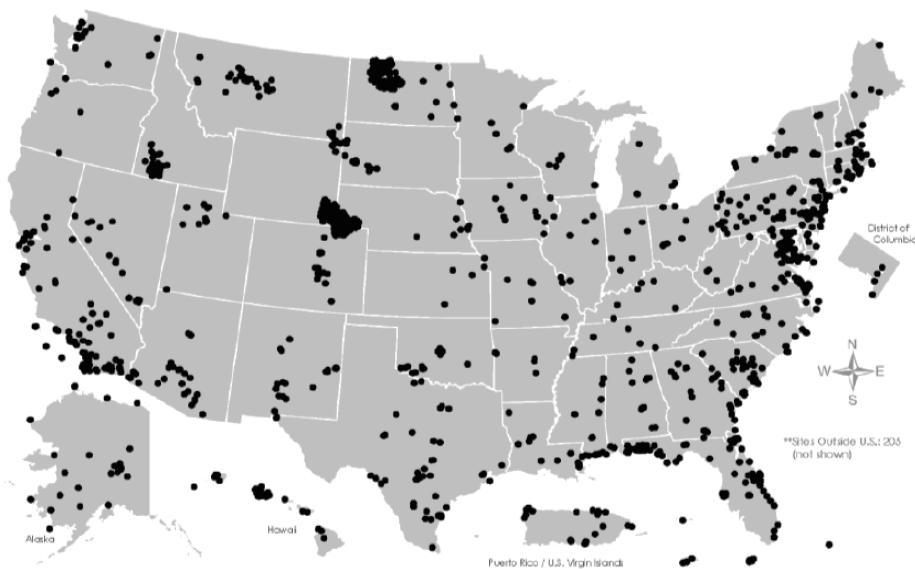
В целом можно сказать, что в законах об оборонных ассигнованиях, принятых Конгрессом США при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена, прослеживается несколько сквозных тем, касающихся изменения климата. В них подчёркивается важность улучшения энергетической устойчивости и эффективности для военных баз и объектов. В некоторых из них предусмотрены специальные программы по улучшению энергетической безопасности и снижению зависимости от ископаемого топлива для обеспечения надёжности проведения военных операций. В соответствии с этим поднимается вопрос воздействия этой угрозы на возможности ведения военных операций, включая подготовку и оснащение вооружённых сил в условиях изменяющегося климата и при экстремальных погодных условиях. В некоторых законах упоминаются усилия по восстановлению окружающей среды и минимизации вредного воздействия на неё деятельности, связанной с обеспечением национальной безопасности. Также подчёркивается важность разработки и внедрения новых технологий для снижения экологических последствий, таких как использование возобновляемых источников энергии и развитие систем управления. Разница, по сути, заключается в том, на какие именно аспекты решения проблемы делается упор: на внедрении новых технологий, восстановлении окружающей среды и снижении загрязнения или мониторинге вредных выбросов. Министерство обороны обязывается приложить усилия к планированию мер по защите военных объектов и информированию Конгресса о достигнутых результатах.

Можно отметить, что в более ранних документах значительное внимание уделяется устранению существующих проблем загрязнения окружающей среды и внедрению стандартов обеспечения энергетической безопасности и снижения зависимости от традиционных видов топлива. В дальнейшем наблюдается более системный подход, предусмотрены конкретные программы, направленные на повышение климатической устойчивости и энергоэффективности. Это свидетельствует о том, что проблема влияния климатических изменений практически закрепилась как в военном планировании, так и в общей стратегии обеспечения национальной безопасности США, причём как в рамках деятельности исполнительной ветви власти, так и на законодательном уровне. Более того, представляется очевидным, что по рассматриваемому вопросу легислатура оказалась гораздо в меньшей степени подвержена политическим флюктуациям, целенаправленно интегрируя климатическую повестку в оперативное планирование и военное строительство.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ КЛИМАТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ВОЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Политический истеблишмент США представляет собой сложную и многоуровневую систему, в которой не всегда можно проследить причинно-следственные связи того или иного процесса или инициативы. Тем не менее очевидно, что проблема изменения климата уже интегрировалась и продолжает интегрироваться в работу Министерства обороны в силу ряда обстоятельств, связанных с постепенной эволюцией восприятия возможных последствий климатических явлений для обеспечения национальной безопасности. Наглядным подтверждением служит карта США, на которой обозначены уязвимые с точки зрения климатических явлений военные объекты (рис. 1).

Рисунок 1. Инфраструктурные объекты Министерства обороны США, оказавшиеся под воздействием того или иного климатического явления (наводнения, засухи, ветров, лесных пожаров, экстремальных температур)

Department of Defense Climate-Related Risk to DoD Infrastructure Initial Vulnerability Assessment Survey (SLVAS) Report. January 2018 // [https://www.acq.osd.mil/eie/Downloads/Congress/Climate-Related%20Risk%20to%20DoD%20Infrastructure%20\(SLVAS\)%20Report.pdf](https://www.acq.osd.mil/eie/Downloads/Congress/Climate-Related%20Risk%20to%20DoD%20Infrastructure%20(SLVAS)%20Report.pdf)

Ещё в октябре 2011 года рабочей группой при Научном совете Министерства обороны США был подготовлен доклад о тенденциях и последствиях изменения климата для национальной и международной безопасности, в котором указывалось на важную роль военного ведомства в борьбе с указанной проблемой. Для решения внутренних задач необходимо было оценить, каким образом изменение климата может повлиять на боеготовность американских вооружённых сил при воздействии на:

1. военные объекты и оборудование на территории США и за её пределами;
2. тренировки, учения и развертывание;
3. здоровье и безопасность персонала;
4. частоту, локацию и тип военных операций [10: XV].

Также говорится о необходимости подготовки министерства к поддержанию инициатив по вопросам изменения климата на уровне всего американского правительства, то есть закрепляется общегосударственный (*whole-of-government*) подход к этой проблеме. За прошедшие десять лет ведомством был подготовлен ряд директив, которые явились как результатом внутренней работы, так и ответом на внешние запросы, в том числе со стороны Белого дома и Конгресса США.

Директива Министерства обороны 4715.21 об адаптации и устойчивости к изменению климата (*Climate Change Adaptation and Resilience*), вступившая в силу в январе 2016 года, была подготовлена в соответствии с исполнительным указом 13653 за подписью Б. Обамы. Документ был полностью посвящён распределению министерских функций и задач, связанных с вопросами изменения климата. К примеру, в ведении заместителя министра обороны США по закупкам и материально-техническому обеспечению оказалось учреждение советательных органов и рабочих групп по включению климатической повестки в программы и планы министерства. Помощнику министра обороны по энергетике, объектам и окружающей среде вверялись вопросы учёта адаптации и устойчивости к климатическим изменениям в процессе планирования строительства военных объектов и базирования, включая воздействие на искусственную и природную инфраструктуру.

В качестве установочных документов МО уже с приходом к власти Дж. Байдена выступили План адаптации к климату (*Climate Adaptation Plan*), а также Анализ климатических рисков (*DOD's Climate Risk Analysis*), опубликованные в сентябре и октябре 2021 года соответственно.

В первом утверждается, что изменение климата представляет собой серьёзную угрозу национальной безопасности, которая влияет на военные операции, инфраструктуру и здоровье военнослужащих. Документ описывает стратегию адаптации, которая включает в себя уже знакомые приоритеты: интеграцию климатических рисков в процесс принятия решений, а также строительство устойчивых к климатическим явлениям военных объектов. Отдельно говорится о необходимости обеспечения устойчивости производственных цепочек. Здесь прослеживается связь с энергетическим фактором, который имеет существенное значение ввиду того, что, как упоминалось ранее, Министерство обороны является крупнейшим потребителем энергии в США, а выполнение многих задач, особенно вне Североамериканского континента, напрямую зависит от грамотного и своевременного снабжения.

В марте 2011 года тогдашний командующий Центральным командованием вооружённых сил США генерал Джеймс Мэттис (министр обороны США в 2017–2019 годах) на слушаниях в комитете Палаты представителей по вооружённым силам в ходе обсуждения закона «Об ассигнованиях на национальную оборону» на

2012 фин. год заявил: «Что касается топлива, то для нас это существенная ахиллесова пята, когда приходится перевозить такое количество топлива по полю боя для генераторов и транспортных средств. <...> Обслуживание топливопроводов – это удивительно сложная задача. И это также даёт врагу возможность выбирать время и место для нападения на нас» [Crawford, 2022: 215]. Таким образом, климатические явления могут стать тем самым мультиликатором угроз, который негативным образом влияет на способность вооружённых сил выполнять боевые задачи.

Что касается Анализа климатических рисков, то в нём выделялось несколько уровней последствий климатических изменений для безопасности. При непосредственном воздействии (*primary impact*) явление могло причинить концентрированный ущерб (затопленные объекты критической инфраструктуры при наводнении, перебои с водоснабжением при засухе). Однако при планировании необходимо учитывать и косвенное воздействие (*secondary impact*). В указанных примерах условные проблемы с водоснабжением могут привести к сокращению сельскохозяйственного производства, что, в свою очередь, может стать предпосылкой к росту социальной и политической напряжённости, увеличению миграционных потоков, региональным конфликтам [11: 8].

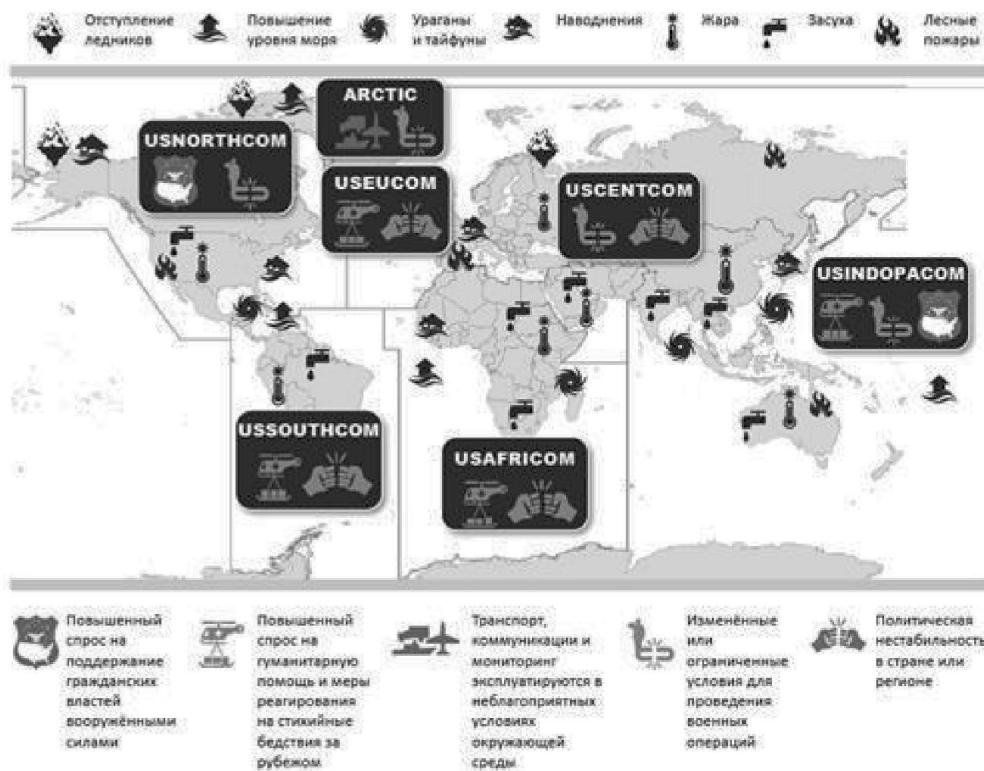
В документе представлены основные угрозы климатического характера, а также их потенциальное воздействие на задачи Министерства обороны по всему миру с привязкой к соответствующим зонам ответственности региональных командований Вооружённых сил США (рис. 2).

В сентябре 2024 года вышел обновлённый План адаптации к климату. Документ, подписанный министром обороны США Ллойдом Остином, рассчитан на период с 2024 по 2027 год. В нём представлен подробный отчёт по тем же пяти приоритетным направлениям деятельности (*lines of effort*), заложенным в документах 2021 года. В новом плане делается больший акцент на смягчении последствий выбросов парниковых газов (включая их сокращение), развитии чистой энергетики и повышении энергоэффективности за счёт инновационных технологий. Важным нововведением стало заключённое в январе 2024 года официальное соглашение между Министерством обороны и Федеральным агентством по чрезвычайным ситуациям (FEMA) при Министерстве внутренней безопасности США [12: 7]. Оно касается совместного финансирования и картирования вероятных районов наводнений на о. Гуам и Северных Марианских островах. Географическое расположение этих американских территорий создаёт риски причинения значительного ущерба местным инфраструктурным объектам, в первую очередь военным, что приводит к усилению межведомственного сотрудничества в целях обеспечения американских интересов в Индо-Тихоокеанском регионе.

Глобальный охват деятельности оборонного ведомства позволил создать уникальный геопространственный инструмент для оценки воздействия изменения климата на объекты министерства как на территории страны, так и за рубежом. Инструмент, получивший название DCAT (*DoD Climate Assessment Tool*), использует данные о прошлых экстремальных климатических явлениях, предлагая

оценку уязвимости объекта исходя из возможного уровня воздействия на него и чувствительности к такому воздействию. Подобная оценка, к которой имеется доступ практически у любого военного, крайне полезна для долгосрочного планирования и принятия обоснованных решений. DCAT был разработан ещё в 2019 году Инженерным корпусом сухопутных войск США, однако получил широкий охват, будучи доработанным на уровне всего ведомства. Эксперты отмечают, что в дальнейшем этот инструмент может быть использован не только для прогнозирования рисков на определённых объектах, но и для определения конкретных характеристик боеготовности вооружённых сил, которые могут быть наиболее подвержены указанным угрозам [Best et al, 2023: 58].

Рисунок 2. Региональные угрозы климатического характера и воздействие на обеспечение безопасности в разных регионах мира

Department of Defense Climate Risk Analysis, October 2021. P. 10.

Важно подчеркнуть, что, помимо общих документов планирования в сфере изменения климата и его влияния на деятельность Министерства обороны, разрабатываются документы специализированного направления. Подобные стратегии имеются у трёх видов американских вооружённых сил. Сухопутные войска США представили план по адаптации к климатическим угрозам, включая переход на полностью электрические транспортные средства, ВМС и Корпус морской

пехоты выпустили программу *Climate Action 2030*, а BBC США – собственный план действий в условиях изменения климата.

Сухопутные войска в своей стратегии, в частности, поставили перед собой две амбициозные цели: к 2030 году сократить выбросы парниковых газов на 50% по сравнению с уровнем 2005 года [13: 6] и достичь углеродной нейтральности к 2050 году [13: 10]. Военно-воздушные силы США определили для себя три направления действий на фоне изменения климата: сохранение доминирования в воздухе и космосе в условиях климатических рисков, принятие решений с учётом факторов климата, оптимизация использования энергии и поиск альтернативных источников энергии [14: 4]. Схожие цели ставят перед собой и военно-морские силы: к 2030 году сократить общие выбросы парниковых газов на 65% по сравнению с уровнями 2008 года [15: 13], обеспечить стопроцентное использование электроэнергии, свободной от углеродных выбросов, причём половина этой энергии должна поступать от экологически чистых местных источников, к 2035 году закупать только электрические тактические транспортные средства [15: 19]. В качестве примера успешного с точки зрения стратегии проекта приводится военно-воздушная база морской пехоты Мирамар (*Miramar*), где установлены микросети, работающие на солнечной энергии и биогазе, обеспечивая непрерывную работу в случае перебоев в основной электрической сети [15: 23].

Во всех документах подчёркивается, что изменение климата представляет собой серьёзную угрозу для национальной и глобальной безопасности. Все рассмотренные стратегии акцентируют внимание на необходимости подготовки военнослужащих и гражданских специалистов к работе в условиях изменяющегося климата.

Важной вехой в доктрине, продвигаемой Министерством обороны, стала обновлённая Арктическая стратегия. Тема климата здесь является ключевой и выступает драйвером нового стратегического подхода к обеспечению американских интересов национальной безопасности в Арктическом регионе. «Арктика может пережить первое лето без льдов уже к 2030 году, и потеря льдов приведёт к оживлению арктических морских путей и повышению доступности подводных ресурсов. Увеличение человеческой активности, в свою очередь, повысит риски случайностей, просчётов и ухудшения экологической ситуации» [16]. Таким образом, США внедряют в военное планирование и региональные аспекты климатического воздействия на приоритеты обеспечения собственной национальной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Логика трансформации системы международных отношений вывела на первый план нетрадиционные, трансграничные угрозы и вызовы как международной, так и национальной безопасности. Проблема изменения климата прочно закрепилась в американской стратегии, получив статус «риска» и даже «угрозы».

Министерство обороны, будучи основным ведомством, осуществляющим военное планирование в стране, инициировало целый ряд направлений деятельности, основной задачей которой является обеспечение высокого уровня боеготовности вооружённых сил США с учётом возможного климатического воздействия. Одним из основных драйверов развития и концептуализации климатической повестки является пребывание у власти Демократической партии. При этом важную роль играют и законодательные инициативы, в значительной степени отражённые в оборонном бюджете. Оборонное ведомство осуществляет непосредственную выработку планов по адаптации к климатическим изменениям. Даные планы уже претерпели определённую эволюцию и включают в себя стройную систему с комплексной технической составляющей. Представляется, что в долгосрочной перспективе произойдёт конвергенция приоритетов климатической повестки и энергетической безопасности, риски которой во многом увязываются с экстремальными природными явлениями.

В этой связи примечательными будут результаты выборов 2024 года, которые могут существенным образом повлиять на дальнейшую интеграцию климатической повестки в случае возвращения Д. Трампа в Белый дом.

Изучение американского опыта военного планирования с учётом воздействия климатических факторов имеет большое значение для реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в первую очередь обеспечения собственных интересов в Арктическом регионе.

ИСТОЧНИКИ

1. Statement from President Joe Biden on Agreement Reached at COP28. December 13, 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/12/13/statement-from-president-joe-biden-on-agreement-reached-at-cop28/> (accessed 16.09.2024).
2. Defense Secretary Calls Climate Change an Existential Threat. April 22, 2021. Available at: <https://www.defense.gov/news/news-stories/article/article/2582051/defense-secretary-calls-climate-change-an-existential-threat/> (accessed 17.09.2024).
3. National Security Strategy. The White House, February 2015. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed 16.09.2024).
4. National Security Strategy. The White House, October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 17.09.2024).
5. 2022 National Defense Strategy of the United States of America. *Department of Defense*. P. 6. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed 14.09.2024).
6. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018. Available at: <https://www.congress.gov/115/crp/404/CRPT-115hrpt404.pdf> (accessed 21.09.2024).

7. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. Available at: <https://www.congress.gov/115/bills/hr5515/BILLS-115hr5515enr.pdf> (accessed 20.09.2024).

8. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. Available at: <https://www.congress.gov/116/plaws/plbl92/PLAW-116publ92.pdf> (accessed 20.09.2024).

9. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2022. Available at: <https://www.congress.gov/117/plaws/publ81/PLAW-117publ81.pdf> (accessed 20.09.2024).

10. Defense Science Board, Report of the Defense Science Board Task Force on Trends and Implications of Climate Change for National and International Security, Office of the Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics, U.S. Department of Defense, October 2011. Available at: <https://irp.fas.org/agency/dod/dsb/climate.pdf> (accessed 10.09.2024).

11. Department of Defense Climate Risk Analysis, October 2021. Available at: <https://media.defense.gov/2021/oct/21/2002877353/-1/-1/0/dod-climate-risk-analysis-final.pdf> (accessed 10.09.2024).

12. Department of Defense 2024-2027 Climate Adaptation Plan, September 2024. Available at: <https://www.sustainability.gov/pdfs/dod-2024-cap.pdf> (accessed 10.09.2024).

13. United States Army Climate Strategy. Department of the Army, Office of the Assistant Secretary of the Army for Installations, Energy and Environment. February 2022. Available at: https://www.army.mil/e2/downloads/rv7/about/2022_army_climate_strategy.pdf (accessed 10.09.2024).

14. Department of the Air Force Climate Action Plan. Department of the Air Force, Office of the Assistant Secretary for Energy, Installations, and Environment. October 2022. Available at: https://www.safie.hq.af.mil/Portals/78/documents/Climate/DAF%20Climate%20Action%20Plan.pdf?ver=YcQAZsGM_Xom3DkNP_fL3g%3d%3d (accessed 10.09.2024).

15. Department of the Navy Climate Action 2030. Department of the Navy, Office of the Assistant Secretary of the Navy for Energy, Installations, and Environment. May 2022. Available at: <https://www.navy.mil/Portals/1/Documents/Department%20of%20the%20Navy%20Climate%20Action%202030%2020220531.pdf> (accessed 10.09.2024).

16. Пентагон обнародовал обновленную стратегию США по Арктике. РИА Новости, 22.07.2024. Available at: <https://ria.ru/20240722/pentagon-1961336278.html> (accessed 15.09.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маслова Е.А. Глобальный зелёный императив: место России в международном климатическом режиме. *Полис. Политические исследования*. 2022. № 1. С. 19–30. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.03>.

Арбатова Н.К. 2022. Климатические угрозы – новое измерение безопасности Евросоюза. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 81–94. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.07>.

Ровинская Т.Л. Экологическая политика в США конца XX – начала XXI в.: новые вызовы. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 7. С. 72–82. DOI <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-7-72-82>.

REFERENCES

Best, K.L. et al. Climate and Readiness: Understanding Climate Vulnerability of U.S. Joint Force Readiness. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2023. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1551-1.html (accessed 16.09.2024).

Brzoska, M. Climate change and military planning. *International Journal of Climate Change Strategies and Management*, 2015. Vol. 7, Iss. 2, pp. 172–190.

Crawford, N. The Pentagon, Climate Change, and War: Charting the Rise and Fall of U.S. Military Emissions. The MIT Press, 2022. Available at: <https://mit-press.mit.edu/9780262047487/the-pentagon-climate-change-and-war/> (accessed 10.09.2024).

Scotti, O. Trumping Climate Change: National and International Commitments to Climate Change in the Trump Era. CEU Ediciones, 2020. Available at: https://repositorioinstitucional.ceu.es/bitstream/10637/10806/1/trumping_scotti_2020.pdf (accessed 10.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТЕПАНОВА Наталия Владиславовна, научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института Северо-Американских и Канадских исследований имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Nataliya V. STEPANOVA, Research fellow, Department of Military-Political Studies. Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAН).
2/3, Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024/ Received 15.09.2024

Поступила после рецензирования 30.09.2024 / Revised 30.09.2024.

Статья принята к публикации 3.10.2024 / Accepted 3.10.2024.

УДК: 323

DOI: 10.31857/S2686673024120075

EDN: WOAVYZ

Камала Харрис – «новый признак сейсмического сдвига» в президентской гонке – 2024?

Н.А. Шведова

Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Scopus Author ID: 57208550232 РИНЦ I: 479195

ORCID: 0000-0001-6639-6392 e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Резюме: 21 июля 2024 года займёт своё место в политической истории США: президент Дж. Байден отказался от президентской гонки на второй срок и предложил вице-президента Камалу Харрис вместо себя в списке кандидатов. Драматизм ситуации подогревался назревшей неотвратимостью смены кандидата в разгар кампании, поскольку Дж. Байден потерпел фиаско в первой схватке с соперником-республиканцем. Помешал и его преклонный возраст. В одночасье у К. Харрис появился шанс стать лидером в выдвижении от своей партии. Академик Г.А. Арбатов писал: «Политика – это равнодействующая, которая складывается из множества приложенных сил и факторов» [12]. Именно в таком русле развивались события президентских выборов-24, в которых интрига относительно победителя сохранялась до последнего.

Ключевые слова: Камала Харрис, Дональд Трамп, избиратели, институт выборов, Программа возможностей для чернокожих мужчин.

Для цитирования: Шведова Н.А. Камала Харрис – «новый признак сейсмического сдвига» в президентской гонке – 2024? *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54 (12): 88–102. DOI: 10.31857/S2686673024120075 EDN: WOAVYZ

Kamala Harris: 'A New Sign of a Seismic Shift' in 2024 Presidential Race

Nadezda A. Shvedova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57208550232 РИНЦ I: 479195

ORCID: 0000-0001-6639-6392 e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract: July 21, 2024, will take its place in the political history of the United States: President J. Biden withdrew from the presidential race for a second term and proposed Vice President Kamala Harris as his replacement on the list of candidates. The inevitability of changing the Democratic candidature in the midst of the campaign was driven by J. Biden's evident fiasco in the "first" confrontation with a Republican rival, as well as his advanced age. The drama of the events reached its peak, and overnight, K. Harris gained a chance to become

the leading contender for her party's nomination. Academician G.A. Arbatov once wrote: "Politics is a resultant force that consists of many applied forces and factors" [12]. It was in this vein that the events of the 2024 presidential elections unfolded, where the intrigue of the winner remained until the very end.

Keywords: Kamala Harris, Donald Trump, electorate, polarization, voters, institution of elections, Black Male Opportunity Program.

For citation: Shvedova, N.A. Kamala Harris: 'A New Sign of a Seismic Shift' in 2024 Presidential Race. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (12): 88–102.

DOI:10.31857/S2686673024120075 EDN: WOAVYZ

ВВЕДЕНИЕ

Народная мудрость гласит: коней на переправе не меняют, однако жизнь, часто суровая, не оставляет выбора и заставляет искать пути «обхода» вопреки известным предостережениям. Американская пресса запестрила сообщениями о том, что опасения по поводу пригодности действующего президента Дж. Байдена к должности сменились «новыми признаками единства» после «сейсмического сдвига» в президентской гонке. Метафора из природной стихии вполне уместна при характеристике бурных событий на политическом поле: они действительно перевернули «щательно отточенные планы обеих основных политических партий на гонку 2024 года» [1]. Известно, что выборы в США (всех уровней, но президентские – особенно!) – всегда задолго спланированное и продуманное, подготовленное во всех возможных деталях действие – зрелище, и как правило, это – шоу, спектакль, представление, масштабное и красочное, привлекающее внимание и интерес зрителей – избирателей, голоса которых завоёвывают со всей страстью претенденты на высокое государственное кресло.

Выборы – всегда в поле зрения обсуждений объективные слагаемые, такие как избиратели, блоки граждан, которые будут голосовать. Нет сомнения в их первостепенной важности для понимания мира политического, в пределах которого и в соответствии с главными постулатами которого формируется уклад жизни. Эта жизнь настигает всех – активных, умеренных и пассивных в политическом смысле американцев и американок.

Действительно ли появление Камалы Харрис почти на самой вершине государственной власти – столь «ошеломляющее неожиданное» событие? Что скрыто в глубинных процессах, которые нареются результатом «сейсмического сдвига»? Разве впервые наблюдаются нестабильные периоды в американской политике? Было ли это раньше? Ответ очевиден. Так, на выборах 2000 года американский избирательный избирательный блок разделился поровну. Причём избирательный избирательный блок избрал Палату представителей и Сенат, распределившись между партиями почти пополам. Не один президентский цикл состоялся за последнюю четверть века, и каждый раз избирательный избирательный блок как таковой окрашен в разные цвета, и каждый раз много говорят о расколе, и каждый раз «бурлит страна», взрываясь выхлопами столкновений различных интересов. Затем, как на море после погасшей стихии, бури, наступает за-

тишье, штиль, приходит «день сурка». Жизнь возвращается в своё прежнее русло, происходит кластерное обновление, «починка» износившихся частей механизма, которые выдерживают иногда и капитальный размах обновления, свежие и новые элементы.

Возникает вопрос: действительно ли сами избиратели так сильно разделены? Что побуждает общество к поляризации? И почему оно так или иначе сохраняет свою целостность?

Термин «поляризация» подразумевает: усиление различия в положении общественных групп, доходящее до их противостояния друг другу (полярности). Иными словами, поляризация – это форма проявления социальных различий, то есть облик одних слоёв подвергается изменениям ускоренно по отношению к облику других, которые сохраняют относительную устойчивость, что усиливает поляризацию. Отсюда функция политической системы, в частности, посредством работающих институтов, – предотвращение перерастания социальной поляризации в открытые социальные конфликты.

Исследовательский Центр Пью (*Pew Research Center*) провёл опрос в 24 странах. В результате были сделаны следующие выводы: во-первых, в среднем 77% респондентов в опрошенных государствах назвали представительную демократию «хорошней» системой правления, которая превосходит любую другую альтернативу; во-вторых, в среднем 59% респондентов заявили о своём недовольстве тем, как демократия работает в их собственных странах. В-третьих, США выделяются среди других государств в ряде категорий. Америку признают самой богатой страной из опрошенных, кроме того, лишь 15% американцев выступают за военное правление и 26% – за систему сильного лидера.

На фоне других стран США выделяются своей поляризацией по вопросам об эффективности разнообразного представительства с точки зрения улучшения политики страны. В среднем 50% опрошенных стран считают, что политика улучшилась бы, если бы было избрано больше женщин, в то время как в США эта доля составила лишь 42%. В США также зафиксирован самый большой идеологический разрыв по вопросу об участии молодёжи в политике: семь из десяти либералов заявили, что молодые лидеры улучшат условия, и только два из десяти консерваторов согласились. Опросы фиксируют около четверти американцев, которые проявляют неблагоприятное отношение к действующему президенту-демократу Дж. Байдену и к бывшему президенту-республиканцу Д. Трампу. Молодые люди особенно склонны придерживаться этой точки зрения.

О чём это свидетельствует? Во-первых, люди могут выражать разные позиции. Во-вторых, достигнуто двухпартийное согласие негативного свойства в отношении кандидатов от обеих партий. В-третьих, на фоне картины, при которой «значительная доля американцев не любит ни того, ни другого», оба расчитывают на достаточное число делегатов для выдвижения кандидатов от своих партий на пост президента.

Чтобы «уладить» ситуацию, существуют институты – инструменты политической системы, которые задают рабочий ритм и заставляют двигаться вперёд. В частности, *институт выборов* – это инструмент политической системы, выполняющий две ключевые функции: измерение «температуры» настроений и напряжённости в обществе (назовём его «градусником») и корректировку курса – управление настроениями, чаяниями и интересами путём смены победителей – субъектов политического процесса на выборах.

ИНСТИТУТ ВЫБОРОВ

По результатам опубликованного «Навигатором» опроса, проведённого 1–4 августа 2024 года, о доверии американцев к выборам в США, в том числе о доле тех, кто считает, что предыдущие президентские выборы в 2020 году были подсчитаны честно и корректно, двое из троих американцев были уверены, что их бюллетени подсчитали правильно и справедливо. При этом 42% были «очень уверены» и ещё больше респондентов заключили, что их бюллетени будут подсчитаны справедливо и правильно в будущем [2; 3].

Что касается партий, то демократы были наиболее уверены в себе (84%), как и трое из пяти независимых кандидатов (60%). При этом менее половины республиканцев (42%) выразили уверенность, что их голоса были подсчитаны правильно и справедливо в 2020 году. Большинство республиканцев, которые не идентифицируют себя с консервативным движением под лозунгом «Сделаем Америку снова великой» (*Make America Great Again – MAGA*), уверены, что предыдущий подсчёт их голосов был правильным и справедливым (51%), по сравнению с тем результатом, что только каждый третий республиканец, который связывает себя с движением *MAGA*, согласен с этим (34%) [2; 3].

Трое из четырёх американцев считали, что их будущие бюллетени будут подсчитаны правильно и справедливо (74%), что на 11 пунктов выше, чем доля тех, кто утверждал, что их бюллетени были подсчитаны правильно и справедливо на президентских выборах 2020 года. Уверенность в том, что бюллетени будут подсчитаны правильно и справедливо на выборах 2024 года, была на 19 пунктов выше среди республиканцев от *MAGA* (53%) и на 14 пунктов выше среди республиканцев, не входящих в *MAGA* (65%), чем их уверенность в президентских выборах 2020 года.

Что касается расовой принадлежности, то американцы азиатского происхождения, жители Тихоокеанских островов и чернокожие американцы продемонстрировали наибольшую уверенность в том, что их бюллетени будут подсчитаны правильно (соответственно 85% и 84%). При этом семь из десяти белых американцев и испаноязычных американцев подтвердили то же самое (соответственно 72% и 70%) [2; 3].

Таким образом, результаты опроса фиксировали относительно высокий уровень доверия к демократическим институтам США, в частности, к избирательной системе.

ЭЛЕКТОРАТ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ГОНКИ – 2024: СМЕШАННЫЙ ПОРТРЕТ

За несколько недель до дня выборов кандидаты от обеих партий – К. Харрис и Д. Трамп – пользовались, согласно данным Центра Пью, среди всех зарегистрированных избирателей почти одинаковой поддержкой: соответственно 48% и 47%, а 5% избирателей выбирали кандидата от третьей партии. При этом подавляющее большинство избирателей (82%) заявляли о твёрдой поддержке одного из основных кандидатов. Гораздо меньшая доля заявляла о возможности изменить своё мнение. Было подчёркнуто, что характеристика гонки основана на всех зарегистрированных избирателях.

Сторонники обоих кандидатов демонстрировали высокий уровень мотивации, что подтверждают следующие данные:

- 70% «много» думали о кандидатах;
- 84% считали, что результаты выборов «действительно важны»;
- 70% оценили свою мотивацию к голосованию как «сильную».

Среди избирателей, менее уверенных в своём выборе (сторонников Д. Трампа или К. Харрис, но допускавших изменение своего мнения):

- 38% «много» думали о кандидатах;
- 36% полагали, что «действительно важно», кто победит.
- 19% оценивали свою мотивацию как «чрезвычайно высокую».

Однако не все зарегистрированные избиратели голосуют на выборах [4]. На президентских выборах 2020 года примерно треть взрослых, имеющих право голоса, не голосовали за президента. Намерения и фактическая явка не всегда совпадают.

Электорат К. Харрис включал в себя: молодых американцев; чернокожих избирателей, которые в подавляющем большинстве поддержали К. Харрис (79% против 14%, разница – 65 процентных пунктов); испаноязычных избирателей (54% поддержали К. Харрис, 38% – Д. Трампа); избирателей азиатского происхождения (62% – за К. Харрис, 30% – за Д. Трампа); избирателей с высшим образованием, которые преимущественно поддержали демократического кандидата.

Электорат Д. Трампа состоял преимущественно из: избирателей старшего возраста; белых американцев, среди которых Д. Трамп пользуется большей поддержкой (55% против 41%, разница – 14 процентных пунктов); избирателей мужчин.

По уровню образования: 52% зарегистрированных избирателей без высшего образования собирались поддержать Д. Трампа; 42% избирателей без диплома четырёхгодичного колледжа – К. Харрис.

По возрасту: избиратели до 50 лет преимущественно поддерживали К. Харрис (50% против 41%), в то время как избиратели в возрасте 50 лет и старше поддерживали Д. Трампа (52% против 46%). Среди избирателей младше 50 лет 7% предпочитали голосовать за третьего кандидата, отвергая и К. Харрис, и Д. Трампа. В возрастной группе 50 лет и старше этот показатель составлял 2%.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАТА К. ХАРРИС И Д. ТРАМПА

В 2024 году 36,2 млн латиноамериканцев – граждан США имели право голоса, что на 4 млн больше, чем в 2020 году, и более чем вдвое больше, чем в 2000 году (их было 14,3 млн). Очевидно, их число стало заметной долей электората в нескольких спорных штатах [6].

Согласно опросу Центра Пью (сентябрь 2024 года), большинство зарегистрированных избирателей-латиноамериканцев (57%) заявляли о своей поддержке К. Харрис, а 39% – о поддержке Д. Трампа. Американские СМИ свидетельствовали о «значительно большей» популярности К. Харрис среди избирателей-латиноамериканцев, по сравнению с президентом Дж. Байденом в бытность его предполагаемого выдвижения от Демократической партии [6].

Экономика – главная проблема для латиноамериканских избирателей, далее следуют здравоохранение, насильтственные преступления и политика в отношении оружия (соответственно 85%, 71%, 62% и 62%). Проблему иммиграции считали важной 59% и назначения в Верховный суд – 58% избирателей.

Среди сторонников Д. Трампа экономика (93%), насильтственные преступления (73%) и иммиграция (71%) – три наиболее упоминавшиеся темы, важные для их выбора. Напротив, для сторонников К. Харрис главные проблемы включали в себя – экономику (80%), здравоохранение (78%) и политику в отношении оружия (66%).

70% латиноамериканцев, сторонников Д. Трампа, объясняли свой выбор как голосование именно за Трампа, а не против Харрис. При этом латиноамериканцы – сторонники К. Харрис приводили смешанные причины своего выбора: 54% объясняли его как протест против республиканского кандидата больше, чем как поддержку К. Харрис. При этом 46% объясняли свой выбор как предпочтение К. Харрис.

36% респондентов оценивали азиатское и чернокожее происхождение К. Харрис как позитивный бонус для избрания, 42% придавали меньшее значение этим характеристикам, считая, что «это не будет иметь большого значения». Однако 21% считали, что это «повредит её шансам».

Ещё 35% отмечали, что «быть женщиной» поможет К. Харрис, 26% считали, что пол не будет иметь большого значения, однако 38% полагали, что это отрицательно скажется на её шансах.

Равное число сторонников К. Харрис и Д. Трампа полагали, что они чрезвычайно мотивированы голосовать (по 63%). Примерно восемь из десяти сторон-

ников К. Харрис (79%) и почти столько же из лагеря Д. Трампа (76%) признавали результаты выборов «действительно важными». 81% избирателей выразили свою готовность голосовать в 2024 году, что на 6 пунктов ниже, чем в кампании 2020 года. Доля тех, кто «чрезвычайно мотивирован», снизилась с 69% в 2020 году до 60% в 2024 году.

Сторонники обоих кандидатов на этих выборах были менее мотивированы голосовать, чем четыре года назад.

Примерно шесть из десяти сторонников Д. Трампа (63%) заявили, что «чрезвычайно мотивированы» голосовать, что ниже показателя октября 2020 года (71%). Среди сторонников К. Харрис 63% сообщили о своей «чрезвычайной» поддержке в 2024 году, однако это ниже 72% в предыдущей президентской кампании демократов.

Отношение избирателей Д. Трампа и К. Харрис, по оценкам опроса «Си-би-эньюс» (*CBS News*) [7], существенно отличалось по ключевым вопросам. Так, сторонники Д. Трампа в большинстве своём оценивали состояние экономики США как плохое, считали, что количество пересечений границы между США и Мексикой в настоящее время растёт, усилия по обеспечению гендерного равенства зашли «слишком далеко» (особенно мужчины), и ожидали масштабного мошенничества на выборах.

Большинство избирателей К. Харрис, напротив, оценивали состояние экономики как хорошее, а количество пересечений границы – «скорее сократилось, чем увеличилось». Для большинства сторонников К. Харрис усилия по обеспечению гендерного равенства в США зашли «недостаточно далеко» [7].

МОТИВАЦИЯ К ГОЛОСОВАНИЮ В КЛЮЧЕВЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУППАХ

Среди зарегистрированных избирателей мужчины (59%) и женщины (62%) примерно в равной степени склонны говорить, что они чрезвычайно мотивированы к голосованию. Однако женщины-избирательницы, которые поддержали К. Харрис (66%), были более мотивированы, чем мужчины (60%) [7].

Заметны различия в уровне мотивации между расовыми и этническими группами. Так, 66% белых избирателей были чрезвычайно мотивированы к голосованию, а среди чернокожих этот показатель составил 51%, среди испаноязычных – 46%, а среди избирателей азиатского происхождения – 44%.

Мотивация к голосованию увеличивается с возрастом. 73% избирателей в возрасте 65 лет и старше подтверждали свою «чрезвычайную мотивированность» к голосованию. В возрастной группе от 50 до 64 лет этот показатель составил 66%, а среди избирателей в возрасте от 30 до 49 лет – 54%. Сторонники Д. Трампа в возрасте до 30 лет проявили меньший энтузиазм к голосованию, чем сторонники К. Харрис (34% против 50%) [7].

«ЖЕНСКАЯ» ПОВЕСТКА К. ХАРРИС

Конгресс США в 1973 году объявил 26 августа «Днём равенства женщин» в ознаменование принятия в 1920 году 19-й поправки к Конституции США, предоставившей женщинам право голоса. День равенства женщин (*Women's Equality Day*) напоминает американкам о необходимости принятия Поправки о равных правах (*Equal Rights Amendment – ERA*). В разделе 1 Поправки о равных правах говорится: «Равенство перед законом по признаку пола не должно отрицаться или ограничиваться Соединёнными Штатами или каким-либо штатом». Однако поправка сама по себе не обеспечила чернокожим женщинам доступа к избирательным урнам и не включила общеноциональное избирательное право для женщин из числа американских индейцев.

Национальная организация для женщин (*National Organization for Women – NOW*) поддерживает Поправку о равных правах. После столетия борьбы американки как никогда близки к тому, чтобы эта поправка была закреплена в Конституции США. Однако прогресс, достигнутый на пути к равенству женщин, может быть утрачен в любой момент, потому что эти достижения зависят от законодательства, которое может быть (и уже было) ослаблено или отменено Конгрессом США. Но нынешняя Поправка о равных правах может помешать этому произойти, поэтому документ очень важен. Благодаря ему поддерживается целостность подхода к правам женщин. При этом приоритетами являются достижение экономического равенства и закрепление его с помощью поправки к Конституции США, которая гарантирует равные права для женщин; защиту права на аборты, репродуктивную свободу и другие аспекты женского здоровья.

Женские НПО полностью поддерживают безопасные и легальные аборты, доступные и эффективные противозачаточные средства и другие средства контрацепции, а также просвещение в области репродуктивного здоровья для всех.

Решение Верховного суда 2022 года по делу «Доббс против Организации женского здравоохранения Джексона» отменило почти 50-летний прецедент в области репродуктивных прав и вернуло штатам контроль над законодательством об abortах. Включение Поправки о равных правах в Конституцию обеспечило бы федеральную защиту равных гражданских прав женщин, включая телесную автономию (право на контроль и свободу выбора в вопросах, касающихся собственного тела, без внешнего принуждения), доступ к легальным abortам и комплексному уходу за репродуктивным здоровьем.

Подавляющее большинство жителей США поддерживают конституционную гарантию равных прав по признаку пола.

ПРОБЛЕМА ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

К. Харрис поддерживает легальный доступ к прерыванию беременности (abortам), решительно отвергая попытки ограничить доступ к нему и выступает

за принятие Конгрессом США национального закона, кодифицирующего право на прерывание беременности. К. Харрис – последовательная защитница репродуктивных прав на протяжении всей своей карьеры. До избрания вице-президентом, будучи сенатором, она была соавтором законопроекта 2017 года, который запретил бы штатам вводить ограничения на аборты. Она выступает за отмену процедурного препятствия в 60 голосов, известного как «обструкция в Сенате», чтобы восстановить дело «Роу против Уэйда» в качестве закона страны.

Д. Трамп разделяет позицию передачи политики в отношении абортов на усмотрение штатов, хотя он предположил, что может использовать свои президентские полномочия, чтобы ограничить доступ к мифепристону – препаратору, используемому для медикаментозного аборта. Он заявил о поддержке положения в законодательстве об исключении в случаях изнасилования, инцеста или когда беременность угрожает жизни матери, а также пообещал, что его администрация будет «полезна для женщин и их репродуктивных прав», и призвал государственные или частные страховые компании оплачивать лечение методом ЭКО.

В сентябре Д. Трамп вызвал бурю негодования в сообществе противников абортов, назвав запрет на аборты во Флориде на сроке до шести недель слишком строгим, и предположил, что может проголосовать за референдум, разрешающий аборты во Флориде до наступления жизнеспособности плода. Через день он отказался от этой позиции и заявил, что будет голосовать против поправки к бюллетеню для голосования, позволяющей сохранить запрет на аборты на сроке до шести недель. В целом Д. Трамп продолжает утверждать, что регулирование абортов должно оставаться в компетенции штатов [8].

ОЖИДАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО К. ХАРРИС И Д. ТРАМПА КАК ПРЕЗИДЕНТА

Избиратели в целом разделились в прогнозах относительно того, как вице-президент К. Харрис или бывший президент Д. Трамп действовали бы на посту президента: негативные ожидания перевесили позитивные для обоих кандидатов. Хотя большинство избирателей считали, что и Д. Трамп, и К. Харрис способны принести перемены в Вашингтон, это мнение чаще связывают с Д. Трампом, чем с К. Харрис. Однако избиратели разделились во взглядах о том, будут ли эти перемены иметь положительные или отрицательные последствия [4].

До выборов большинство избирателей полагали, что Д. Трамп был бы хорошим или великим президентом, чем говорили это о К. Харрис (41% против 36%). Но схожие доли избирателей отмечали, что каждый из них был бы плохим или ужасным президентом (48% говорили это о Д. Трампе, 46% – о К. Харрис). 84% сторонников Д. Трампа считали, что он был бы хорошим или отличным президентом, включая 46%, которые полагали, что он был бы отличным. Только 13% говорили, что он был бы средним президентом [4].

73% сторонников К. Харрис полагали, что она была бы хорошим (44%) или отличным (29%) президентом, в то время как 24% говорили, что она была бы средним президентом. Очень небольшая доля сторонников каждого кандидата (всего по 2%) считала, что их кандидат будет плохим или ужасным президентом.

Примерно девять из десяти как сторонников К. Харрис (91%), так и сторонников Д. Трампа (89%) полагали, что противоположный кандидат будет плохим или ужасным президентом. 86% сторонников Д. Трампа утверждали, что он изменит положение вещей к лучшему. Только 12% полагали, что он не будет сильно менять положение вещей.

Подавляющее большинство сторонников К. Харрис (92%) и Д. Трампа (83%) подчёркивали, что оппозиционный кандидат изменит положение вещей в стране к худшему. Но сторонники Д. Трампа с большей вероятностью настаивали, что К. Харрис не будет сильно менять положение вещей (16%).

ХОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

10 сентября 2024 года К. Харрис и Д. Трамп встретились на дебатах. Для избирателей это была первая возможность увидеть обоих кандидатов вместе в прямом противостоянии, которое началось почти за два месяца до этого, после отказа президента Дж. Байдена продолжать свою кампанию.

Для К. Харрис это были первые президентские дебаты, хотя она участвовала в подобных мероприятиях в качестве вице-президента в 2020 году и в нескольких первичных встречах, а для Д. Трампа – седьмые президентские дебаты на всеобщих выборах. «Трампа били тысячу раз», – сказал Стэн Барнс, бывший сенатор-республиканец от штата Аризона и политический консультант.

В СМИ отмечались такие черты характера К. Харрис, как «острая спорщица», которая способна прочувствовать аудиторию и в неожиданный момент высказать «вирусную колкость». Вспоминали случай в Сенате США, когда она, применив подход в стиле зала суда к допросу кандидатов Д. Трампа в Верховный суд США, заставила Бретта Кавано признать, что он не может придумать никаких законов, регулирующих решения, «касающиеся собственного мужского тела».

Реакция американцев на дебаты была преимущественно в пользу К. Харрис. Наиболее типичные комментарии сводились, в частности, к следующим высказываниям: «Дональд неоднократно говорил, что Байден и Харрис разрушили страну. <...> Но любой, кто выходит на улицу, знает, что это ложь. Совершенно верно, что страна не разрушена. И она не будет разрушена. Итак, в результате он оторван от реальности. <...> Дело в том, что Трампу не удаётся устроить американскую бойню, как бы он ни старался» [2; 3].

Однако К. Харрис также подвергалась критике. Её поддержка была отнюдь не всеобщей. Не случайно избирательную кампанию К. Харрис и Д. Трампа называли «игрой вничью».

К. Харрис критиковали за то, что она тесно связана с политикой, проводимой Дж. Байденом. Её называли «ответственной за провальную историю Дж. Байдена», под которой подразумевали участие в «байденомике», что вызвало инфляцию и «похоронило» американскую мечту. Ей предъявили обвинения и за «вторжение на границу, всплеск преступности и фентанила» на улицах городов. Определение «самый либеральный сенатор» она заслужила за свою поддержку нового зелёного курса и прекращение финансирования полиции. Критики считают, что именно Д. Трамп способен снова «сделать Америку великой» [2].

К. Харрис столкнулась с необходимостью активизировать чернокожих избирателей, которые стали покидать ряды её сторонников, поскольку некоторым чернокожим мужчинам якобы «не нравится идея женщины на посту президента».

Очевидно, за этим скрывается нечто большее, чем тривиальный сексизм. Речь идёт о том, что Демократическая партия, получавшая постоянно поддержку от чернокожих избирателей и искому власть, не всегда сдерживала свои предвыборные обещания, о которых избиратели помнят. Чтобы сохранить этот сегмент избирателей, команда вице-президента К. Харрис 14 октября 2024 года обнародовала план (*Opportunity agenda for Black men*), призванный предоставить чернокожим мужчинам больше экономических возможностей и других шансов на процветание. План состоял из пяти ключевых пунктов [10].

1. Предоставить миллион кредитов, которые можно полностью списать, чернокожим предпринимателям и другим лицам для открытия бизнеса.

2. Учредить образовательные, обучающие и наставнические программы, нацеленные на помочь чернокожим мужчинам в приобретении хорошо оплачиваемой работы, а также способствовать их лидерству в своих сообществах, в том числе становиться учителями.

3. Создать нормативно-правовую базу для криптовалют и других цифровых активов, чтобы обеспечить защиту чернокожих мужчин, которые инвестируют в эти активы и владеют ими.

4. Начать программу «Национальной инициативы по обеспечению равенства в сфере здравоохранения» (*National Health Equity Initiative*), ориентированную на чернокожих мужчин для борьбы с заболеваниями (например, диабетом, психическими расстройствами, раком простаты и другими проблемами со здоровьем), которые непропорционально масштабно влияют на них.

5. Легализовать рекреационное употребление марихуаны и узаконить создание возможностей для чернокожих американцев добиться успеха в этой новой отрасли.

Безотлагательно действия команды К. Харрис вызвали позитивные отклики. Например, один из избирателей отметил: «Мы говорили о том, что кандидаты должны прислушиваться к нашим потребностям и проблемам, и она прислушалась». Известно, что афроамериканцы решительно поддержали президента Дж. Байдена, когда он победил Д. Трампа в 2020 году. Однако, как сообщает пресса, в лагере К. Харрис меньше обеспокоены потерей значитель-

ного процента чернокожих мужчин в пользу бывшего президента, чем тем, что некоторые из них могут вообще не прийти на выборы [10].

Д. Трамп, в свою очередь, тоже активно привлекал чернокожих и латиноамериканских избирателей обоих полов. Среди его действий были: проведение круглых столов с чернокожими предпринимателями в колеблющихся штатах (семь критически важных штатов, от которых, как считается из-за их колеблющегося статуса, зависит исход выборов: Аризона, Джорджия, Пенсильвания, Мичиган, Северная Каролина, Невада и Висконсин), выступления на мероприятиях, организованном испаноязычным каналом «Юнивижн» (*Univision*). Он «открыто разжигал расовые разногласия», заявляя, что иммигранты, нелегально пересекающие американо-мексиканскую границу, отбирают рабочие места у чернокожих и испаноязычных американцев, вполне «резонно» играя на первичных инстинктах и находясь вполне реальный отклик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже на выборах 2020 года было принято важное историческое решение: вице-президентом США впервые стала женщина – К. Харрис, которая разрушила барьеры и достигла самого высокого поста, когда-либо занимаемого белой или цветной женщиной в правительстве страны. Это достижение не было лишь триумфом одной личности и не стало первой попыткой. Оно – логическое звено в длительной борьбе американских женщин за гендерное равноправие и справедливость, включая доступ к власти. В этом процессе не стоит забывать Х. Клинтон, которая взяла барьер до К. Харрис, завоевав выдвижение в кандидаты на пост президента страны от одной из двух правящих партий – Демократической. Она прошла весь круг президентской гонки, уступив победу Д. Трампу, но получив при этом на три с лишним миллиона голосов избирателей больше, чем ставший 45-м президентом страны Д. Трамп, за счёт специфики избирательной системы (коллегия выборщиков). Также стоит упомянуть Нэнси Пелоси, демократку, спикера Палаты представителей и третье лицо в формальнойластной иерархии США. Её имя символизирует начавшиеся ещё ранее «сейсмические сдвиги» в монолите мужского доминирования на властных вершинах в государстве.

Восхождение на политический олимп К. Харрис было подготовлено многолетней борьбой американских женщин и демократическим движением в стране. Оно само по себе имеет большое историческое значение как чрезвычайно важный момент в борьбе против неравенства, нарушения прав женщин и дискриминации людей на почве расовой принадлежности в контексте развития демократических основ.

Представительство женщин в американской политике за последние полвека демонстрирует устойчивую тенденцию к росту их числа на разных уровнях. Если в 1971 году лишь 12 женщин служили в Конгрессе США, в настоящее время

их почти в 12 раз больше. Рекордное число женщин участвовали в президентских первичных выборах (праймериз) 2020 года.

Камала Харрис как политический и государственный деятель является инструментом осуществления целей и задач политики государства, а также защиты его интересов как внутри страны, так и за границей через привлечение в ряды политических акторов новых влиятельных фигур, способных завоёывать голоса широких кругов избирателей.

К. Харрис стопроцентно встроена в реальную американскую политическую систему и занимает место среди однопартийцев из Демократической партии, придерживающихся умеренных взглядов (иногда со сдвигом влево). Она способный политик с многосторонним и широким характером общественных и государственных интересов. В целом независимые эксперты характеризуют К. Харрис как дисциплинированного, стратегически мыслящего и амбициозного политика с ярко выраженными лидерскими качествами. Основная претензия, которую выдвигают к работе вице-президента, – отсутствие конкретного плана действий и неопределённые позиции по ряду важных вопросов. Однако несмотря на критику и невысокие рейтинги в 2023 году, К. Харрис всё равно имеет большое количество приверженцев, которые относятся к ней с уважением.

Возникает законный вопрос: что скрывается в недрах двух лагерей избирателей одной страны, каковы внутренние фундаментальные пружины такого противостояния?

Конечно, опросы не предсказывают будущее. Они фиксируют, что люди думают в данный конкретный момент. События чередуются быстро, и меняется их вектор влияния на чувства избирателей. Избиратели, идущие совершив свой гражданский акт, голосовать, руководствуются не только сиюминутными импульсами, но и сложившимися представлениями о том кандидате, который/которая улучшит или, по крайней мере, не ухудшит их жизнь. Вероятнее всего, эти представления сформировались под влиянием глубоких личных переживаний в контексте конкретных социально-экономических и общественно-политических обстоятельств. Они отражают базовые интересы каждого избирателя, умноженные на нравственно-идеологическое видение их жизненной перспективы.

Между тем, согласно данным опроса, опубликованным 15 октября 2024 года Федеральным резервным банком Нью-Йорка (*The Federal Reserve Bank of New York*), американцы чувствуют себя в достаточной безопасности на своих рабочих местах, они ожидают, что продолжат зарабатывать и тратить больше, чем до пандемии, и считают, что инфляция не станет намного выше. Но они всё больше беспокоятся о растущих долгах по кредитным картам. Один из американских аналитиков отметил: «Экономика США довольно сильна, но люди не чувствуют себя в ней комфортно» [11]. «Ответ состоит в том, что инфляция по-прежнему имеет большое значение. Несмотря на то, что она снизилась, это доминирующая тема в экономике. <...> Инфляция съедает большую часть доходов, которые по-

лучают люди. Поэтому, даже если вы работаете и даже если ваша зарплата выросла, многие люди чувствуют себя не очень хорошо», – логично уточняет Тед Россман (*Ted Rossmann*), старший отраслевой аналитик «Бэнкрайт» [11].

Специалисты связывают особенности президентской кампании 2024 года с совокупными последствиями периода относительно высокой инфляции, которую одни американцы ощутили сильнее, чем другие. А данные отражают растущее неравенство доходов. Исследования показывают, что американцы с более низкими доходами сталкиваются с более высокой инфляцией. Согласно опубликованному анализу Федеральной резервной системы Миннеаполиса (*Minneapolis Federal Reserve*), с 2005 года цены выросли в среднем на 64% для домохозяйств с самым низким уровнем дохода по сравнению с 57% для домохозяйств с самым высоким уровнем дохода [11]. Если глубже копнуть, то непременно можно столкнуться с иными пластами социально-экономических и политических факторов, которые нуждаются в корректировке и неизбежно потребуют внимания вновь избранного президента страны.

Таким образом, институт выборов как инструмент-измеритель расслоения (поляризации) общества через результаты избирательных циклов наглядно демонстрирует относительную степень этой поляризации и радикализации при свободном и честном волеизъявлении избирателей. Иными словами, создаётся реальная предпосылка для корректировки курса, о чём поведал президентский цикл 2024 года.

ИСТОЧНИКИ

1. Min Kim, S., Weissert, W., Megerian, Ch. AP survey shows Kamala Harris backed by enough delegates to become Democratic nominee. Available at: <https://apnews.com/article/harris-biden-presidential-candidate-election-withdraw-9fb1d153493cb3f088994854fe61a73e9> (accessed 09.10.2024).
2. Navigator Tuesday, August 20, 2024. Presidential Election Battleground Survey. Available at: <https://navigatorresearch.org/wp-content/uploads/2024/08/GBAO-Navigator-Navigating-the-Vote-08.2024.pdf> (accessed 13.08.2024).
3. Navigator, August 12, 2024. Presidential Election Battleground Survey. Available at: <https://navigatorresearch.org/wp-content/uploads/2024/08/GBAO-Navigator-Navigating-the-Vote-08.2024.pdf> (accessed 13.08.2024).
4. How Voters See the Harris-Trump Matchup, and How Engaged They are in the 2024 Election. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2024/10/10/the-harris-trump-matchup/> (accessed 13.10.2024).
5. The Political Values of Harris and Trump Supporters. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2024/08/26/the-political-values-of-harris-and-trump-supporters/> (accessed 11.10.2024).
6. Lopez, M, Noe-Bustamante, L. In Tight U.S. Presidential Race, Latino Voters' Preferences Mirror 2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/race-and->

ethnicity/2024/09/24/in-tight-u-s-presidential-race-latino-voters-preferences-mirror-2020/ (accessed 27.10.2024).

7. CBS News. Trump-Harris Poll Shows Election is Two Worlds: How Information and Persuasion Shape a Hard-hitting Campaign. Available at: <https://click.email.cbsnews.com/?qs=e38be54c49486e8606ac30736b25a4e6bf31134800e69efe1af82f740d35be81a8b032f22c760a04616be0c3e758bcdccbe092dff5e39fdc> (accessed 07.10.2024).

8. Parker, A. Republicans Flee from Abortion Restrictions in Final Weeks of Campaign. Available at:

https://www.washingtonpost.com/politics/2024/10/04/republicans-abortion-2024-election/?utm_campaign=wp_evening_edition&utm_medium= (accessed 04.10.2024).

9. Polls Suggest Republicans are Making Gains among Black Voters - Especially Black Men. Available at: <https://www.npr.org/2024/10/10/nx-s1-5133172/polls-suggest-republicans-are-making-gains-among-black-voters-especially-black-men> (accessed 10.10.2024).

10. Arco, M. Harris Unveils Plan to Win Black Male Vote: Here it is. Available at: <https://www.nj.com/politics/2024/10/harris-unveils-plan-to-win-black-male-vote-here-it-is.html> (accessed 11.10.2024).

11. Wallace, A. Americans haven't been this Worried about Making their Credit Card Payments since the Pandemic. Available at: https://edition.cnn.com/2024/10/15/economy/credit-card-payments/index.html?utm_term=1729075551165f21c4b8cbde9&utm_source=cnn (accessed 15.10.2024).

12. Век Георгия Арбатова. Воспоминания. Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук. Москва: Издательство «Весь Мир». 2023. 263 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШВЕДОВА Надежда Александровна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела внутриполитических исследований Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069
Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Nadezda A. SHVEDOVA, Doctor of Sciences (Political), Professor, Chief Researcher, Department of Internal Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAН).

2/3, Khlebny pereulok, Moscow
121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024 / Received 17.10.2024.

Статья поступила после рецензирования 28.10.2024 / Revised 28.10.2024.

Статья принята к публикации 30.10.2024 / Accepted 30.10.2024.

УДК 339.9, 621.039.003
DOI: 10.31857/S2686673024120084
EDN: WNXJAX

Роль советников президента США по национальной безопасности в администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена

А.О. Мамедова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации.

119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76.

Scopus Author ID: 57304445900 РИНЦ ID: 839273

ORCID: 0000-0003-2354-218X e-mail: mamedova.a.o@my.mgimo.ru

Резюме. За время существования Совета национальной безопасности (СНБ), консультативного органа при президенте США, и должности специального помощника президента по вопросам национальной безопасности (неофициально именуемого советником по национальной безопасности), их функции претерпели существенную эволюцию. Цель статьи – определить, какие функции советника по национальной безопасности выходили на первый план в зависимости от стиля правления президента с учётом актуальных тенденций в работе СНБ при Д. Трампе и Дж. Байдене. Теоретической основой исследования стали работы, ориентирующиеся на «модель Скоукрофта», в которой советник рассматривается как «честный брокер» и одновременно личный советник президента. Если в администрации Д. Трампа деятельность М. Флинна и Дж. Болтона была примером отклонения от «модели Скоукрофта» с характерными издержками, то Г. Макмастер и Р. О’Брайен – способствовали возвращению к ней. К концу президентского срока Д. Трампа функционирование СНБ приблизилось к «модели Скоукрофта». В администрации Дж. Байдена был воссоздан круг Х. Клинтон и Б. Обамы; в целом не было заметно людей с альтернативной точкой зрения. Дж. Салливан сочетал как традиционные роли советника по национальной безопасности – посредника и личного советника президента по вопросам стратегии, так и те, что ещё недавно считались нежелательными.

Ключевые слова: СНБ, советник по национальной безопасности, модель Скоукрофта, Трамп, Байден.

Для цитирования: Мамедова А.О. Роль советников президента США по национальной безопасности в администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(12): 103–118. DOI: 10.31857/S2686673024120084
EDN: WNXJAX

**National Security Advisors
Under Donald Trump and Joseph Biden**

Anastasia O. Mamedova

MGIMO University.

76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454.

Scopus Author ID: 57304445900

РИНЦ ID: 839273

ORCID: 0000-0003-2354-218X

e-mail: mamedova.a.o@my.mgimo.ru

Abstract: The functions of the National Security Council (NSC) and the Assistant to the President for National Security Affairs, commonly referred to as the National Security Advisor (NSA), have significantly evolved. The article concentrates on the functions of the NSA that came to the fore depending on the president's leadership style during the administrations of Donald Trump and Joseph Biden.

Studies of the 'Scowcroft model', which emphasizes the role of the NSA as both an "honest broker" and the president's personal advisor, serve as the theoretical framework for this article. In the Trump administration, Michael Flynn and John Bolton seemed to deviate from the model, affecting the efficiency of the decision-making process. In contrast, Herbert McMaster and Robert O'Brien emphasized adherence to the model. By the end of Trump's tenure, the NSC's operations began to align more closely with the 'Scowcroft model'.

During Biden's tenure, the Clinton-Obama team has largely been reassembled, with minimal dissenting opinions, if any. Jacob Sullivan has combined the traditional roles of the NSA – as both a broker and the president's personal advisor on strategy – with responsibilities that were considered undesirable in the recent past.

Keywords: NSC, national security advisor, the Scowcroft model, Trump, Biden.

For citation: Mamedova, A.O. National Security Advisors Under Donald Trump and Joseph Biden. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (12): 103–118.

DOI: 10.31857/S2686673024120084 EDN: WNXJAX

ВВЕДЕНИЕ

Новость о создании Совета национальной безопасности при президенте США (СНБ) в 1947 году не привлекла столь серьёзного внимания, как проходившее в то же время объединение армии и флота в единое ведомство – Министерство обороны США [Daalder, Destler, 2009: 3]. Министр ВМС США Дж. Форрестол, ярый сторонник создания СНБ, видел в нём структуру, которая позволила бы упорядочить процесс принятия решений президентом США с учётом опыта Второй мировой войны, то есть фактически сдерживать, а не усилить его влияние [Daalder, Destler, 2009: 3–4]. Президент Г. Трумэн, воспринимавший новую структуру как навязанную ему республиканским Конгрессом, добился, чтобы у СНБ был консультативный статус, и в первые годы своей работы Совет занимался вопросами межведомственной координации по возникающим проблемам [Burke, 2009: 285].

В 1953 году Д. Эйзенхауэр учредил должность специального помощника президента по вопросам национальной безопасности (впоследствии неофици-

ально именуемого советником по национальной безопасности), в чьи функции входило управление СНБ. Первый помощник по национальной безопасности – Р. Катлер – считал себя координатором, тщательно избегая конкуренции с госсекретарем Дж.Ф. Даллесом; на этом этапе его главной ролью было выступать «честным брокером» при обсуждении различных точек зрения в рамках СНБ [Nelson, 1983: 313; Burke, 2009: 288].

В то время существовало разделение труда между СНБ, занимавшимся в основном политическим планированием и координацией, главой секретариата Белого дома генералом Э. Гудпастером, отвечавшим за текущие вопросы и связанные с ними неофициальные встречи президента, и государственным секретарём Дж.Ф. Даллесом, координировавшим дипломатию США [Nelson, 1983: 315–319]. Роль Гудпастера в администрации Эйзенхауэра в некотором смысле предвосхитила превращение советника по национальной безопасности в личного помощника президента, а разделение обязанностей между ним и Катлером можно рассматривать как альтернативу существующей ныне «модели Скоукрофта» [Dickinson, 2011: 157]. Примером долгосрочного планирования в начале президентства Д. Эйзенхауэра стало рассмотрение в рамках СНБ вопросов внешнеполитических приоритетов и их бюджетного обеспечения, а также подготовку к реализации проекта «Солярий» [Мирошников, 2009].

СНБ начал приобретать современные черты в период передачи власти от Д. Эйзенхауэра к Дж. Кеннеди: президенты стали всё больше ценить не важность эффективной правительственной работы, а личную преданность аппарата президента США; именно тогда специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности превратился в советника президента, приобретя свою вторую роль [Burke, 2009: 289]; [Nelson, 1983]. Если при Г. Трумэне и Д. Эйзенхауэре СНБ не конкурировал с госсекретарём, то начиная с Дж. Кеннеди центр принятия внешнеполитических решений стал смещаться в сторону Белого дома [Daalder, Destler, 2009: 6–8]. На заседаниях СНБ М. Банди, советник Кеннеди, зачастую выступал не столько «честным брокером», сколько сторонником определённого политического курса. Он же стал первым советником, активно участвовавшим в реализации политики (роль оператора) [Burke, 2009: 291]. При Л. Джонсоне Банди стал публичным защитником внешней политики администрации, а также наладил контакты с ведущими washingtonскими журналистами. В 1965 году, к недовольству Джонсона, он принял участие в теледебатах с Г. Моргентау, агрессивно отстаивая правоту американской войны во Вьетнаме [Burke, 2009: 292].

Р. Рейган, учитывая опыт Г. Киссинджера при Р. Никсоне и Зб. Бжезинского при Дж. Картере попытался искусственно ослабить роль советника по национальной безопасности; в результате его советники не могли эффективно уравновешивать позиции политических гигантов, занимавших должности госсекретаря и министра обороны, а советник Дж. Пойндекстер, министр обороны

К. Уайнбергер и ряд других членов администрации оказались замешаны в скандале «Иран-контрас» [Daalder, Destler, 2009: 303–307].

Современная архитектура и стандартный порядок функционирования СНБ сложились в результате реформ, предложенных Б. Скоукрофтом в рамках комиссии Тауэра после скандала «Иран-контрас». В «модели Скоукрофта», которой придерживались все президенты с конца второго срока Р. Рейгана, советник по национальной безопасности выступает одновременно в роли «честного брокера», добросовестно преподносящего президенту мнения различных участников процесса принятия решений – Министерства обороны, Государственного департамента, разведывательного сообщества, Министерства финансов (в том числе и те, с которыми он не согласен), и советника президента, дающего рекомендации по вопросам политики. Ещё одной важной функцией советника является управление процессом принятия решений по внешней политике и национальной безопасности. В конце XX – начале XXI века стала особенно актуальна роль видного государственного представителя по внешней политике, выступающего с интервью и комментариями.

Советнику по национальной безопасности необходимо завоевать доверие своих коллег, представляя их мнения без искажения. Публично он всегда должен поддерживать курс президента, а своё несогласие выражать за закрытыми дверями [Destler, 2012: 212–213]. Одновременно его обязанность – следить, чтобы взгляды и предпочтения президента учитывались на ранних этапах процесса принятия решений. Советник по национальной безопасности должен быть лично близок к президенту и подстраиваться под его стиль работы [Destler, 2012: 218–221].

По итогам комиссии Тауэра сложился консенсус, что СНБ исполняет функции координации, надзора и консультирования, но не должен принимать непосредственного участия в исполнении решений. Однако с тех пор советники неоднократно отправлялись в одиночные турне, встречались с зарубежными дипломатами и министрами. Операционализация роли СНБ происходит, когда президент хочет руководить внешней политикой из Белого дома; советника по национальной безопасности он, как правило, знает лучше и доверяет его аппарату больше, что не всегда можно сказать о госсекретаре и в особенности карьерных дипломатах [Destler, 2012: 216–217].

Помимо роста влияния советника по национальной безопасности в современной литературе выделяются и другие тенденции, связанные с СНБ и выработкой национальной стратегии США. В 2016 году американский исследователь Н. Гвосдев предположил, что при Д. Трампе продолжится смещение центра принятия решений от чиновников, занимающихся вопросами национальной безопасности, и Кабинета в сторону «придворных» советников и сотрудников Белого дома, окружающих президента [Gvosdev, 2016]. Принятие решений узким кругом в обход бюрократии происходило и в предыдущих администрациях. В ходе президентской кампании Д. Трампа и Х. Клинтон в 2016 году он отметил их склонность отдавать предпочтение «дворцу», а не бюрократии, но по

разным причинам. Трамп испытывал недоверие к истеблишменту и экспертам, выступившим против него в ходе предвыборной кампании. Напротив, слишком многие стремились предложить Клинтон свои услуги, но она предпочитала управлять через узкий круг преданных сторонников, которые выступали в качестве привратников и проводников её политики. По мнению Гвосдева, где бы она ни очутилась, везде воспроизводился «Хиллариленд»: в Белом доме в 1990-е годы, Сенате, Государственном департаменте в первой администрации Б. Обамы [Gvosdev, 2016]. Кроме того, наблюдалась дезорганизация внешнеполитического процесса в результате политической борьбы в администрации [Сущенцов, Павлов, 2021].

Ряд американских исследователей внесли существенный вклад в теоретическое осмысление роли советника президента США по национальной безопасности и популяризовали «модель Скоукрофта» [Daalder, Destler, 2009; Destler, 2012; Burke, 2005; Burke, 2009]. Внимание российских исследователей привлекают не только оценки работы СНБ в США [Павлов, 2016], но и деятельность его «русского крыла» [Минаев, 2023а; Минаев, 2023б].

Цель статьи – рассмотреть, какие изменения претерпела роль советника по национальной безопасности при Д. Трампе и Дж. Байдене с учётом указанных тенденций. Основное внимание сосредоточено на том, какие функции советника по национальной безопасности выходили на первый план в зависимости от стиля правления президента.

«ПРЕЗИДЕНТСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ» ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Администрация Д. Трампа столкнулась с кадровыми проблемами из-за жёсткой оппозиции демократов и молчаливой оппозиции республиканского истеблишмента. Освещение деятельности Д. Трампа и его окружения в СМИ только усугубляло проблему на протяжении всего его президентства: утечки, в том числе организованные сотрудниками СНБ, и скандалы становились достоянием общественности.

Кадровые трудности, а также предпочтения самого Трампа привели к тому, что вначале он рассматривал кандидатуры генералов на ключевые посты; в его администрации также было немало сотрудников «Фокс-ньюз». Главным для его узкого круга была личная преданность, поэтому многие подходящие кандидатуры из специалистов по национальной безопасности отсекались из-за своей оппозиции Трампу на выборах 2016 года [Burke, 2017: 16]. Многие его советники не были знакомы до назначения в президентскую команду.

Первый советник по национальной безопасности **Майкл Флинн**, военный, поставил рекорд по краткости пребывания на посту (24 дня). Вероятно, он получил свою должность за активное участие в предвыборной кампании Трампа [1:7]. Его кандидатура вызвала вопросы у уходящей команды. Судя по обрушившейся на Флинна критике, он должен был сделать СНБ отвечающим про-

граммме Трампа: быстро расставил свои кадры – сторонников жёсткого курса [Burke, 2018: 643]. Однако он не смог координировать процесс перехода к новому составу СНБ и поток документов внутри совета [Burke, 2017: 12]. Он конфликтовал с высокопоставленными чиновниками и одновременно сохранил тенденцию предыдущей администрации к «микроменеджменту» [2]. По воспоминаниям Дж. Болтона, Д. Трамп в нём быстро разочаровался, а разговоры М. Флинна – ещё в статусе частного лица – с российским послом С.И. Кисляком были только предлогом для отставки [1: 12]. Альтернативная точка зрения на скандал с Флинном заключалась в том, что он вряд ли действовал по своему усмотрению, а его отставка помешала изменить политику в отношении России [3]. Деятельность Флинна на посту советника по национальной безопасности выяснила проблему доверия: он не справился с ролью организатора и доверенного лица президента.

Второй советник Д. Трампа по национальной безопасности **Герберт Макмастер**, также военный, оживил «модель Скоукрофта», укрепил позиции советника и свой авторитет в комитете директоров (*principals committee*) [Burke, 2017: 20]. Он не навязывал своё мнение, а выступал в роли арбитра при обсуждении предложений сотрудников СНБ и карьерных служащих различных ведомств [Burke, 2018: 644], предоставляя президенту варианты действий и их возможные негативные последствия [4]. Чтобы стабилизировать проведение американской внешней политики, он пытался навести порядок в СНБ [5]: добился своего, убрав политтехнолога С. Бэннона и очистил совет от идеологически близких тому сторонников жёсткого курса, которых привёл Флинн, устранил созданный предшественником слой бюрократии (заместителей по региональным и транснациональным вопросам) и сократил разросшийся при Б. Обаме аппарат СНБ [2]. Противники Макмастера представляли эти шаги как возвращение «истеблишмента» во внешней политике; его обвиняли в подрыве президентского курса: он занимал жёсткую позицию по КНДР, а также ранее выступил с планом увеличения военного присутствия США в Афганистане, что противоречило предвыборным обещаниям Трампа [5].

Одной из больших трудностей для Макмастера было выстраивание отношений с президентом и его сплочённым ближним кругом, в котором особое влияние имел зять Дж. Кушнер [Burke, 2018: 646]. В частности, Кушнер не уведомлял Макмастера и сотрудников СНБ о своих контактах [Burke, 2018: 653]. Непросто складывались его отношения с министром обороны Дж. Мэттисом и главой аппарата Белого дома Дж. Келли, изначально поддержавших его кандидатуру; причиной мог быть не только характер Макмастера, но и то, что Мэттис и Келли вышли в отставку генералами армии, в то время как он продолжал служить в ранге генерал-лейтенанта. Бытовало мнение, что «триумвират» Мэттис – Тиллерсон – Келли отодвигал его на второй план [6]. Военный, дисциплинированный стиль работы Макмастера не нравился Трампу [5].

Главным достижением СНБ Макмастера стала публикация «Стратегии национальной безопасности США» 2017 года, в основном составленной сотрудником СНБ Н. Шэдлоу, выходцем из академических кругов, в тесном взаимодействии с заместителем советника по национальной безопасности Д. Хабиб Пауэлл, представителем бизнеса, и самим Макмастером. Работа над стратегией шла в тесном взаимодействии с сотрудниками аппарата СНБ; Шэдлоу, Хабиб и Макмастер проводили многочисленные встречи с чиновниками различных ведомств, конгрессменами, военными, специалистами по внешней политике [Burke, 2018: 648].

Г. Макмастер понимал проблемы СНБ и смог их решить, несмотря на трения и соперничество внутри ближнего круга Трампа. Тем не менее он вынужден был уйти в отставку 6 апреля 2018 года. Его деятельность показала, что хорошая организация работы СНБ необходима, но недостаточна – нужен контакт с президентом и умение находить общий язык с его окружением.

С назначением **Джона Болтона**, консервативного политика и эксперта, СНБ стал как никогда «ястребиным» [5]. Он быстро провёл кадровые перестановки: его заместителем стала лояльная Трампу М. Рикардель – «ястреб с острыми локтями», как и сам Болтон [Burke, 2018: 658]. Осложнились отношения СНБ с Министерством обороны – он сократил число координационных совещаний, а у Рикардель были натянутые отношения с высокопоставленными сотрудниками ведомства: будучи членом переходной команды Д. Трампа, она выступила против того, чтобы Дж. Мэттис взял на работу бывших сотрудников администрации Б. Обамы и дипломатов [7]. Болтон уволил Р. Джойса – помощника, координировавшего вопросы кибербезопасности, в том числе выборов.

За неделю до назначения Болтона Трамп сменил госсекретаря – вместо Р. Тиллерсона должность занял директор ЦРУ М. Помпео. С его отставкой и приходом Болтона баланс сил во внешнеполитической команде Трампа поменялся: если Макмастер был склонен уступать Трампу после того, как представит все опции, то иногда Макмастер, Тиллерсон и Мэттис выступали вместе, особенно по Совместному всеобъемлющему плану действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы (СВПД). Покинувшие команду Трампа Макмастер и Тиллерсон были «защитниками» СВПД, в то время как Болтон и Помпео – «ястребы» и ярые критики соглашения с Ираном. В итоге в мае 2018 года Трамп объявил о выходе из соглашения.

По некоторым данным, после своего назначения Болтон стал превращаться во влиятельную фигуру с доступом к президенту и способностью контролировать, чьи мнения он слышит, в то время как Мэттис оказался изолирован, и в конце года подал в отставку из-за разногласий с Трампом по выводу войск из Сирии и Афганистана [Burke, 2018: 659]. Тогда же администрацию покинул Дж. Келли, ещё один влиятельный отставной военный.

За свою карьеру Болтон заработал репутацию интригана-склончника. Его стали подозревать в утечках: его и помощников даже не допускали до некоторых

совещаний по чувствительным темам, чтобы потом они не превратили эту информацию в оружие. Трампу не нравилась его публичная критика решений администрации (переговоры с КНДР, вывод войск из Сирии, непрямые попытки начать переговоры с иранскими лидерами). За его увольнение выступал ведущий «Фокс-ньюс» Такер Карлсон, «теневой советник Трампа по национальной безопасности», поскольку взгляды Болтона на национальную безопасность расходились со взглядами президента [8]. Трамп хотел выполнить предвыборное обещание закончить бесконечную войну в Афганистане и шире – сократить участие США в военных конфликтах за границей [9; 4]. Госсекретарь М. Помпео и специальный представитель США по примирению в Афганистане З. Халилзад выступали за переговоры с талибами*, в то время как Болтон был против. В итоге Трамп отказался от встречи после совершённого талибами* теракта в Кабуле. Последней каплей стали репортажи в СМИ о том, что Болтон преподнёс отказ Трампа от переговоров с талибами* в Кэмп-Дэвиде в начале сентября 2019 года как свою заслугу [4]. Дж. Болтон был скорее пропагандистом политического курса, чем «честным брокером» и личным советником президента США по национальной безопасности; нередко он представлял не ряд опций, а своё мнение, причём в частном порядке.

Четвёртый советник Д. Трампа по национальной безопасности **Роберт О'Брайен**, юрист, до назначения – спецпосланник по делам заложников; был лоялен Трампу. Своей задачей он видел оптимизацию численности сотрудников СНБ и возвращение функций координации и обеспечения реализации политики, а главной ролью советника – роль «честного брокера», примером чего был Б. Скоукрофт [10]. В СНБ он сосредоточился на геополитическом и экономическом соперничестве с Китаем, участвовал в создании «Соглашений Авраама». Считается, что он не разрабатывал политику, а содействовал реализации курса Трампа, не пытаясь оказывать на него влияние, в отличие от Макмастера и Болтона [11]. Ко второй половине президентского срока команду Трампа покинули независимые фигуры: Дж. Мэттис (Министерство обороны), Р. Тиллерсон (Государственный департамент), Г. Макмастер, Д. Коатс (ЦРУ). Теперь в его команде стало больше лоялистов [1: 20].

О'Брайена критиковали за умышленное ослабление СНБ: он сократил ставки, убрав прикомандированных сотрудников из других ведомств, в том числе Госдепартамента, Министерства обороны и ЦРУ. Возможно, они рассматривались как источник утечек и не были согласны с политикой Трампа [11].

Новый советник лучше ладил с М. Помпео, чем его предшественники, особенно Дж. Болтон, и с Дж. Кушнером. Помпео и Кушнер поддержали его назначение. Он не раздражал Трампа своим стилем работы, в отличие от Макмастера и Болтона. О'Брайен придерживался консервативных взглядов, но не был «яст-

* Люди, участвующие в движении «Талибан». Здесь и далее звездочкой (*) обозначены запрещённые в России террористическая организация.

ребом» и не имел своей собственной повестки [12]. Он сделал своим заместителем М. Поттингера, бывшего журналиста и военного разведчика, которого в СНБ на должность директора по Азии привёл Флинн. Поттингер отвечал за политику в отношении КНДР и Китая, считался «ястребом» и сохранил свой пост при Г. Макмастере и Дж. Болтоне; С. Бэннон считал его «одним из самых влиятельных людей во всём американском правительстве» [13; 11].

«КОЛЛЕКТИВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ» Дж. БАЙДЕНА

С приходом в Белый дом Дж. Байдена СНБ вернулся к своей традиционной координирующей роли между различными ведомствами. Наметилось установление баланса между ключевыми фигурами, ответственными за реализацию внешней политики [Минаев, 2023б: 115]. Отбор кандидатов на должности, связанные с вопросами национальной безопасности и внешней политики, расценивался некоторыми экспертами как возвращение команды Б. Обамы, в которой его молодые помощники выдвинулись на главные роли; однако о возврате к прошлому речи не шло [14].

Одним из пошедших на повышение сотрудников Б. Обамы стал *Джейкоб Салливан*, входивший в число ближайших советников Х. Клинтон в бытность её госсекретарём. С её уходом он получил должность советника по национальной безопасности вице-президента Дж. Байдена во второй администрации Б. Обамы; принимал активное участие в заседаниях СНБ. Вместе с заместителем госсекретаря США У. Бёрнсом участвовал в секретных переговорах с Ираном в Омане, впоследствии приведших к подписанию СВПД. Салливан и Байден критически относились к политике Обамы в отношении России [15]. Салливан выступил в роли старшего советника Х. Клинтон по вопросам политики в ходе избирательной кампании 2016 года [16].

Дж. Салливан произвёл в СНБ изменения, отвечающие повестке Дж. Байдена: его штат вновь был расширен; возвращена должность заместителя по кибербезопасности; появился директорат по новым технологиям; были воссозданы существовавшие при Обаме директораты по глобальному здравоохранению и климату. Он вернул в СНБ соратников Х. Клинтон и Б. Обамы [14].

Одновременно наблюдалось продолжение начавшихся при Д. Трампе тенденций в американской внешней политике: пересмотр отношений с Китаем с прицелом на соперничество; подход к Ирану был ближе к видению Трампа, а не администрации Обамы: претензии выдвигались не только по ядерной программе, но и по баллистическим ракетам и деятельности в регионе, несмотря на предвыборные обещания Байдена вернуться к СВПД [14]. Команда Салливана, занимавшаяся КНР, состояла из «ястребов», возможно, самым крупным из которых был архитектор внешней политики США в Азии К. Кэмпбелл [17].

В работе Дж. Салливана на посту советника президента США по национальной безопасности можно выделить несколько тенденций. Во-первых, весьма вероятно, что Салливан является вторым после президента лицом, определяющим стратегические приоритеты администрации США в области национальной без-

опасности. С организационной точки зрения, ему принадлежит центральная роль как «честному брокеру» [18; 15].

Во-вторых, в СМИ отсутствует информация об активной аппаратной борьбе в президентском окружении. Дж. Байден, Дж. Салливан, Э. Блинкен, Л. Остин и др. воспринимаются как команда [19]. В ней нет политических тяжеловесов и бывших опасных конкурентов, многие должности заняли сотрудники, которых Байден знает многие годы. Салливан избегает противоречий с Байденом [15]. Существующие разногласия среди советников президента носят, в основном, тактический характер и не становятся достоянием общественности. Хотя ярые сторонники Украины видели в Салливане главную причину промедления США в предоставлении различных видов передовых вооружений Киеву, он не соглашался с бытовавшим в Вашингтоне представлением, что другие, в первую очередь Блинкен, выступали за более решительные меры поддержки киевского режима. Разногласия по поставкам американских вооружений возникали между Салливаном, Госдепартаментом и Министерством обороны, однако решение оставалось за Байденом. Толчком к повышению ставок в противостоянии с Россией служили действия Великобритании [15]. Противоречия же по Китаю проходили по линии СНБ – сотрудничество по климату (Госдепартамент) – вопросы глобальной экономики (Министерство торговли США) [Shadlow, 2021]; [17].

В-третьих, деятельность Дж. Салливана не ограничивается координацией внешней политики: произошла заметная операционализация роли советника по национальной безопасности. Он принимает активное участие в реализации внешней политики, проводит много встреч, включая секретные переговоры с китайскими чиновниками в Вене и на Мальте, координирует ближневосточную дипломатию, а также участвует во встречах Дж. Байдена.

В-четвёртых, Дж. Салливан отвечает за формулирование смыслов американской внутренней и внешней политики и их презентацию. Он выступил с программной речью в Бруклинском институте с основными положениями «байденомики», фактически раскритиковав политику свободного рынка «Вашингтонского консенсуса»: чрезмерно оптимистический взгляд на глобализацию, минимальное вмешательство государства в рыночную экономику, приведшее к размыванию промышленной базы и ухудшению положения среднего класса и т.д. [20]. Осенью 2023 года он изложил своё видение национальной стратегии США на страницах «Форин афферс», рупора американского Совета по международным делам [21].

Некоторые американские СМИ создали Дж. Салливану образ интеллектуала, отвечающего требованиям времени в должности советника по национальной безопасности [22; 16; 14; 19; 15]. Однако Р. Хаасс поставил под сомнение правильность «нового внешнеполитического консенсуса», наблюдавшегося в администрациях Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена. Этот консенсус обеспечил существенную преемственность внешнеполитического курса 45-го и 46-го президентов США. Его суть сводилась к отказу от американского интернационализма – активного участия в формировании мирового порядка – и росту национализма [23].

Закономерно, что сформулированная Салливаном «доктрина Байдена» подверглась критике за слишком пессимистическую оценку положения США, усиление роли государства в экономике, «непредсказуемый экономический национализм», отпугивающий союзников [24]; [25].

Национальную стратегию США при Байдене также критиковали за милитаризацию внешней политики, сочетающуюся с перспективой «деконструкции глобализации» [26]. С точки зрения консерваторов, интервенционизм Байдена раздражал противников США, но не обеспечивал «эскалационного доминирования» над ними [18].

Ещё одним поводом для критики был професионализм Дж. Салливана; его обвиняли в том, что он «постоянно вводил в заблуждение правительство о состоянии угроз по всему миру»: Афганистан в 2021 году, Газа в октябре 2023 года, авторство «на удивление ошибочного» СВПД [27]. Его эссе в «Форин афферс» стало лёгкой мишенью из-за неправильной оценки ситуации на Ближнем Востоке за несколько дней до атаки ХАМАС 7 октября 2023 года (статью пришлось корректировать задним числом); кроме того, высмеивался его «кеннановский» интеллектуальный замах, изобличалось «военное кейнсианство» за рубежом и внутри страны, а также возвращение к идеям конкуренции великих держав [28].

ВЫВОДЫ

Несмотря на порой скандальное внимание СМИ к перестановкам в администрации Д. Трампа и лестные отзывы о деятельности Дж. Салливана на посту советника Дж. Байдена по национальной безопасности, их роль соответствовала долгосрочным тенденциям, проявившимся ещё в предыдущих администрациях. При Трампе продолжилось смещение центра принятия решений в сторону «придворных» советников и сотрудников Белого дома, окружающих президента. Причина крылась не только в особенностях личности и делового стиля президента, но и кадрового дефицита на фоне оппозиции истеблишмента Демократической и в некоторой степени Республиканской партий.

Начало президентского правления Д. Трампа отмечено хаотичным процессом передачи дел от предыдущей администрации и стремлением к президентской дипломатии, воплощением которой должен был заниматься его первый советник по национальной безопасности М. Флинн. Г. Макмастер оживил «модель Скоукрофта», укрепил позиции советника по национальной безопасности, смог осуществить публикацию «Стратегии национальной безопасности США» 2017 года с учётом широкого круга мнений, однако ему не хватало взаимопонимания с президентом и политического веса в его окружении. Он совмещал роли «честного брокера», координатора и советника, но не смог подстроиться под рабочий стиль и взгляды президента. Дж. Болтон был скорее пропагандистом политического курса, представлявшим своё мнение, а не просто советником президента США по национальной безопасности. Р. О'Брайен лучше ладил с «дворцом» и высокопо-

ставленными чиновниками администрации, а главное – самим президентом. Он содействовал реализации курса Трампа, не пытаясь оказывать на него влияние, и боролся с утечками – этой цели служили проведённые им изменения СНБ. Если деятельность Флинна и Болтона была примером отклонения от «модели Скоукрофта» с характерными издержками, то Макмастер и О’Брайен способствовали возвращению к ней. К концу президентства Д. Трампа формально функционирование СНБ приближалось к «модели Скоукрофта».

В «коллективное правление» Байдена был воссоздан круг Х. Клинтон – Б. Обамы, в целом не было заметно людей с альтернативной точкой зрения. Ближний, довольно сплочённый круг доверенных лиц занял официальные должности. Дж. Салливан сочетал как традиционные роли советника по национальной безопасности – посредника и личного советника президента по вопросам стратегии, так и те, что ещё недавно считались нежелательными – активная работа со СМИ, формулирование и пропаганда внешне- и внутриполитического курса, а также участие в реализации политики.

При Д. Трампе были предприняты попытки скорректировать стратегическое целеполагание, однако кадровые проблемы и обострение внутриполитической борьбы не способствовали их реализации. Кроме того, большинство СМИ оказали американцам «медвежью услугу», не объяснив многие новые начинания администрации [Schadlow, 2021]. Дж. Байден содержательно продолжил направления, наметившиеся при Трампе: ужесточение политики в отношении Китая, пересмотр торговой политики в сторону протекционизма, однако формулирование целей было, с одной стороны, идеологизированным, с другой – слишком пессимистичным для сторонников американской гегемонии. Хотя сформулированная Дж. Салливаном «доктрина Байдена» увязывала внутри- и внешнеполитические цели США, национальные интересы по-прежнему формулировались весьма амбициозно, но недостаточно внимания уделялось внутренним проблемам, то есть растущему расколу внутри страны.

ИСТОЧНИКИ

1. Bolton, J. *The Room Where It Happened: A White House Memoir*. 2020. NY: Simon & Schuster.
2. Macaron, J. Decoding Steve Bannon’s ouster from the NSC. *Aljazeera*. 6.04.2017. Available at: <https://www.aljazeera.com/opinions/2017/4/6/decoding-steve-bannons-ouster-from-the-nsc> (accessed: 16.11.2023).
3. Schmidle, N. Michael Flynn, General Chaos. *The New Yorker*. 18.02.2017. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2017/02/27/michael-flynn-general-chaos> (accessed: 19.04. 2024).
4. Johnson, E. Inside Trump and Bolton’s spectacular split. *Politico*. 10.09.2019. Available at: <https://www.politico.com/story/2019/09/10/trump-john-bolton-relationship-1488514> (accessed: 15.11.2023).

5. Landler, M., Haberman, M. Trump Chooses Bolton for 3rd Security Adviser as Shake-Up Continues. *The New York Times*. 22.03.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/03/22/us/politics/hr-mcmaster-trump-bolton.html> (accessed: 15.11.2023).
6. Perry, M. McMaster's Problem Isn't Trump. It's Mattis and Kelly. *Foreign Policy*. 7.03.2018. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/03/07/mcmasters-problem-isnt-trump-its-mattis-and-kelly/> (accessed: 4.05.2024).
7. Rogin, J. John Bolton's new deputy is a hawk with sharp elbows, just like him. *The Washington Post*. 23.04.2018. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/josh-rogin/wp/2018/04/23/john-bolton-s-new-deputy-is-a-hawk-with-sharp-elbows-just-like-him/> (accessed: 16.11.2023).
8. Wood, G. How Long Can John Bolton Take This? *The Atlantic*. 2.07.2019. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2019/07/john-bolton-s-long-game/593134/> (accessed: 17.04.2024).
9. Seligman, L., Groll, E., Gramer, R. Trump's National Security Team Splinters Over Taliban Meeting. *Foreign Policy*. 9.11.2019. Available at: <https://foreignpolicy.com/2019/09/09/esper-pompeo-bolton-trumps-national-security-team-splinters-over-taliban-meeting-peace-talks-details-afghanistan-pompeo-bolton-state-department-national-security-council-pentagon/> (accessed: 15.11.2023).
10. O'Brien, R.C. Robert C. O'Brien: Here's how I will streamline Trump's National Security Council. *The Washington Post*. 16.10.2019. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/robert-c-obrien-heres-how-i-will-streamline-trumps-national-security-council/2019/10/16/2b306360-f028-11e9-89eb-ec56cd414732_story.html (accessed: 4.05.2024).
11. Crowley, M., Sanger, D.E. Under O'Brien, N.S.C. Carries Out Trump's Policy, but Doesn't Develop It. *The New York Times*. 21.02.2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/02/21/us/politics/national-security-council-trump-policy.html> (accessed: 15.11.2023).
12. Crowley, M., Baker, P., Haberman, M. Robert O'Brien 'Looks the Part,' but Has Spent Little Time Playing It. *The New York Times*. 18.11.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/09/18/us/politics/national-security-adviser-robert-obrien.html> (accessed: 15.11.2023).
13. Crowley, M. The White House Official Trump Says Doesn't Exist. *Politico*. 30.05.2018. Available at: <https://www.politico.com/magazine/story/2018/05/30/donald-trump-matthew-pottinger-asia-218551/> (accessed: 27.04. 2024).
14. Labott, E. The Sullivan Model. *Foreign Policy*. 9.04.2021. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/04/09/the-sullivan-model-jake-nsc-biden-adviser-middle-class/> (accessed: 15.11.2023).
15. Glasser, S.B. Jake Sullivan's Trial by Combat. *The New Yorker*. 9.10.2023. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2023/10/16/trial-by-combat> (accessed: 19.04.2024).

16. Leibovich, M. Jake Sullivan, Biden's Adviser, a Figure of Fascination and Schadenfreude. *The New York Times*. 30.11.2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/11/30/us/politics/jake-sullivan-biden.html> (accessed: 15.11.2023).
17. Thompson, A., Kine, P., Tani, M. Jake's nest of China hawks. *Politico*. 13.04.2022. Available at: <https://www.politico.com/newsletters/west-wing-playbook/2022/04/13/jakes-nest-of-china-hawks-00024976> (accessed: 16.11.2023).
18. Dueck, C. The Biden Doctrine. *The Caravan*. 5.03.2024. Available at: <https://www.hoover.org/research/biden-doctrine> (accessed: 11.05.2024).
19. Ward, A. Jake Sullivan's Revolution. *Politico*. 19.02.2024. Available at: <https://www.politico.com/news/magazine/2024/02/19/jake-sullivan-globalization-biden-00141697> (accessed: 4.04. 2024).
20. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution. The White House. 27.04.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (accessed: 4.04.2024).
21. Sullivan, J. The Sources of American Power. *Foreign Affairs*. November/December 2023. P. 8–29.
22. Bertrand, N. The inexorable rise of Jake Sullivan. *Politico*. 27.11.2020. Available at: <https://www.politico.com/news/2020/11/27/jake-sullivan-biden-national-security-440814> (accessed: 16.11.2023).
23. Haass, R. The Age of America First. *Foreign Affairs*. 29.09.2021. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-09-29/biden-trump-age-america-first> (accessed: 27.04.2024).
24. Joe Biden's global vision is too timid and pessimistic. *The Economist*. 18.05.2023. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2023/05/18/joe-bidens-global-vision-is-too-timid-and-pessimistic> (accessed: 4.04.2024).
25. Zakaria, F. The Self-Doubting Superpower. *Foreign Affairs*. 12.12.2023. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/self-doubting-superpower-america-fareed-zakaria> (accessed: 4.04.2024).
26. Sisson, M.W. The Biden Administration's Dangerous Grand Strategy. *Lawfare*. 21.05.2023. Available at: <https://www.lawfaremedia.org/article/the-biden-administration-s-dangerous-grand-strategy> (accessed: 19.04.2024).
27. Suter, T. Blackburn calls for national security adviser Sullivan's ousting. *The Hill*. 14.10.2023. Available at: <https://thehill.com/homenews/senate/4256719-blackburn-calls-for-national-security-advisor-sullivans-ousting/> (accessed: 16.11.2023).
28. Heer, J. Jake Sullivan's Rewrite Can't Paper Over an Impoverished Foreign Policy. *The Nation*. 30.10.2023. Available at: <https://www.thenation.com/article/world/jake-sullivan-foreign-affairs-middle-east/> (accessed: 27.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Минаев М.В. Группа специалистов по России в аппарате СНБ администрации Дональда Трампа. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. №10. С. 56–69. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673023100061>.

Минаев М.В. «Русская» группа в аппарате СНБ администрации Джозефа Байдена (2021–2022 гг.). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. №9. С. 113–126. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673023090092>.

Мирошников С.Н. Проект «Солярий» и политика «отбрасывания коммунизма» администрации Д. Эйзенхауэра. *Американские исследования в Сибири*. 2009. №10. С. 101–126.

Павлов В.В. Совет национальной безопасности США в оценках современных американских исследователей. *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. №4. С.181–189. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-4-49-181-189>.

Сушенцов А.А., Павлов В.В. «Кризис призыва» в Государственном департаменте: проблемы конвертации внешнеполитического потенциала США во влияние. *Полис. Политические исследования*. 2021. №2. С. 76–98. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.06>.

REFERENCES

Burke, J.P. *Honest broker? The national security advisor and presidential decision making*. 2009. College Station: Texas A&M University Press.

Burke, J.P. Struggling with Standard Order: Challenges and Performance of the Trump National Security Council System. *Presidential Studies Quarterly*. 2018. Vol. 48, No. 4. P. 640–666. DOI: <https://doi.org/10.1111/psq.12493>.

Burke, J.P. The Contemporary Presidency: The Trump Transition, Early Presidency and National Security Organization. *Presidential Studies Quarterly*. 2017. Vol. 47, No. 3. P. 574–596. DOI: <https://doi.org/10.1111/psq.12402>.

Burke, J.P. The National Security Advisor and Staff: Transition Challenges. *Presidential Studies Quarterly*. 2009. Vol. 39, No. 2. P. 283–321. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-5705.2009.03676.x>.

Burke, J.P. The Neutral/Honest Broker Role in Foreign-Policy Decision Making: A Reassessment. *Presidential Studies Quarterly*. 2005. Vol. 35, No. 2. P. 229–258. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-5705.2005.00247.x>.

Daalder, I.H., Destler, I.M. *In the shadow of the Oval Office: profiles of the national security advisers and the presidents they served – from JFK to George W. Bush*, 2009. NY: Simon & Schuster.

Destler, I.M. (Mac) How National Security Advisers See Their Role, *The domestic sources of American foreign policy: insights and evidence*, [edited by] James M. McCormick. 6th ed. 2012. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Dickinson, M.J. Honest Broker? The National Security Advisor and Presidential Decision Making by John P. Burke. *Political Science Quarterly*. 2011. Vol. 126, No. 1. P. 155–157. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1538-165X.2011.tb02117.x>.

Gvosdev, N.K. How U.S. National Security Decisions Are Made. *Orbis*. 2017. Vol. 61, No. 1. P. 27–33. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2016.12.005>.

Minaev, M.V. Russia Specialists Panel of the Trump Administration National Security Council. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023. Vol. 50, No. 10. P. 56–69. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673023100061> (In Russ.).

Minaev, M.V. Russian Group of the Biden Administration's National Security Council Staff (2021–2022). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023. Vol. 50, No. 9. P. 113–126. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673023090092> (In Russ.).

Miroshnikov, S.N. Proekt "Soliariii" i politika "otbrasyvaniya kommunizma" administratsii D. Eisenhowera [The "Solarium" Project and "Rollback" Policy of D. Eisenhower's Administration]. *American Studies in Siberia*. 2009. No. 10. P. 101–126. (In Russ.).

Nelson, A.K. The "Top of Policy Hill": President Eisenhower and the National Security Council. *Diplomatic History*. 1983. Vol. 7, No. 4. P. 307–326. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.1983.tb00397.x>.

Pavlov, V.V. Sovet natsionalnoi bezopasnosti SShA v otsenkah sovremennoy amerikanskikh issledovatelei [The U.S. National Security Council in Contemporary American International Studies]. *MGIMO Review of International Relations*. 2016. Vol. 49, No. 4. P. 181–189. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-4-49-181-189> (In Russ.).

Schadlow, N. Is There National Security Continuity Between the Trump and Biden Administrations? *Orbis*. 2021. Vol. 65, No. 3. P. 377–384. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2021.06.002>.

Sushentsov, A.A., Pavlov, V.V. "Krizis prizvaniya" v Gosydarstvennom departamente: problem konvertatsii vneshepoliticheskogo potenciala SShA vo vliyanie ["Vocation Crisis" in the State Department: Problems of Converting U.S. Foreign Policy Potential into Influence]. *Polis. Political Studies*. 2021. No. 2. P. 76–98. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.06> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анастасия Октаевна МАМЕДОВА, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №1, факультет международных отношений, МГИМО МИД России.

Российская Федерация, 119454 Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Anastasia O. MAMEDOVA, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, English Language Department 1, School of International Relations, MGIMO University.

76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024 / Received 18.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 30.06.2024 / Revised 30.06.2024.

Статья принята к публикации 3.07.2024 / Accepted 3.07.2024.

Содержание за 2024 год

Айвазян Д.С. США и идеологические установки политики НАТО в Черноморском регионе, № 1

Акимов Ю.Г., Исаева Е.В. Первые международные чтения по канадоведению в РГГУ памяти В.А. Коленеко, № 10

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. IX Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете, № 9

Ануреев С.В. Перераспределение военных расходов США на союзников: намерения и реальность, № 1

Артамонова У.З. Первый срок Дж. Байдена: ренессанс публичной дипломатии США? № 5

Архангельский И.Ю. Определение статуса резидента в целях налогообложения в США, № 11

Бабаев К.В. Вторая холодная война, № 8

Бартенев В.И. Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации, № 11

Батюк В.И. Военная стратегия администрации Дж. Байдена в Индо-Тихоокеанском регионе, № 6

Батюк В.И. После Афганистана: военная политика США на Ближнем и Среднем Востоке, № 9

Берлявский Л.Г. Роль Верховного суда США в толковании конституции и в конституционном правотворчестве, № 1

Бобкин Н.Н. Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке: последствия для региональной и глобальной политики, № 1

Болдырев В.Е. Трансформация тихоокеанских регионов во второй половине XX – начале XXI века, № 4

Братерский А.В. Политический портрет Джейкоба Салливана, № 5

Буй Тхи Khanь Хуен. Особенности политики Социалистической

Республики Вьетнам в Азиатско-Тихоокеанском регионе, № 8

Бэ Бумки. Роль США в решении территориальных проблем Восточной Азии, № 8

Володин Д.А. Канада в меняющейся архитектуре безопасности Индо-Тихоокеанского региона, № 11

Волошина А.В. Выборы на Тайване 2024 года: последствия для региональной стабильности, № 11

Воробьев Д.Н. Влияние критической расовой теории на современный идеиный раскол в США, № 10

Воробьев Д.Н. Кризис расовой политики «позитивных действий» в сфере высшего образования США, № 2

Гегелашвили Н.А. Внешнеполитический курс Вашингтона в отношении Грузии как следствие её внутренней политики, № 3

Гегелашвили Н.А. Эволюция стратегии Вашингтона в отношении стран Центральной Азии, № 5

Голиней В.А. Основные черты и ограничения межамериканской системы как полюса в современном мире, № 11

Дербенев А.С. Аравийская динамика запутанной дилеммы США: схватка за «кормовые» территории, № 9

Дербенев А.С. Технологические и социокультурные новшества в Королевстве Саудовская Аравия: отношения с США, № 10

Дорошенко Г.А. Политика США по присвоению статуса «основного союзника вне НАТО» в отношении государств ССАПЗ, № 2

Дун Ваньли. Эволюция роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, № 8

Жебин А.З. Об отношениях КНДР – США, № 8

Забровская Л.В. Планы США по установлению контроля над рынком микрочипов, № 2

Заклязьминская Е.О. Геополитический треугольник «Россия – США – Китай» в условиях санкционного противоборства, № 7

Зименков Р.И. США – Польша: факты и тенденции торгово-экономических отношений в новых реалиях, № 3

Зуенко И.Ю. Китайские оценки американских концептов «новой биполярности» и «новой холодной войны», № 7

Иванов В.Б., Пусенкова Н.Н. Дилеммы декарбонизации США, № 5

Исаелян Е.В. Политическое наследие премьер-министра Канады Брайана Малруни (1939–2024 гг.), № 9

Ким Ен Ун. Эволюция баланса сил в Северо-Восточной Азии: значение для регионального статус-кво, № 8

Кириченко Э.В. Бюджетный процесс в США: штатдаун как инструмент межпартийной борьбы, № 6

Клименко А.Ф. Роль России и Китая в противоборстве двух государств с Соединёнными Штатами, № 7

Козлов В.О. Интересы американского корпоративного сектора в условиях фрагментации мировой экономики и конфликта с Россией, № 8

Колобов Р.Ю. Правовое регулирование ликвидации накопленного экологического вреда на промышленных площадках в США, № 10

Кочегуров Д.А. Новая промышленная политика США при администрации Дж. Байдена, № 5

Кочегуров Д.А. Австралия во внешней и оборонной политике США на современном этапе, № 11

Лебедева Л.Ф. О федеральных социальных трансферах в США: эволюция подходов, № 5

Лебедева Л.Ф. США в мировом товарном экспорте в начале третьего десятилетия, № 12

Лебедева Л.Ф. Финансовое самочувствие американцев в преддверии президентских выборов в США, № 3

Левченко А.В. Трансатлантические отношения в контексте выхода США из иранского ядерного соглашения, № 4

Лекаренко О.Г. Роль США в подготовке и проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, № 6

Лексютина Я.В. США: в поисках ответа на китайскую инициативу «Пояс и путь», № 11

Литвинцев Д.Б. Ежегодная конференция Канадской социологической ассоциации 2023. Исследовательский кластер: жилищная социология, № 1

Мамедова А.О. Англо-американские отношения при Дж. Байдене, № 2

Мамедова А.О. Роль советников президента США по национальной безопасности в администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена, № 12

Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Институционализация гегемонии английского языка в США, № 4

Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Тема иммиграции и нестандартные варианты английского в американском предвыборном дискурсе, № 6

Меньшикова А.М. Актуальные аспекты внешнеторговой политики США, № 6

Морозов Ю.В. Будущее независимости Тайваня в контексте взаимоотношений США и КНР, № 5

Мотявин М.М. Сотрудничество США и Республики Корея в сфере искусственного интеллекта, № 8

Неренц Д.В. Процессы фейковизации в информационном пространстве США, № 3

Никитин Л.В. Особое звено в банковской системе США: штат Огайо, № 10

Петров А.Ю. К 200-летию со дня подписания первой Русско-американской конвенции, № 5

Петровский В.Е. Китайский мирный план по Украине в контексте «треугольника» США – Китай – Россия, № 7

Подлесный П.Т. Американские специалисты о проблеме подрыва стабильности российского общества, № 6

Подлесный П.Т. США, Запад и Украина: что дальше? (Дискуссии в Вашингтоне), № 9

Пороховский А.А. Американский экономический суверенитет: основа мирового лидерства США, № 10

Приходько О.В. США и европейская оборонная интеграция, № 9

Приходько О.В. Трансатлантическое оборонное сотрудничество в контексте противоборства России и Запада на Украине, № 4

Прокопчук Е.Э. Эволюция подходов Республиканской и Демократической партий США к климатической повестке (конец 1990-х – 2023 годы), № 1

Самуилов С.М. Америка против всех. Борьба США за сохранение своей гегемонии в мире, № 11

Селянин С.В. США против России: кибернатиск на Восток, № 9

Сёмина Л.И. «Мягкая» война биотехнологий: Республика Корея и США, № 8

Синдеев А.А. Американо-германские отношения: конкретизация будущего, № 1

Скосырев В.А. Режимная трансформация КНР и выбор стратегии сдерживания Китая: оценки американских китаеведов, № 7

Солянова М.В. «Антикитайский» нарратив Индо-Тихоокеанской стратегии Канады, № 9

Степанова Н.В. Проблема изменения климата и опыт военного планирования в США, № 12

Студенцов В.Б. Нематериальный экономический культурный капитал Канады (наброски к характеристике), № 6

Студенцов В.Б. Нематериальный экономический культурный капитал США (наброски к характеристике), № 3

Сунь Исян. The United States' Strategic Interests in Russia-Ukraine conflict, № 12

Сунь Исян. Последствия специальной военной операции для трансрегиональной безопасности и стратегические интересы США и Китая (*in English*). Часть I – № 7, Часть II – № 12

Супян В.Б. Высшая школа США: особенности развития в третьем десятилетии XXI века, № 4

Супян В.Б. Итоги трёх лет президентства Дж. Байдена: состояние экономики и среднесрочные перспективы, № 1

Сургуладзе В.Ш. «Невидимая сила» или дипломатическое бессилие? № 6

Сургуладзе В.Ш. Анатомия внешнеполитических кризисов, № 1

Сургуладзе В.Ш. Межцивилизационное взаимодействие США и незападного мира, № 3

Сургуладзе В.Ш. Элитологический аспект «опасной жизни в советской политике», № 9

Таскаева С.В. Трансформация миграционных коридоров как следствие глобализационных процессов, № 2

Теребов О.В. Остров Хаулэнд: из истории экспансии США на Тихом океане, № 2

Тимофеев П.П. Дилеммы Франции в ИТР: «Трудно быть третьим», № 7

Толкачев С.А. Американский промышленный консенсус и его враги, № 12

Трунов Ф.О. Интересы США и политика ФРГ в сфере безопасности и обороны (начало 2020-х годов), № 2

Трунов Ф.О. Эволюция военного присутствия США в Европе (2017–2023 годы), № 10

Труш С.М. Отношения КНР – США и российский фактор: особенности текущего момента, № 7

Уянаев С.В. Диалог США – Индия: взгляд из Китая, № 8

Уянаев С.В. Китайский фактор в отношениях США и Индии: динамика и перспективы, № 7

Фейст А.А. Автомобильная промышленность Мексики и её интеграция в Северной Америке, № 3

Федоров В.И. «13 ключей к Белому дому» для Дональда Трампа: наблюдая за выборами, № 12

Халилов В.М. Отражение культурных войн в современном кинематографе США, № 6

Хлопов О.А. Энергетическая независимость США: возможности реализации и ограничения, № 3

Хорошилов Е.Е. Реконфигурация атомной промышленности США и Канады, № 12

Чадаева Т.В. Регулирование цифровых активов в США, № 4

Черных М.А. Панэтнические термины для обращения к испаноязычной группе США: сравнительный анализ, № 2

Черных М.А. Религиозные тенденции среди латиноамериканцев: причины и влияние на политическую систему США, № 4

Шведова Н.А. Камала Харрис – «новый признак сейсмического сдвига» в президентской гонке – 2024?, № 12

Шведова Н.А. Выборы президента США – 2024: репродуктивные права в фокусе, № 10

Шведова Н.А. Здравоохранение США: силуэт в президентской кампании 2024, № 9

Шкробтак И.О. Основные признаки наращивания военного производства в Соединённых Штатах Америки, № 3

Шкробтак И.О. Сотрудничество оборонно-промышленных комплексов США и Республики Корея, № 8

Поздравление! № 11

Юбилей А.Н. Панова, № 8

Информация для авторов, № 1-12.

Contents-2024

Akimov, Yu.G., Isaeva, E.V. Vadim Koleneko Memorial Conference on Canadian Studies at the Russian State University of Humanities, No.10

Akimov, Yu.G., Minkova, K.V. 9th Conference on Canadian Studies at Saint Petersburg State University, No.9

Anureev, S.V. Shift of US Military Spending to Allies: Intentions and Realities, No.1

Arkhangelsky, I. Yu. Estimation of resident status for taxation in the USA, No.11

Artamonova, U.Z. J. Biden's First Term: Renaissance of U.S. Public Diplomacy? No.5

Ayvazyan, D.S. The USA and the Ideological Principles of NATO Policy in the Black Sea Region, No.1

Babaev, K.V. Cold War II, No.8

Bae Bumki. The Role of the U.S. in Settlement of the Territorial Disputes of East Asia, No.8

Bartenev, V.I. The U.S. Model of Insuring Development Investments from Political Risks: Tracking Transformative Changes, No.11

Batyuk, V.I. After Afghanistan: U.S. Military Policy in the Middle East, No.9

Batyuk, V.I. The Military Strategy of the Biden Administration in the Indo-Pacific Region, No.6

Berlyavsky, L.G. The Role of the U.S. Supreme Court in the Constitutional Interpretation and Law-Making, No.1

Bobkin, N.N. US-China Rivalry in the Middle East: Implications for Regional and Global Policies, No.1

Boldyrev, V.E. Transformation of Pacific Regions in the Second Half of the 20th Century - Beginning of the 21st Century, No.4

Bratersky, A.V. Political Profile of Jacob Sullivan, No.5

Bui Thi Khan Huen. Features of the Policy of the Socialist Republic of Vietnam in the Asia-Pacific Region, No.8

Chadaeva, T.V. U.S. Approaches to Regulating Digital Assets, No.4

Chernykh, M.A. Latino Religious Shift: Causes and Impact on the U.S. Political System, No.4

Chernykh, M.A. Pan-Ethnic Terms to Refer to the Hispanics in the U.S.: a Comparative Analysis, No.2

Derbenev, A.S. Technological and Socio-Cultural Innovations in the Life of the Kingdom of Saudi Arabia in the Context of Relations with the United States, No.10

Derbenev, A.S. The Arab Dynamics of the Confusing U.S. Dilemma: the Struggle for Valuable Territories, No.9

Dong Wanli. Evolution of China's Role in the Asia-Pacific Region, No.8

Doroshenko, G.A. US Policy on Assigning "Major Non-NATO Ally" Status to GCC States, No.2

Fedorov, V.I. "13 keys to the White House" for Donald Trump, No.12

Feist, A.A. Distinctive features of the Mexican Automobile Industry and its Industrial Integration in North America, No.3

Gegelashvili, N.A. The Evolution of Washington's Strategy towards Central Asia, No.5

Gegelashvili, N.A. Washington's Foreign Policy towards Georgia: Influences of Domestic Policy, No.3

Goliney, V.A. Main features and limits of the Inter-American system as a pole in the modern world, No.11

Issraelyan, E.V. The Political Legacy of Canadian Prime Minister Brian Mulroney (1939-2024), No.9

Ivanov, N.A., Poussenkova, N.N. Dilemmas of U.S. Decarbonization, No.5

Khalilov, V.M. Reflections of Culture Wars in Contemporary U.S. Cinema, No.6

Khlopov, O.A. U.S. Energy Independence: Opportunities and Limitations, No.3

Khoroshilov, E.E. Reconfiguration of the U.S. and Canadian nuclear industry, No.12

Kim En Un. Evolution of the Balance of Power in Northeast Asia: Implications for Regional Status Quo, No.8

Kirichenko, E.V. Budget Process in the USA: Shutdown as a Tool of Inter-Party Struggle, No.6

Klimenko, A.F. The Role of Russia and China in the Confrontation with the United States, No.7

Kochegurov, D.A. Australia in US foreign and defense policy at the present stage, No.11

Kochegurov, D.A. U.S. New Industrial Policy Under the Administration of President J. Biden, No.5

Kolobov, R.Yu. Legal Regulation of the Remediation of Accumulated Environmental Damage at Industrial Sites in the USA, No.10

Kozlov, V.O. The Interests of the American Corporate Sector in the Context of Fragmentation of the Global Economy and Conflict, No.8

Lebedeva, L.F. United States in the world exports at the beginning of the third decade, No.12

Lebedeva, L.F. Financial Worries of Americans Before the Presidential Elections in the U.S., No.3

Lebedeva, L.F. The Significance of Federal Social Transfers in the US: Evolution of Approaches, No.5

Lekarenko, O.G. The Role of the USA in the Preparation and Holding of the Conference on Security and Cooperation in Europe, No.6

Leksyutina, Ya. V. The U.S. response to China's Belt and Road Initiative, No.11

Levchenko, A.V. Transatlantic Relations in the Light of the US's Withdrawal from the Iran Nuclear Deal, No.4

Litvintsev, D.B. The Annual Canadian Sociological Association Conference 2023. Research Cluster: Sociology of Housing, No.1

Mamedova, A.O. National Security Advisors under Donald Trump and Joseph Biden, No.12

Mamedova, A.O. Anglo-American Relations under Biden, No.2

Marusenko, M.A., Marusenko, N.M. The Theme of Immigration and Non-Standard Variants of English in American Electoral Discourse, No.6

Menshikova, A.M. Current Aspects of U.S. Foreign Trade Policy, No.6

Morozov, Yu.V. The Future of Taiwan's Independence in the Context of U.S.-China Relations, No.5

Motyavin, M.M. U.S.-ROK AI Cooperation, No.8

Nerentz, D.V. Fakeization Processes in the U.S. Information Space: Problems and Solutions, No.3.

Nikitin, L.V. A Specific Component in the US Banking System: The State of Ohio, No.10

Petrov, A.Yu. To the 200th Anniversary of the Signing of the Russian-American Convention, No.5

Petrovskiy, V.Ye. Chinese Peaceful Plan for Ukraine in the Context of USA-China-Russia "Triangle", No.7

Podlesnyi, P.T. The USA, the West, and Ukraine: What's Next? (Discussions in Washington), No.9

Podlesnyi, P.T. American Experts on the Problem of Undermining the Stability of Russian Society, No.6

Porokhovsky, A.A. American Economic Sovereignty: The Foundation of U.S. World Leadership, No.10

Prikhodko, O.V. The United States and European Defense Integration, No.9

Prikhodko, O.V. Transatlantic Defense Cooperation in the Context of Russia – West Confrontation in Ukraine, No.4

Prokopchuk, E.E. The Evolution of U.S. Republican and Democratic Party Approaches to Climate Agenda: Late 1990s to 2023, No.1

Samuilov, S.M. America against all. The struggle of the United States to maintain its hegemony in the world, No.11

Selyanin, Y.V. U.S. vs. Russia: Cyber «Drang nach Osten», No.9

Semina, L.I. The Soft War of Biotechnology: The Republic of Korea and the United States, No.8

Shkrobtak, I.O. Cooperation between the Defense Industrial Complexes of the United States and the Republic of Korea, No.8

Shkrobtak, I.O. Indicators of Increased Military Production in the United States, No.3

Shvedova, N.A. 2024 US Presidential Election: Reproductive Rights in Focus, No.10

Shvedova, N.A. Kamala Harris: 'New Sign of Seismic Shift' in 2024 Presidential Race? No.12

Shvedova, N.A. The U.S. Health Care: A Silhouette in the 2024 Presidential Campaign, No.9

Sindeev, A.A. U.S.-German Relations: Concretization of the Future, No.1

Skosyrev, V.A. Regime Transformation of the PRC and the Formulation of a Strategy to Contain China: Assessments of American Sinologists, No.7

Solyanova, M.V. The Anti-China Narrative in Canada's Indo-Pacific Strategy, No.9

Stepanova, N.V. Climate change and military planning in the United States, No.12

Studentsov, V.B. Canada's Intangible Economic Cultural Capital (Outline for Characterization), No.6

Studentsov, V.B. U.S. Intangible Economic Cultural Capital (Outline for Characterization), No.3

Sun Yixiang. Transregional Security Impacts of the Special Military Operation and Strategic Interests of the United States and China, No.7; No.12

Supyan, V.B. Higher Education in the USA: Characteristics of Development During the Third Decade of the 21st Century, No.4

Supyan, V.B. Three Years of J. Biden's Presidency: The State of Economy and Mid-Term Forecasts, No.1

Surguladze, V.Sh. "Invisible Force" or Diplomatic Powerlessness? No.6

Surguladze, V.Sh. Intercivilizational Interaction between the United States and the Non-Western World (The Civilizational Identity of Russia in the Context of S. Huntington's Concept of the Clash of Civilizations), No.3

Surguladze, V.Sh. The Anatomy of Foreign Policy Crises, No.1

Surguladze, V.Sh. The Elitist Aspect of "The Years of Living Dangerously in Soviet Politics", No.9

Taskaeva, S.V. Transformation of Migration Corridors as a Consequence of Globalization Processes, No.2

Terebov, O.V. Howland Island: From the History of US Expansion in the Pacific, No.2

Timofeev, P.P. France's Dilemmas in the Indo-Pacific: It's Hard to Be the Third, No.7

Tolkachev S.A. The American industrial consensus and its enemies, No.12

Trunov, Ph.O. German Security and Defence Policy in the Early 2020s and the Influence of US Interests, No.2

Trunov, Ph.O. The Evolution of the U.S. Military Presence in Europe (2017-2023), No.10

Trush, S.M. U.S. – China Relations and the Russian Factor: Current Tendencies, No.7

Uyanaev, S.V. The Chinese Factor in Relations between the USA and India: Dynamics and Prospects, No.7

Uyanaev, S.V. The US-India Dialogue: A Look from China, No.8

Volodin, D.A. Canada in the Changing Security Architecture of the Indo-Pacific Region, No.11

Voloshina, A.V. Taiwan's 2024 Elections: Implications for Regional Stability, No.11

Vorobyev, D.N. The Crisis of Race-Based Affirmative Action Policy in the US Higher Education, No.2

Vorobyev, D.N. The Influence of Critical Race Theory on the Contemporary Ideological Divide in the USA, No.10

Zabrovskaya, L.V. US Plans to take Control of the Microchip Market, No.2

Zakliazminskaya, E.O. Geopolitical Triangle "Russia – USA – China" in the Context of Sanctions Confrontation, No.7

Zhebin, A.Z. On the DPRK-US Relations, No.8

Zimenkov, R.I. USA – Poland: Bilateral Trade and Economic Relations in the New Realities, No.3

Zuenko, I.Yu. Chinese Perception of "New Bipolarity" and "New Cold War" Concepts, No.7

Jubilee of A.N. Panov, No.8

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объем принимаемых к рассмотрению статей – не более 40 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. Бумажная версия печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик «Размышляя над прочитанным» и «Книжная полка» могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках («Список литературы» и «References» соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе «Источники», который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах «Источники» и «Список литературы/References» приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе «Источники», [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе «Список литературы».

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.